

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

КНИГА ВТОРАЯ
Одиссей покидает Итаку



Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Одиссей покидает Итаку

«Звягинцев Станислав»

1983

Звягинцев В. Д.

Одиссей покидает Итаку / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев
Станислав», 1983 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 5-699-11768-7

Эта книга вошла в «золотой фонд» русской фантастики. Это – классика жанра «альтернативной истории». Это – первая масштабная попытка переиграть начало Отечественной войны, отменив катастрофу 1941 года, «перевести стрелку истории», переписать кровавый черновик советского прошлого на белом. И так, «блицкрига» не получилось. 22 июня 1941 года Красная Армия ожидала нападения, и немецкие танковые клинья увязли в хорошо подготовленной обороне. Изматывая Вермахт в затяжных оборонительных боях, советские войска организованно отошли к старой границе, где и остановили противника...

ISBN 5-699-11768-7

© Звягинцев В. Д., 1983

© Звягинцев Станислав, 1983

Содержание

Часть I	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	45
Часть II	57
Глава 1	57
Глава 2	65
Глава 3	69
Глава 4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Василий Звягинцев

Одиссей покидает Итаку

Часть I

КРИТЕРИИ ОТБОРА

*Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отсеклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.*

Н. Гумилев

Заснула она поздно, почти под утро, и, ощутив сквозь сомкнутые веки, что в комнате светло, успела с досадой подумать, что не стоило поддаваться на Димкины уговоры и ехать с ним на Ленинские горы, возвращаться ночью пешком, да еще и долго стоять в подъезде. Мало ли что он завтра уезжает... Сегодня тоже будет день. А вот на экзамен теперь придется идти не выспавшись.

И открыла через силу глаза.

В комнате было сумрачно, и за окном шел дождь. Сначала она увидела только это и лишь через секунду поняла, что не лежит в постели, а совершенно одетая стоит у окна и за окном не знакомый с детства проспект с гудящим многорядным потоком машин и бело-зеленым зданием Рижского вокзала вдали, а какой-то сад или парк, на первом плане густые мокрые кусты и мокрая трава, а дальше, за серой пеленой дождя, виднеются высокие мокрые глухие стены.

Так тоже бывало – думаешь, что проснулась, а на самом деле сон продолжается. И тут же она окончательно и очень ясно поняла, что никакой это не сон, а самая настоящая, хоть и странная реальность.

Захотела испугаться и не смогла этого сделать. Было только недоумение и словно бы оглушенность от необъяснимого перехода в совсем другую жизнь.

Оглядевшись, она увидела, что находится в большой и почти пустой комнате. На золотистом, с длинным ворсом ковре стоял низкий журнальный столик, возле него – два кресла. И все.

Нет, она ошиблась. Всю противоположную стену занимал тускло отсвечивающий, почти незаметный на фоне обоев экран. Как у телевизора, только во много раз больше.

Еще не зная зачем, она решила подойти, взглянуть на него поближе.

Идти было неудобно, в теле ощущались скованность и слабость, словно после долгой болезни. И еще – мешали очень высокие каблуки. Она таких раньше никогда не носила.

Экран вдруг засветился, и с каждым шагом свечение становилось ярче, а когда она подошла вплотную, поверхность стекла исчезла, растворилась, и в образовавшемся проеме она увидела другую комнату – роскошно, в эклектическом стиле конца прошлого века меблированный кабинет.

В стилях она, будущий архитектор, разбиралась хорошо и не могла не восхититься сложностью и тщательностью отделки стен и потолка, тяжеловесной изящной мебели.

Иллюзия была полной, и, только коснувшись рукой холодного стекла, она убедилась, что перед ней все же изображение.

А там, в кабинете, заполненном сумеречным тоскливым светом, за массивным письменным столом на резных львиных лапах, в черном кожаном кресле сидел человек и читал толстую книгу. Лампа под зеленым абажуром освещала часть стола – с блестящим кофейником, гране-

ной хрустальной пепельницей, над которой поднималась вверх тонкая и неподвижная струйка дыма, и лежащим чуть сбоку большим черным револьвером.

Поза человека, наклон головы, подсвеченный лампой профиль показались ей знакомыми, и тут же она узнала его. Конечно, это Дмитрий, он же – мичман Дим, как она звала его по созвучию с именем героя романа Конрада. Они расстались совсем недавно, часа четыре назад, у дверей ее квартиры, но как он странно изменился. Лицо покрыто красноватым густым загаром – вместо ленинградской осенней бледности, на голове не курсантский ежик, а довольно длинные, выгоревшие на солнце волосы. И другая одежда. Не черная форменка с якорьком на погонах, а оливковая рубашка непривычного покроя. Но дело даже не в этом. Она вдруг поняла, что Дмитрий гораздо старше, лет, может быть, на десять, если не больше. Не юноша, а довольно-таки поживший мужчина.

Он поднимает голову, смотрит на нее и тоже узнает ее не сразу.

«Постой... Наташа? Это ты, Наташа? – Он слабо как-то и растерянно улыбается. – Откуда? Как давно я тебя не видел...» – «Почему же давно? Еще сегодня ночью...» Он отрицательно качает головой: «Давно, Наташа. Я уже начал забывать твое лицо. Да и ты, надо сказать, изменилась, совсем красавицей стала...» И вот только теперь она просыпается по-настоящему. До конца. И все понимает. Что действительно прошло очень много лет, что у нее уже была другая жизнь, в которой много разного случилось, но Димы в той жизни не было.

И вспоминает еще одно, самое главное, отчего ей наконец становится по-настоящему жутко...

Глава 1

В том, что Фриттьоф Нансен был прав и к холоду привыкнуть действительно невозможно, Воронцов сумел наконец убедиться в полной мере.

Вышло так, что после многих лет, проведенных на южных линиях, ему целую навигацию пришлось работать «на северах», от Мурманска до Певека и обратно. Погода все время стояла мерзейшая, устал он сильнее, чем когда-либо раньше, и, когда наконец дождался отпуска, решил провести его градусов на тридцать ниже по сетке координат. А на тех широтах его больше всего привлекал Сухуми. Тихий город на зеленых холмах, счастливо избегнувший опасности превратиться в курортный Вавилон, как, например, соседний Сочи; теплое море без всяких признаков битого, а равно и сплоченного льда; много пальм и другой субтропической зелени, спокойные закаты над жемчужными волнами.

Он приехал туда и понял, что не ошибся.

Целыми днями Воронцов валялся на разноцветном галечном пляже, в прозрачной перистой тени громадных эвкалиптов, перечитывал «Бросок на юг» Паустовского. Часто, откладывая книгу, он глядел на город по ту сторону бухты и представлял, как все здесь выглядело шестьдесят лет назад. А вечерами выходил на набережную, ел на веранде над морем горячие, похожие формой на корабли викингов хачапури, а потом выпивал много крошечных чашечек густого и горького кофе, который раньше был «по-турецки», а теперь – по каким-то, очевидно, внешнеполитическим соображениям – стал «по-восточному», хотя варил этот кофе все тот же, что и двадцать лет назад, старый турок Гриша.

День, кажется, на пятнадцатый, начав уставать от монотонности жизни и в поисках новых впечатлений, Воронцов поддался на мегафонные призывы человека на пирсе и взял билет в Новый Афон.

Там, на ступенях старинного храма, он неожиданно встретил знакомого журналиста, с которым шел в прошлом году из Бомбея в Ленинград.

Конечно, оба обрадовались. Воронцов – от одиночества, журналист, по его словам, – потому, что давно искал Воронцова, дабы презентовать ему путевые, недавно изданные очерки, в которых было и о нем кое-что.

Прервав программу экскурсии, поехали на такси в Гульрипш, где журналист держал дачу. Надо отметить – великолепную. Дикая каменная стена, полированное дерево, красная черепица, кованый чугунный забор и ворота, и все – в обрамлении магнолий, лавров и неизменных эвкалиптов.

Антон – так звали журналиста – надписал Воронцову довольно толстенькую, неплохо оформленную книжку, и Дмитрий, не удержавшись, тут же ее просмотрел. Отметил явный перебор по части экзотики, которую автор выискивал где придется, и то, что Антон подчас просто грешил дурной литературщиной. Читая о себе фразы типа: «Старпом нашего балкера по-мужски элегантен и сдержанно красив», «В нем постоянно чувствуется его военно-морское прошлое» и даже: «Меня поразили тонкость и парадоксальность мыслей, редкие у людей его типа и профессии», Воронцов усмехался, а в особо сильных местах довольно громко фыркал, но остался доволен. В главном все было верно и даже остро. Хотя, если данное творение попадется на глаза коллегам, язвительных шуточек не оберешься...

По случаю встречи поехали ужинать в Эшеры, в знаменитый пещерный ресторан, куда так просто не попадешь и куда любят приезжать серьезные люди из Сочи, Гагр, даже Тбилиси.

Антон много говорил о делах околολитературных, и слушать его было интересно. От Воронцова же требовалось только кивать в нужных местах, говорить «а-а» и «ух ты!», задавать наводящие вопросы и изредка произносить тосты. Такое разделение труда, очевидно, устраивало обоих.

Следующие дни они тоже проводили вместе.

Все произошло как раз через неделю. С утра загорали на одном закрытом пляже в обществе двух московских поэтесс, которые, в отличие от Маяковского, были интересны не этим. А вечером сидели на балконе Антоновой дачи, дегустировали соломенно-желтое «Цоликаури» и густо-красную «Хванчкару» и любовались восходящей над морем луной. Как два утомленных жизнью самурая.

Может, из-за луны все и случилось.

– Помнишь, в Красном море мы говорили с тобой о морях и космонавтах? – спросил Антон, глядя на серебристую дорожку на волнах, без всякой связи с предыдущим разговором.

– Вроде было что-то такое...

В том разговоре, одном из многих, что они вели на длинных ночных вахтах, Воронцов указал Антону, что его коллеги-журналисты зачастую переоценивают некоторые достоинства космонавтов, как реальных, так и условных.

«Не сказать дурного слова, ребята они хорошие, профессионалы, уважения заслуживают, однако слишком много превосходных степеней. И отнюдь не всегда по делу. А вот о морях, напротив, стали забывать. Не то что лет двадцать назад. А космонавтам, как ни крути, жить на свете проще. Их тщательно отбирают, годами тренируют в сурдо-, термо- и барокамерах, вертят на центрифугах, обклеивают датчиками, отрабатывают на каждый полет все мыслимые и немыслимые ситуации, сотни людей и компьютеров следят за каждым километром каждого витка... И это при том, что ничего такого уж страшного их там не подстерегает. Все по законам Кеплера, Ньютона и прочей небесной механики.

А у моряков? Знает, к примеру, широкая публика, что ежегодно без вести пропадают в морях сотни кораблей? Что до сих пор погоду и на сутки вперед угадать не всегда получается, а хороший шторм ломает сталь, как картон, и тайфуну все едино: парусная джонка перед ним или атомный авианосец. И помощь к тонущим приходит гораздо реже, чем показывают в приключенческих фильмах. А каково яхтсменам-одиночкам, идущим вокруг света? Вроде капитана Чичестера или Нокст-Джонса? Год в море на десятиметровой яхте без захода в порты, и случись что, ни одна душа на Земле не только не поможет, а и знать ничего не будет.

И по-прежнему в морях можно встретить самых натуральных пиратов.

Да, кстати, и управлять этим вот балкером в сорок тысяч тонн куда сложнее, чем спутником на орбите. У него радиус поворота – страшно сказать, сколько кабельтовых, да инерция... И если еще в шторм, да ночью, вблизи берегов, по ненадежным картам...

На военном флоте – свои прелести даже в мирное время. Пришлось мне в этих как раз водах тралить израильские мины в порядке братской помощи. Удовольствие намного ниже среднего... А там, наверху, даже метеоритом за все годы освоения космического пространства ни в кого не попало...»

Такой вот примерно был тогда у них разговор.

– И ты по-прежнему считаешь, что хороший моряк ни в чем не уступит космонавту и всегда готов к любым неожиданностям? – спросил Антон.

– Разумеется. Если моряк действительно хороший. Я нашего брата не идеализирую, народ всякий случается. Но тут уж закон больших чисел работает. Моряков сотни тысяч, а космонавтов десятки единиц... И критерии отбора совсем разные, сам понимаешь...

Потеряв интерес к теме, в которой все для него было ясно, Воронцов налил в бокалы еще вина, со вкусом потянул, откинулся в плетеном кресле.

– Хорошо-то как, господа! Истинно – рай земной! Не дураки афонские монахи были... А вот кому здорово живется, так это вашему брату. Работа чистая, никаких тебе вахт четыре часа через восемь, никаких проблем с регистрами, пограничниками, таможней, с личным составом, грузоотправителями и грузополучателями... Сиди себе в Бомбее или там в Париже, раз в две недели дай информацию в газету, и привет...

– Твоими бы устами... – улыбнулся Антон.

– А то не так? Ну, упрощаю кое-что, само собой, однако не сравнить! И заработки опять же, гонорары... И харчи не те. Помнишь, чем нас последние недели кормили? Так тебе это раз в жизни, для экзотики, а нам... Да что говорить... Ты вот и недвижимостью владеешь... – Воронцов похлопал ладонью по перилам балкона.

– Что, нравится? Не отказался бы?

– Я бы, может, и не отказался...

– Могу посодействовать. Тут по соседству как раз продается... Еще и лучше моей...

Воронцов с энтузиазмом согласился.

– Ну безусловно! Давно мечтаю. Составь протекцию. У меня там тыщонки три на книжке завалялись, да страховку скоро получу еще пять, вот за эту цену и сторгуй, а я уж отблагодарю...

Антон был серьезен.

– Цена как раз не вопрос. Было б желание...

Воронцов взял со стола трубку, начал набивать. Ему сразу стало скучно. Слышал он уже такие разговоры. И знал, чем они обычно кончаются. Как раз недавно прошла целая серия процессов над контрабандистами из плавсостава и руководящих чинов нескольких пароходств.

– Я как раз не это имел в виду, – понял его мысли Антон. – Никакого криминала. Ни валюты, ни наркотиков. Ты же все равно сейчас в отпуске, спешить некуда?

– Ну и?..

– Не хочешь поучаствовать в одном эксперименте?

– В принципе – отчего бы и нет. А какого рода?

– Психологического. На поведение в нештатных ситуациях.

– Если это не больно, да еще и на дачу заработать можно – запросто. Люблю всякие эксперименты...

– Можешь быть уверен. Совершенно необыкновенные впечатления плюс гонорар по высшим ставкам...

– А если подробнее?

– Подробнее как раз нельзя. В том и суть. Так согласен?

Может быть, в другой обстановке и в другом настроении Воронцов отнесся бы к подобному предложению иначе, но тут все так сложилось, что он только пожал плечами.

– Если ты настаиваешь... Когда начнем?

– А чего тянуть? Сейчас и начнем...

Он вытащил из кармана синюю коробочку, вроде тех, в каких продают ювелирные изделия. Открыл ее и протянул Воронцову блестящую таблетку, около сантиметра в диаметре.

– Приложи позади левого уха. Вот сюда...

Таблетка прилипла, словно магнит к железу. Ощущение было несколько странное, но оно тут же прошло, и Воронцов перестал ее чувствовать. Даже потрогал рукой, чтобы убедиться, что таблетка на месте.

– И что дальше с этого будет?

– Смотри...

И Воронцов увидел.

Глава 2

...Прямо перед ним поднимались темные, грубо сложенные из гранитных блоков стены замка. Совершенно реального и подлинного средневекового замка, с башнями, зубцами, бойницами, «ласточкиными гнездами», рвом вокруг и подъемным мостом на цепях потолще, чем якорные, и со всеми прочими приличествующими такому сооружению атрибутами.

А сам он стоял на ведущей к главным воротам дороге, вымощенной мелким красным кирпичом. Справа и слева расстилалась холмистая местность, покрытая жесткой травой, кустарником, отдельно стоящими кряжистыми дубами. Над всем этим пейзажем низко нависало предгрозовое небо, а позади, когда Воронцов обернулся, он увидел серое и даже на вид холодное море.

– Однако... – сказал Дмитрий вслух.

Выглядело все очень убедительно. Даже, пожалуй, слишком. Что-то ему и слышать не приходилось о таких иллюзиях с эффектом присутствия. Разве что у Лема читал, в «Сумме технологии»...

Но эксперимент – значит, эксперимент. От него сейчас ждут поведения. Нештатная ситуация налицо. Значит, все вопросы и сомнения оставить до лучших времен. Вводная принята.

Он провел руками по карманам. Абсолютный минимум. Деньги, неполная пачка сигарет, зажигалка и еще спринг-наиф – пружинистый нож с десятисантиметровым лезвием. И все. Если, скажем, здесь какой-нибудь XII век и разгул феодализма, так будет трудновато. Историей он всерьез не занимался, языков, кроме сленгового англо-американского, не знает и даже «Янки при дворе короля Артура», как назло, с детства не перечитывал.

Но слишком долго раздумывать не стоит, решил Воронцов, вполне можно заработать несколько штрафных очков. Как на капитанском тренажере в Гренобле.

По мосту, переброшенному через широкий ров, заполненный неподвижной темной водой, он вошел в ворота.

Внутри было очень прилично. Даже более чем. Горел яркий свет, а в нише, где полагалось стоять часовым или, допустим, привратником, Воронцов увидел гостеприимно раскрытую дверь лифта.

– Модернисты они тут, – сказал он негромко.

Створки дверей сомкнулись, и кабина плавно взлетела.

Остановился лифт тоже сам по себе и выпустил Дмитрия в круглый зал, из которого по радиусам, словно спицы от втулки колеса, расходились шесть широких, совершенно одинаковых коридоров.

Голый камень стен, высокие сводчатые потолки, полы, выстеленные темными дубовыми плахами. По сторонам, сколько хватает взгляда, двери в глубоких нишах через неравные промежутки. И неизвестно откуда льющийся ровный свет.

Про задачу Буридана Воронцов знал, повода для аналогий давать не захотел и выбрал самое простое решение – пошел прямо.

...Если рассказывать здесь обо всем, что Дмитрий увидел за те несколько часов, пока бродил по этажам и коридорам замка, то получится нечто вроде плохого путеводителя: длинно, скучно, утомительно. И очень мало похоже на правду.

Проще сказать – там было все. Вот именно: абсолютно все.

Как в рекламе магазинов Вулворта: «Если вы сами не знаете, чего хотите, заходите к нам. У нас это есть». А уровень и качество сервиса превосходили все когда-либо виденное Воронцовым в его многолетних скитаниях по свету.

Он перекусил в автоматическом экспресс-баре, где нужно было выбрать желаемое в толстой книге вроде нью-йоркского телефонного справочника, набрать кнопками номер на пульте и получить заказ, который возникал в нише за стеклянной шторкой. Бесплатно.

В оружейной лавке, похожей на ту, куда он любил заглядывать, бывая в Сан-Франциско, Воронцов, скорее для забавы, чем по необходимости, выбрал себе «смит-вессон» «хайвей патролмен» 45-го калибра. Застегнул на бедрах широкий пояс с полусотней толстеньких, тускло блестящих патронов и замшевой открытой кобурой и вопреки логике почувствовал себя гораздо увереннее и спокойнее.

Почти каждому мужчине оружие заметно прибавляет самообладания. Даже в тех случаях, когда реальная польза от него равна нулю.

На своем пути Воронцов видел рыцарские залы с титаническими каминами, украшенные латами, двуручными мечами и алебардами, богато обставленные гостиные; картинные галереи, библиотеки, курительные салоны, спортзалы, финские и турецкие бани, будуары для интимных бесед, зимние сады, парижские бистро и средневековые неаполитанские траптории и, как уже сказано, многое и многое другое.

Здесь можно было прожить жизнь, не выходя наружу, и жизнь эта была бы приятной.

Если бы не угнетающее ощущение абсолютного одиночества и полной затерянности в грандиозном объеме замка. Муравей внутри башенных часов.

В конце концов Воронцов настолько устал от обилия впечатлений и бессмысленности происходящего, что, увидев в красном коридоре знакомую дверь и за ней помещение, до последнего гвоздя похожее на пятикомнатный апартамент в бомбейском отеле «Си рок», решил, что на сегодня хватит. Запер дверь и, с наслаждением приняв душ, вытянулся на нежно-абрикосовых батистовых простынях, предварительно включив над входом электрический транспарант «Не беспокоить» на трех языках.

– А не послушаетесь, – сказал он грозно, – всех уволю!

В тумбочке нашлась непременно Библия, а в мини-баре картины, тоник, лимонный сок, лед. Воронцов замешал себе легкий коктейль и с полчаса почитал из Екклесиаста. Потом, успокоившись и укрепив свой дух, погасил свет и без усилий заснул.

...Проснулся он поздно, да это и неудивительно, потому что за окном тоскливо ползли по небу низкие и рыхлые тучи, из них сеялся сероватый мелкий дождь, за которым не видно было не только моря, но и близких холмов. Под такую погоду можно свободно проспать и сутки...

Ночью, очевидно, он получил дополнительную информацию и теперь отчетливо представлял, куда ему надо идти, хотя по-прежнему не знал – зачем.

Пройдя несколько анфилад, поднявшись по трем лестницам (одна из них была чугунная винтовая), Дмитрий открыл высокие резные двери, вошел в помещение, которое опять показалось ему смутно знакомым. Через секунду он догадался откуда. Это был кабинет управляющего царским Морским министерством адмирала Григоровича, точно такой, как на фотографии в училищном музее. Застекленные дубовые шкафы вдоль стен, в которых мерцали тисненные, кожа с золотом, переплеты книг, модели исторических бригов, фрегатов и клиперов на фигурных подставках, целая коллекция палашей, шпаг и кортиков, писанные маслом портреты бородатых и бритых адмиралов в звездах и лентах, большой глобус в углу.

И, похоже, Дмитрия здесь ждали, если судить по горячему, только что с огня, кофейнику на огромном, как артиллерийский полигон, столе.

Тут бы ему и понять все, но – нет, не сообразил Воронцов, не хватило критической массы информации. Тем более что его внимание захватили книги в шкафах. Наверняка тут могут быть истинные раритеты...

Взгляд сразу задержался на глубоко вдавленных в шоколадный сафьян вызолоченных буквах. Он открыл дверцу и извлек громадный, тяжелый том.

«Расписание чинов Российского Императорского флота за 1717—1913 годы».

«Ну что ж, теперь, по крайней мере, можно проверить достоверность семейных преданий», – подумал Воронцов, садясь в удивительно удобное кресло.

Выложив на стол, чтоб не мешал, килограммовый «смит-вессон», включил настольную лампу, потому что сизо-черный свет из стрельчатых окон наводил тоску, налил в чашку именно так, как нужно, заваренный кофе и погрузился в бесконечное и увлекательное перечисление фамилий, титулов, дат рождения и смерти, сражений и кампаний, чинов и наград, словно ничто другое его сейчас не интересовало.

Самое забавное, что так оно и было. Чувство, которое привело Воронцова в этот кабинет, больше ничего не подсказывало, а искать логику и смысл происходящего он не собирался. Делал же то, что считал для себя естественным в предложенных обстоятельствах.

Помнится, кандидатов на должность в английской разведке в прежние времена оставляли одних в кабинетах, а потом спрашивали, что лежит в верхнем левом ящике стола. Того экзамена Воронцов наверняка не выдержал бы.

...Краем глаза Дмитрий уловил, что обстановка в кабинете как-то изменилась. Поднял голову и увидел – дальняя стена исчезла, и там, подавшись вперед и напряженно глядя на него, стоит неуловимо знакомая женщина.

Чисто автоматически он отметил сначала изящество линий ее фигуры, длину и стройность ног, то, как они просвечивают сквозь почти прозрачное золотистое платье, успел даже ощутить естественное и волнующее восхищение (не каждый день удастся увидеть такое), и только потом до него дошло, что это ведь не просто красивая женщина, это она – Натали!

С которой он довольно нелепо простился накануне выпуска из училища, да так больше и не встретился никогда по не зависящим от него причинам.

Сердце, пропустив очередной такт, забилось тяжело, словно с трудом перекачивая вдруг загустевшую, тяжелую, как ртуть, кровь, и горло перехватило внезапным спазмом, а руки задрожали так, что он даже удивился этим забытым со времен первых свиданий с ней ощущениям.

И лишь вслед за этими чисто физиологическими реакциями организма на него обрушилось, как штормовая волна на мостик, осознание невероятности и тем не менее подлинности случившегося.

Он все-таки наконец встретил ее! После всех – таких длинных и так незаметно промелькнувших лет.

Сто раз он мог бы найти ее – через адресный стол, любым другим способом, но не хотел и не делал этого.

«Вот если бы случайно, – думал он не единожды, – вдруг, на углу знакомой улицы, в подземном переходе или даже в чужом портовом городе...»

Но и себе никогда не пытался объяснить Дмитрий, почему именно так, зачем нужна была ему непременно случайная, не назначенная встреча. Из-за той, давней, почти забытой уже обиды или от подсознательной надежды на благосклонность судьбы?

И вот – он видит ее наяву, совсем молодую и еще более красивую. Не сводя глаз с лица молодой женщины, он взял сигарету, стремительно, как бикфордов шнур, сгоравшую на краю пепельницы (или это у него изменилось восприятие времени?), успел раз или два глубоко затянуться, пока огонек добежал до фильтра, и только очень наблюдательный или хорошо знающий Воронцова человек заметил бы, что у славящегося своей подчеркнутой невозмутимостью старпома мелко дрожат пальцы.

– Это ты, Наташа? – спросил он, а сам продолжал смотреть на нее не отрываясь.

Да, конечно, это она. Но совсем другая. Прежде всего – возраст. Ей должно быть сейчас тридцать два, а выглядит – лет на двадцать пять от силы, даже, наверное, меньше. Откуда она могла здесь взяться, что означает ее появление, в чем смысл такого варианта, каких событий можно ждать дальше?

В том стремительном просчете ситуаций как раз и сказывался отработанный долгими годами службы профессионализм, привычка в нужный момент отсекал всякие эмоции, умение из многих возможных поступков выбирать единственно верный.

Это она, но такой Наташа сегодня быть не может. Дело не только в возрасте. Есть и еще кое-что... Пожалуй... Невероятно, конечно, представить, но тем не менее... Это не она, а материализованное его о ней представление.

Много лет он все не мог успокоиться, вспоминал ее каждый день, считал сначала месяцы, потом годы разлуки, постепенно забывая ее подлинный облик, потому что единственную фотографию он сжег после письма, в котором Наташа писала, что не умеет любить на расстоянии и не хочет бесконечно ждать. Пусть он думает и сам все решает...

А что, интересно, мог решать лейтенант Тихоокеанского флота по первому году службы?

Позже он услышал, что она вышла за какого-то внешторговца с перспективами, вроде бы уехала с ним в Каир или в Аден... А потом он и сам отправился на Ближний Восток, тралить от мин Суэцкий канал после войны семьдесят третьего года, и был почти что рядом с ней, да только что толку от этого «рядом»?

Точно: именно так она могла бы и выглядеть – без учета реального возраста и со всеми идеализирующими поправками, что вносило его непослушное воле и рассудку воображение.

И значит, все происходящее – всего лишь еще один фокус.

Но Наташа смотрела на него растерянно и испуганно.

– Я не понимаю, что со мной случилось? Где это мы? Во сне? Это нам снится?

Воронцов усмехнулся.

– Снится? Причем обоим сразу одно и то же? Не думаю... Я, по крайней мере, наверняка не сплю. Про тебя пока не знаю...

И тут же, не удержавшись, спросил:

– Ну и как же ты жила потом, когда мы больше не встретились?

Ему стало грустно – но не так, как раньше, когда в основном были тоска и боль. Сейчас его охватила мягкая, сентиментальная печаль.

– Я потом еще раз выбрался в Москву, звонил, домой к тебе заезжал, а вечером улетел... К первому месту службы не опаздывают...

– Почему? – спросила она, и тут наконец по ее лицу он увидел, что она вспомнила. И все, что было тогда, и многое другое. Выражение очень отчетливо изменилось. И лица, и особенно глаз. Будто за несколько секунд она разом прожила все непрожитые годы.

– Вот оно, значит, как... – выговорила Наташа. Глубоко вздохнула, прикрыв длинными ресницами глаза. – Ты прости меня, Дим, если можешь. Я виновата. Но мне потом тоже стало плохо. И тебе хоть есть кого винить, а мне...

Еще помолчала и постаралась улыбнуться как можно небрежнее:

– Ну а как ты? Сейчас-то у тебя все в порядке? Где ты теперь, кто? Еще не адмирал, как собирался?

Воронцов тоже с удовольствием бы расслабился и дал волю светлым воспоминаниям. Однако обстановка не располагала.

– В основном не жалею, нормально. Но разве ты и вправду ничего обо мне не знаешь? По-моему, должна бы...

Наташа посерьезнела. Словно прислушиваясь к голосу, который звучал только для нее. Даже голову слегка наклонила вбок.

– Да, ты прав, как всегда. Только... Это ведь совсем другое... Я не могу объяснить. Не понимаю, как оно получается, и не знаю, поверишь ли ты мне. Меня вызвали сюда, чтобы я говорила с тобой от имени чужого разума. Неземного. Я – это я. Самая настоящая, но моментами – словно просто переводчик. Мне сообщают то, чего сама я знать никак не могу. Если от меня требуют – я не в состоянии молчать или сказать иначе... Самое удивительное – отчего-

то я почти спокойна, хоть и понимаю, что должно быть очень страшно, я ужасная трусиха, ты помнишь... Так, наверное, бывает у шизофреников. Почему это случилось именно со мной? С нами обоими?

Воронцов рад был бы знать ответ. Впрочем, половину ответа он, кажется, знал: почему это случилось с ней. Одновременно нашлось решение и для других мучивших его загадок. Дмитрий испытал то приятное ощущение, что бывает, когда на экзамене твоя штурманская прокладка один в один совпадает с истинным курсом.

Остается узнать, отчего неземному разуму так нестерпимо захотелось пообщаться именно с ним, что он не остановился перед затратами и даже предусмотрел, через кого с Воронцовым лучше всего договариваться.

Он поднял руку и сдернул из-за уха плоскую фишку.

И ничего не произошло. А Дмитрий думал, что все сразу исчезнет, он окажется опять на даче и уже там побеседует. Но не с Наташей, а с Антоном. Если только тот не окажется просто подсадной уткой. Предателем, польстившимся на миллионерскую дачу. И все равно нашлось бы о чем побеседовать...

– Зачем ты это сделал? – спросила Наташа.

– Видишь ли, – начал он напряженным и вздрагивающим от сдерживаемой злости голосом, – я отчего-то не люблю, когда черт знает кто лезет мне в душу, ковыряется в моих воспоминаниях и чувствах. Можешь им это передать. И пошли они все...

– Ты не прав, Дим. – И в голосе ее, и в выражении глаз он вновь уловил отблески прежней нежности. – Мыслей твоих никто не читает. Датчик всего лишь позволял использовать глубинные слои долговременной памяти, чтобы создать наиболее отвечающую твоим вкусам и наклонностям обстановку. И еще – чтобы контролировать психическое и физическое состояние по биотокам. А мысли читать они не умеют. В противном случае все это, – она обвела рукой вокруг, – просто не нужно было бы. Но если ты против – пожалуйста. Правда, теперь им не так удобно будет поддерживать контакт...

– Меня их удобство не занимает, – успокаиваясь, ответил Воронцов. – Мне важнее, чтобы я сам решал, что сказать, что нет и как именно... Так можно надеяться, что больше никаких сверхчувственных восприятий? А то знаем мы всякие детекторы лжи и полиграфы Киллера...

– Безусловно. Их этика, хоть и отличается от нашей, исключает поступки, нарушающие свободу воли разумных существ...

– Смотри ты, как благородно... Ну хорошо, верю. Продолжай... – Не прекращая говорить, Воронцов встал. Обошел стол, приблизился к Наташе, будто невзначай протянул руку и ощутил пальцами преграду. Он невольно вздрогнул, подсознательно до последнего мига надеясь, что Наташа все-таки живая, а не фантом на экране. Стало так обидно, словно он вновь потерял ее.

– Где ты на самом деле? – спросил он, словно между прочим.

– Как «где»? – удивилась Наташа. – Здесь, в этой комнате.

– Можешь сейчас выйти в ту дверь?

– Могу, конечно... – Она повернулась и, легко ступая по ковру, явно рисуясь своей походкой, пошла и скрылась за ней. В проеме полузадернутых штор мелькнула решетка балкона или веранды.

Через несколько секунд Наташа вернулась.

– Дождь, – словно бы виновато сказала она и протянула на ладони мокрый кленовый лист. «Хитро», – подумал Воронцов и сказал:

– Ну, бог с ним, с дождем. Что там у тебя дальше по программе первого контакта?

Удивительно, но его по-прежнему совершенно не волновало значение происходящего. Только непосредственный смысл Наташиных слов имел значение...

И Наташа, явно довольная, что он так легко и правильно все воспринял, стала рассказывать ему про Великую Галактическую конфедерацию, включающую добрую сотню звезд в соседнем спиральном рукаве, то есть, по земным меркам, невообразимо далеко. И про весьма влиятельную секту, а может быть, сословие или касту «форзейлей», как их назвала Наташа, видящих цель и смысл своего существования в том, чтобы на протяжении десятков тысяч лет разыскивать и собирать во Вселенной высочайшие достижения в области мысли и духа, каким бы разумами они ни принадлежали.

Это было явно рекламное вступление. Воронцов слушал и думал, причем не только о том, что пришельцы-археологи пытались внушить ему устами женщины, которую он когда-то любил... Вот-вот, именно когда-то! И, однако, они считают, что как раз с ней он будет наиболее уступчив. Неужели галактические мудрецы понимают в его душе больше, чем он сам? Посмотрим, посмотрим...

«Форзейли»... Почему они выбрали именно такое слово для самоназвания? По созвучию? В парусном военном флоте так назывался корабль-разведчик. Фор-сейл. Передний парус, если дословно, или – парус, идущий впереди. Тонкий расчет на его образованность или невольный промах? А самое главное – что им нужно конкретно от него? Мало ли на Земле других людей, посговорчивее?

Да и в легенду о благородной, чисто познавательной миссии он верить не хотел. Жизнь была Воронцова достаточно, вдобавок в морях он пристрастился к неумеренному чтению. Особо уважал Марка Аврелия, Шекспира, Салтыкова-Щедрина. Отчего приобрел скептический, с изрядной долей пессимизма взгляд на мир и человеческую природу. Кроме того, Воронцов очень не любил, когда его принимали за дурака. А это бывало. Как правило, со стороны начальства.

– Хорошо. Насчет их целей я понял. Вполне приветствую столь возвышенное занятие. А при чем тут я, не шибко культурный моряк, сперва военный, а теперь вообще торговый? По части вершин мысли сроду не блистал, как ты должна помнить. Ничего, кроме докладных и объяснительных записок, в жизни не писал. Даже стихами, каковые могли бы внезапно оказаться бессмертными, и то не баловался...

Наташа посмотрела на него осуждающе.

– Не спеши, Дим. Я все объясню. И если можешь, не надо иронизировать. Мне и без того трудно. Я же не робот и не пришелец. И я тоже совсем о другом хотела бы с тобой говорить...

– И в другом месте?

Она с досадой вздохнула.

– Все-все. Молчу. Да ты бы села, что ли... Стоишь, как эта...

– Что значит – эта? – Глаза у нее стали опасно прищуриваться. Он хорошо помнил, что бывало обычно дальше.

– Ну, у Блока там... «Желтая роза в бокале золотого, как небо, ай...» Очень похоже...

Действительно, платье на ней было с бронзовым отливом, а под ногами – золотистый ковер.

– Ох, мичман, смотри...

Она села в кресло у дальней стены, и фокус невидимой телекамеры сразу сместился, вновь приблизив Наташу вплотную к рамке экрана.

«Здорово разыграно, – подумал Воронцов. – Они действительно используют не только мои воспоминания, но и полную запись ее личности. И даже более того. Запись статична, а тут образ в развитии. Никакой компьютер не симитировал бы ее мгновенную реакцию на двусмысленность. Только она сама, живая, такая, как была тогда...»

– Значит, мы остановились на их благородной миссии и моей роли в ней. Верно? – спросил Дмитрий, будто именно и только это занимало его сейчас. – Продолжай, я весь внимание...

– Я постараюсь покороче, излишние подробности мы пока опустим...

Она стала вдруг похожа на знакомую лекторшу из парткома пароходства, не хватало лишь очков с цепочкой через шею и указки, чтоб объяснять морякам, где на карте Африка, а где Афганистан. Но как раз на политическую карту моряки не смотрели, находя иные достопримечательности.

– Известно, что любая цивилизация создает огромное количество всевозможной духовной продукции, – говорила Наташа, – от философских систем до шлягеров Резника и Пугачевой, но ценность всего созданного, сам понимаешь, разная. Не только в масштабах Галактики, но и на местном рынке. Девяносто процентов становится ненужным уже следующему поколению, а в веках остается совсем уже мало...

– Ну и что? Вполне нормально. Довлеет днєви злоба его... – вставил Воронцов.

– Что? – не поняла Наташа.

– По-старославянски. Каждому дню важнее всего его собственные проблемы. Когда мы с тобой танцевали под «Маленький цветок» или какой-нибудь «Твист эгейн», нас мало волновало, на века эта музыка или на ближайший сезон. И детективы Чейза занимали меня куда больше трактатов Спинозы...

– Не буду спорить. Но ведь есть и абсолютные ценности. Они и интересуют форзейлей. Они изучили нашу историю и культуру и почти все заслуживающее внимания уже взяли... нет-нет, не возмущайся, естественно, копии, – заметила она реакцию Воронцова. – Не так уж много, на наш взгляд, они сочли достойным бессмертия, но все же. Человечество в их глазах выглядит далеко не худшим образом. На порядок выше многих, куда более древних цивилизаций. Тут дело еще и в том, что их интересуют лишь совершенно оригинальные идеи и мысли, не имеющие аналогий в других культурах...

– Разумно, – кивнул Воронцов. – Приличные коллекционеры так и должны.

– Но ты, наверное, знаешь, как много культурных ценностей безвозвратно погибло... – Наташа выполняла заданную программу, и реплики Воронцова не могли заставить ее отклониться от текста. – Пожар Александрийской библиотеки, например, и многие подобные случаи...

– Гибель Атлантиды, – продолжил Дмитрий.

– А о скольких великих творениях мы знаем только понаслышке, от более поздних авторов, а то и вообще не представляем, чего лишились. Форзейли эти ошибки истории исправляли.

– Молодцы, ничего не скажешь...

– Но неудачи бывали и у них. Никто не застрахован. В конце XIII века погибла одна из групп. Или, вернее, пропала без вести. Затерялась в лабиринте пространственно-временных переходов. А может, члены группы были и убиты в сражении или из-за угла. Как вражеские шпионы или злые демоны...

– У предков были крепкие нервы, – одобрительно отметил Воронцов. – Не испугались они ни гнева богов, ни мести пришельцев... И что, ни защитные поля, ни бластеры не помогли?

– Что у тебя за страсть все упрощать до абсурда? – досадливо поморщилась Наташа.

– Не до абсурда, а до понятного мне уровня. Учти, что я последние десять лет воспитываюсь в основном на низкопробных американских боевиках. В рабочее время. А в отпусках вообще почти ничего не смотрю и не читаю.

– Не кокетничай, Дим, – попросила Наташа. – Я тебя знаю. Они – тоже. Иначе мы просто не встретились бы. Лучше слушай дальше. Группа погибла, но полная запись собранных ею материалов – назовем ее условно Книгой – уцелела. Попав в руки людей, она стала для кого-то сверхценной реликвией, уж не знаю, по какой причине, и в этом качестве, передаваясь из поколения в поколение, дошла невредимой почти до наших дней. И вдруг – исчезла бесследно. По всем признакам – окончательно.

– Так. Версия интересная. На первый взгляд, убедительная. Только мне-то какое до всего этого дело? У нас на планете десять тысяч лет подряд ежедневно кого-нибудь да убивают. Пришельцы знали, куда шли. Их люди, их Книга, их проблемы... Чего им от меня нужно?

– Дим, что с тобой? Перебиваешь все время, и тон... Раньше ты со мной так не разговаривал... – Наташа, кажется, наконец обиделась.

– Мало ли... Раньше – оно и есть раньше. Раньше я в интеллигентном обществе вращался, в увольнительные в БДТ и Театр Ленсовета ходил, в Москву к тебе чуть не каждый месяц ездил... А теперь я царь, бог и воинский начальник для толпы в полсотни... тружеников голубых дорог, в условиях длительной изоляции от общества, месяцев по восемь подряд без берега, тут еще и не так заговоришь. Прости, если что... Но даже если я постараюсь быть дипломатом, все равно – пусть твои приятели мне кое-что сначала прояснят...

– Не понимаю, – пожала плечами Наташа, – что на тебя вдруг нашло. Ну, спрашивай...

– Это уже разговор. Итак – первое... – Воронцов принял позу пораскованнее, глубоко погрузившись в кресло и закинув ногу за ногу, тщательно раскурил трубку (трубка хорошая, данхилловская, и кэпстен в жестяной банке как раз ко времени обнаружились на японском лаковом столике позади кресла). – Первое... Отчего твои... гм... работодатели в такую самодеятельность ударились? Где обмен делегациями на высшем уровне, переговоры, освещаемые средствами массовой информации, подписание совместных протоколов с последующим братством цивилизаций? И уж тогда заводить разговоры на темы практические...

– Дим, ну что ты, в самом деле! Какое им дело до наших правительств, законов, обычаев? Не нужны им сейчас официальные контакты. Да еще в таком мире, как наш. Последствия могут быть самые непредсказуемые. Контакт инопланетян с любой из двух сверхдержав вызовет кризис, конфликты, культурно-политический шок, я не знаю, что еще. А форзейлям этого не нужно. Мирить нас потом, устранять последствия, нести моральную ответственность... У них достаточно негативный опыт... Сейчас речь идет только о Книге. Земные проблемы их не интересуют вообще, кто у нас прав, кто виноват, чей строй прогрессивнее... Стал бы ты при всех своих заботах выяснять, кто первый сказал «дурак» в младшей группе детского сада?

– Вот так даже? Спасибо, теперь ясно, что почем. Хорошо, поехали дальше. К чему вообще все психологические и технические ухищрения? Замок и так далее... Если им по силам все то, что они проделывают с нами, в чем загвоздка? Сгоняли бы куда надо, забрали Книгу, заодно друзей выручили и тихо, без шороха вернулись к своим баранам. Какая помощь потребовалась умным взрослым дядям от воспитанников яслей или умственно неполноценных детей? Если ты мне сие убедительно прояснишь, будем беседовать дальше. А так... Сдается, пора кепку с тремя козырьками покупать...

– Какую кепку? – растерянно спросила Наташа.

– Анекдот. Один козырек впереди, два по бокам, чтобы лапшу на уши не вешали... – лаконично пояснил Дмитрий.

– Нет, с тобой не соскучишься... – Наташа достала из кармана в складках платья узкую коричневую пачку сигарет, зажигалку, плоскую, как бритвенное лезвие. Это удивило Воронцова. Раньше она не только не курила, но и терпеть не могла, когда кто-то курил при ней. И зачем вообще это делать изображению, даже такому совершенному? Не все, выходит, так уж тут понятно и просто...

– Ты касаешься слишком сложных вопросов, Дим. Почему они не возьмут Книгу сами... Тут сложности и технического, и, главное, этического свойства. Прежде всего в настоящее время они избегают предпринимать активное вмешательство в потенциально конфликтные ситуации. После гибели своей экспедиции и еще некоторых эксцессов. Считают, что цель не оправдывает средств. То есть ценность жизней исследователей несопоставима с ценой материального объекта...

– Я бы с таким утверждением поспорил, – заметил Воронцов. – Бывают такие «материальные объекты», ради которых жизнью не жалеют... – И незаметно загнул для памяти мизинец на левой руке. Появилась у него хорошая мысль на будущее.

– В некоторых странах за кражу кошелька головы рубят, и что это доказывает, кроме дикости подобных обычаев? – И, предупреждая дальнейшие возражения Дмитрия, кивнула с ободряющей улыбкой: – А поспорить на моральные темы у нас еще время будет. И об этом, и о многом другом тоже... Но сначала давай с одним закончим. Без крайней, исключительной необходимости они в земное прошлое еще раз вмешиваться не хотят. Кроме того – и это очень важно, – сами форзейли взять у людей ничего не могут. Книгу должен взять обязательно человек и уже потом – добровольно, заметь, – передать им. Передать здесь, в Замке.

«Сложно, – подумал Воронцов. – Но ведь, честно говоря, не сложнее наших обычаев. Цивилизованное государство в мирное время тоже не может силой или тайно отнять у соседей понравившуюся вещь. И члены официальной правительственной делегации вряд ли рискнут ночью проникнуть в Лувр и спереть ту же Джоконду, хотя бы и хотелось... А вот к услугам наемников и прочих гангстеров прибегают часто и без лишних терзаний. Вот такую роль они мне и предлагают...»

– Да, Натали, – сказал он, – все это, с их точки зрения, наверное, выглядит вполне убедительно. И я должен быть благодарен, что меня сочли достойным столь почетной миссии. Но как следует правильно обозначить отведенную мне роль? Ландскнехтом, что ли, мне предлагают? Или, пользуясь современной терминологией, белым наемником? Сами они ввязываться не хотят или, проще говоря, боятся. А какого-нибудь Воронцова уговорить или купить всегда можно. Сделает – хорошо, не справится – ну и хрен с ним, не он первый, не он последний, так?

– Обязательно тебе нужно все довести до абсурда. – Наташа досадливо сломала в пепельнице едва на треть сгоревшую сигарету. – При таком подходе любую мысль можно наизнанку вывернуть...

– Значит, мысль недодуманная, раз ее даже я вывернуть могу. Сама посуди, разве красиво выглядит такое сопоставление: их драгоценных жизнью им же принадлежащая вещь не стоит, а туземца послать они готовы и ничуть за него не переживают. Но я не обидчивый. Бог с ними, раз у них такие принципы. Мне не привыкать. Когда меня посылали по минным полям с тралами прогуливаться, тоже, видимо, считали, что нам помирать будет легче, чем хозяевам, потому как мы привычные... Но если уж идти на рискованное дело, так хотелось бы знать: а ради чего? Какой тут для меня высший смысл?

– Но у тебя же был с Антоном разговор? – спросила Наташа, и Воронцову показалось, что по лицу ее мелькнула тень. Словно его слова ее неприятно поразили. Дмитрий догадался, о чем она подумала, и, хотя, спрашивая, имел в виду совсем другое, с радостью ухватился за неожиданно возникшую возможность. Так даже интереснее.

– Ты дачку имеешь в виду? – спросил он с простодушно-хитроватой улыбкой. – Так дачка ни при чем. Он мне ее только за участие в психологическом опыте обещал. А тут уже не опыты, тут дела по другому разряду проходят...

– Не волнуйся. Дача вообще такая мелочь... Антон про нее просто для подхода к теме сказал. Возможности у них неограниченные. И этика форзейлей запрещает им торговаться или отказывать в просьбе тем, кто им помогает...

– Я не собираюсь просить! – резко возразил Воронцов. – На флоте у нас все четко. «Нет спасения – нет вознаграждения». Есть такое правило. В смысле, что без результата никакие затраты не компенсируются. И наоборот, разумеется. Вот я и спрашиваю: какая их цена? Мне лишнего ничего не надо, но и задаром стараться... Один знакомый говорил: «Не то обидно, что за растрату сел, а то, что по той же статье в десять раз растратить больше можно было...»

– Чего ты сам хочешь, милый? Миллиард долларов? Вечную жизнь? Звание адмирала флота? Скажи мне, и все будет...

Он готов был поклясться, что в голосе ее проскользнули нотки презрения. И в глазах, слишком ему знакомых, читалось нечто брезгливо-снисходительное.

Но откуда у нее вдруг такая щепетильность в вопросах чести, при ее не слишком почетной роли переводчицы, да еще и вербовщицы для неизвестно какие цели преследующих пришельцев? Да и раньше... Разве не она писала в прощальном письме: «Пойми, что полудетские эмоции не могут заменить логику взрослой жизни. Я должна думать о будущем, и есть люди, которые его гарантируют. Согласна, что это звучит цинично в твоём выдуманном мире белоснежных парусов и белых офицерских перчаток, но увы, возможно, ты теперь единственный обитатель своего мира. Прости и, если можешь, не суди строго. Впрочем, если тебе будет легче – назови меня меркантильной дрянью и успокойся. Позже ты меня поймешь. Надеюсь, с другой тебе повезет больше. Целую тебя, мой верный рыцарь...»

Ей, значит, тогда можно было так рассуждать, а теперь она же его осуждает за вопрос всего лишь. Неужели по прошествии времени она так изменилась? Или, опять же, это он сам ее так подкорректировал в своём воображении?

Допуская, что за его эмоциями пришельцы все же следят, он распалял себя такими мыслями, а на самом деле все прекрасно понимал.

Она и вправду в нём разочарована. Оттого, что всю свою, наверное, не такую уж счастливую жизнь хранила в глубине памяти веру в него, Воронцова, в его, пусть несовременные, романтические представления о порядочности и чести. В те самые белые офицерские перчатки.

Слабые люди – слабые, но не подлые – любят верить, что порядочность все же существует. И, конечно, увидеть, что и его сломала неумолимая логика жизни, ей неприятно. Как будто не она предала его когда-то, а он сейчас предаёт её веру в него...

Такой вот психологический этюд в желтых тонах.

«Какою мерою мерите, такую и отмерится вам», – вспомнил он слова из читанной ночью Библии. И успокаивающим жестом поднял руки ладонями вверх.

– Ну ладно-ладно... О цене сговоримся. Верю тебе и им на слово. Что я все-таки должен делать?

– Поверь, Дим, я хочу тебе только добра. И зря ты злишься. Ты еще сам не понимаешь, как тебе повезло. Тебя выбрали одного из миллиардов...

– Ценю, Наташа, ценю. Все это ужасно ласкает мое самолюбие. Я так нуждаюсь в признании. Свои не ценят, так хоть пришельцы поняли. По-хорошему, я давно уже мог и начальником пароходства стать, а все старпом. В капитаны самого малюсенького кораблика – и то не пускают. Рылом-с, видать, не вышли...

– Не обижайся, Дим. Не на что. Я тебя слишком хорошо знаю... Характер у тебя не тот. А вот сейчас как раз он и пригодится. Так что все к лучшему...

– ...в этом лучшем из миров, – закончил он её любимую поговорку.

Ему вдруг трудно стало сохранять с ней взятый тон. С некоторым даже удивлением вслушиваясь в себя, Воронцов все больше убеждался, что ничего из прошлого не ушло и не забылось и её глаза, интонации, тембр голоса имеют над ним такую же почти власть, как и прежде, в самые счастливые минуты их любви.

И если б не было всего пережитого – тех страшных для него и мучительных дней и месяцев, когда в своей тесной, накаленной тропическим солнцем каюте он читал и перечитывал её прощальное письмо, а потом, не подавая вида, что с ним творится, должен был нести службу, шутить и смеяться чужим шуткам в кают-компании, вообще жить, хотя жить как раз не очень хотелось, – сейчас ему не удалось бы оставаться внешне спокойным, ироничным, небрежно-самоуверенным.

И как-то совсем не важно было, что перед ним сидела сейчас отнюдь не она сама, а лишь её изображение.

Наташа тоже почувствовала, что с ним происходит не совсем то, что он старается изобразить.

– Дим, ты знаешь, у тебя стали теперь совершенно другие глаза. Суровые, злые даже, а все равно, если присмотреться, что-то в них осталось прежнее...

Воронцов вздохнул, сосчитал в уме до пяти. Как учили, через ноль. Сказал тихо, без выражения:

– Ладно. Давай лучше к делу. А про тебя и про меня ты в другой раз доскажешь...

Наташа закусила губу и отвернулась. Возможно, чтобы он не увидел выступившие от обиды слезы.

– Ну хорошо, – наконец сказала она. – Я остановилась на том, что Книга дошла невредимой почти до наших дней и вдруг исчезла. Очевидно, навсегда. Сложность в том, что исчезла она в июле 1941 года. В районе северо-западнее Киева...

Воронцов тихо начал насвистывать сквозь зубы старую английскую солдатскую песню «Лонг вей ту Типперери», популярную среди мальчишек в пятидесятые годы.

– Намек понял, – сказал он, обрывая свист. – Пойти и взять, только и всего...

– Именно так. Не сочти за лесть, но ты один из немногих, кто может это сделать.

– Да уж конечно. Дураков мало. А ты, случайно, не помнишь, что имело место как раз в июле – августе сорок первого года нашего века северо-западнее Киева? Как, впрочем, и западнее, южнее и юго-западнее тоже?

– Ну, Дим! Если б это было так просто, они и не обратились бы к тебе...

– Ох, Натали, за что я тебя всегда уважал, так за великолепную невозмутимость духа. Подумаешь, июль сорок первого, стоит ли говорить... И вообще, кому интересны переживания какого-то лейтенанта... Воронцова, что ли? С его дурацкими чувствами и бесперспективной биографией... До них ли, когда есть возвышенная цель.

Очевидно, он немного перебрал, потому что Наташа теперь смотрела на него с испугом, словно ожидая еще более обидных, бьющих наотмашь слов.

– Прости, Дим, я не хотела... Это не я, это они так говорят, а я повторяла, не задумываясь... А ты все злишься на меня, никак не хочешь забыть и простить...

– Да нет, что ты, давно не злюсь. Дело прошлое. Вырвалось. Значит, говоришь, сорок первый. А где там искать и как?

– Я тебе все объясню, – заторопилась Наташа, не скрывая радости оттого, что он, кажется, действительно не сердится и что миссия ее благополучно подходит к концу. – Тебе и искать особенно не придется. Тебя высажат в нужное время и в нужном месте, соответственно подготовив, специальный детектор укажет координаты контейнера, ты его подберешь и вернешься...

– Действительно, плевое дело. Они у тебя четко соображают. Подобрать, пока дым не рассеялся, – и ходу... С транспортом как? На машине времени сгоняю?

– Зачем машина времени? Все гораздо проще. Замок сейчас находится вне любых пространственно-временных координат. Любая точка из него одинаково доступна. Выход в реальный мир можно открыть в любом месте пространства и в любом времени. Математически все это крайне сложно, ты не поймешь, хоть и сдавал высшую математику... – она с улыбкой постаралась смягчить оценку его умственных способностей.

– Я не претендую, – успокоил он ее, – я практик. Но выходит, что путешествия во времени вообще не будет?

– Правильно. Представь, что перед тобой карта мира и на ней нужно поставить точку карандашом. Главное – определить, куда ее ставить. А какова кинематика движения руки, затраты энергии, механизм переноса частичек графита на бумагу – ты об этом и не задумывался...

– Оно так. Ну а как с парадоксами?

– Да нет никаких парадоксов. Мир всегда только таков, как есть. Если ты побывал в прошлом и в свое время уже оказал влияние на развитие событий. Если нет – то же самое.

– Постой, Натали. Вот как раз тут и неясность. Я имею определенные знания о прошлом. Я пойду за вашей Книгой и захочу там сотворить нечто противоположное тому, что уже случилось. Как тогда?

– А разве ты можешь быть уверен, какую именно цепь причин и следствий возбудит твой поступок? Может, как раз он через десятки и сотни промежуточных событий приведет к тому, что есть на самом деле?

– Можно придумать такое, что ни в какие ворота, – не унимался Воронцов, которому очень хотелось хоть в чем-то поставить в тупик Наталью с ее пришельцами.

– Значит, у тебя ничего и не получится. Помешает что-то... Или все равно так или иначе ляжет в общую схему. Все, что могло случиться в прошлом, – уже случилось, и именно так, а не иначе.

– Ясно. Объяснение принимается, – кивнул Воронцов. – А куда в этой штуке лошадь запрягать, потом уточним, – к случаю вспомнил он старый анекдот.

В общем-то, он уже до предела устал от бредовости ситуации, нравственных и технических проблем, парадоксов, которых не бывает, и мучительно-прекрасных глаз своей визави, глядя в которые ему хотелось лишь одного – встретиться и поговорить с ней наяву, без живых и электронных посредников.

Потому и сказал наконец то, что давно собирался, но никак не мог найти подходящего момента в разговоре.

– В общем, хватит, Натали! Сделаем перерыв. Я дух перевести хочу, воздухом подышать, рассеяться и расслабиться. А уж потом контракты подписывать будем.

Отметил, как удивленно приподнялись у Наташи брови, усмехнулся злорадно. Не ждали они от него такого пассажа, определенно не ждали. И закончил фразу:

– А ты пока со своими приятелями посоветуйся, подготовься лучше. Потому что, пока вы мне на два вопроса не ответите, дела не будет. Я и в худшие времена не продавался, сейчас – тем более...

– Опять ты, Дим! Пожалуйста, спрашивай что хочешь. Я готова ответить на любой вопрос сейчас же...

– Сейчас не надо. Куда спешить? Завтра и ответишь. Вопросы у меня простые. Что записано в пресловутой Книге, и какие причины заставили обратиться именно ко мне и ни к кому другому. Вот и все. Только постарайся, чтоб ответы были... убедительные. Хорошо, дорогая?

Глава 3

...Для одного человека и в один день всего случившегося было многовато. Следовало успокоиться и заставить себя как следует подумать.

Воронцов вышел в коридор и прикрыл за собой дверь кабинета, сумев не оглянуться и не посмотреть, что за его спиной делает Наташа. Пусть не рассчитывают на легкую победу, психологи... Воронцова голыми руками не возьмешь. Эксперимент – так для всех эксперимент.

Куда идти – ему было совершенно все равно. Дмитрий уже понял, что ничего сверх того, что ему захотят показать, он не увидит, но, с другой стороны, ему было интересно, как далеко простираются их фантазия и технические возможности. Как если бы он попал в некий супер-диснейленд, отданный в его единоличное и полное распоряжение.

Пройдя метров пятьдесят по длинному и узкому переходу без окон, не очень ярко освещенному вычурными хрустально-бронзовыми бра, Воронцов толкнул первую попавшуюся дверь.

За ней оказался небольшой холл с глубокими креслами, медными пепельницами на гибких подставках, видеокомбайном «Сони» в углу и копией (а возможно, и оригиналом) «Бульвара Капуцинов в Париже» на левой стене.

Четыре ступеньки вели в уютный бар. Обтянутые коричневой кожей стены и стойки, сотни всевозможных бутылок на подсвеченных снизу зеркальных полках, четыре двухместных столика и глубокий эркер с абстрактной металлической скульптурой посередине.

Что-то в таком роде Воронцов и рассчитывал увидеть. Исходя из своего настроения и внутренней потребности. Так что удивлен не был. Вот если бы, открыв дверь, он попал на заседание парткома родного пароходства, тогда да...

За стеклами эркера было уже совсем темно. Как-то неожиданно наступила ночь. Ему казалось, что встреча с Наташей продолжалась не так уж долго, а оказывается – полный световой день. Впрочем, он не знает географическую широту Замка и, соответственно, продолжительность дня. Но, судя по ощущению своих довольно точных биологических часов, он решил, что сейчас должно быть около семнадцати по времени Москвы. Проверить не мог, его кварцевый «Дельфин» со вчерашнего дня показывал, по образному выражению старых штурманов, день рождения бабушки.

Он заказал себе рыбно-моллюсковый ужин, взял со стойки бутылку сухого «Сент-Эмильтона» и, возвращаясь к столу, плотно закрыл входную дверь. Так спокойнее. Бесконечное пространство прилегающих коридоров, пустых и тихих, вселяло томительное чувство дискомфорта.

Приступая к разделыванию омара, по приобретенной на ночных вахтах привычке думать вслух, Воронцов вполголоса сказал:

– Надо что-то делать... – Тотчас вспомнил, что наверняка его слушают, и закончил фразу наскоро придуманной бессмыслицей: – Недоваренные ракообразные опасны для здоровья...

Тишину нарушил резкий звук гонга. Подняв глаза, Дмитрий увидел вспыхивающее над окном выдачи блюд алое табло: «Приносим извинения. Замена произведена!» Он не ожидал, что его слова будут восприняты столь буквально.

Новый омар был раза в полтора больше и наверняка соответствовал самым строгим санитарным и кулинарным нормам.

Поев Воронцов с аппетитом, не торопясь, под негромкую музыку камерного квартета.

Изображая безмятежное состояние духа, перешел в холл, вставил в приемник видеомагнитофона кассету с названием позабористее, погрузился в пухлые подушки кресла и, сибарит-

ствуя, закурил любезно приготовленную для него невидимыми лакеями десятидюймовую бразильскую сигарету.

Но мозг его работал с бесстрастной четкостью. Время эмоций на сегодня прошло.

Следовало представить все возможные повороты сюжета, которые подготовят ему прищельцы, определить тональность предстоящей с Наташей беседы, заготовить два-три изящных парадокса, которые в трудный момент позволят выиграть время и перехватить инициативу. Проигрывать он не собирался.

Вполне прилично выпавшись за бесконечно длинную ночь в уже обжитом и ставшем привычным номере, Воронцов встретил утро на балконе. Не будь он моряком, перевидевшим всякое, картина здешнего рассвета могла бы вывести его из душевного равновесия.

Слоистые сизо-серые тучи почти касались маслянистых, будто застывших волн. Неподвижный мглистый воздух гасил любые звуки. Близкие кроны деревьев казались аппликациями, наклеенными на театральный задник. Постепенно сиреневая мгла просветлела, подошвы туч подкрасились розовым, четче стала граница, разделяющая море и небо. Где-то там, за тучами, наверное, уже поднималось солнце, но здесь по-прежнему держалась полутьма, словно в кубрике, освещенном лишь синей лампочкой над входом.

Но солнце поднималось все выше, и ярче становился багряный отблеск на тучах. Казалось, вот-вот лучи прорвутся наружу, однако их хватило лишь на то, чтобы последним усилием высветить над горизонтом мрачно-торжественную, густо-красную полосу, а потом она померкла, и все вокруг залил светло-пепельный мертвый свет.

Тучи глухо сомкнулись, и по листьям деревьев, по траве, по выскобленному, как палуба парусника, настилу балкона зашуршал неизбежный дождь.

– Вешаться хорошо в такое утро, – со знанием дела сказал Дмитрий. Перед новой встречей с Наташей в груди ощущался неприятный холодок. Примерно как в день выхода на боевое траление. Привычно, но непредсказуемо.

Чтобы взбодриться и обрести подобающую уверенность, Воронцов прихватил взятый вчера в той же лавке – взамен забытого в кабинете револьвера – короткий «винчестер», вышел на берег моря и долго стрелял по голышам на пляже, убеждаясь, что рука тверда и глаз верен.

Расстреляв две пачки патронов, распугав чаек на берегу и ворон на стенах Замка, Дмитрий почувствовал, что готов к предстоящей борьбе умов.

Тогда он разделся и вошел в обжигающе холодную воду, соленую, как Индийский океан на экваторе.

Глава 4

На этот раз Наташа появилась в строгом темно-синем костюме, по-иному причесанная, и встреча сразу приобрела суховатую официальность, будто и не было вчерашней взаимной растерянности и плохо скрываемого волнения в ее голосе.

«Подрегулировали эмоциональный блок, – подумал Воронцов. – Тем лучше для меня, только неясно, какой они с этого планируют иметь выигрыш».

– На первый твой вопрос я отвечу сразу, – сказала Наташа после нескольких протокольных фраз. – А на второй – несколько позже.

– Как знаешь, – согласился Дмитрий, подвинув кресло к самому экрану. Теперь их разделяло не более полутора метров. И он мог наблюдать за тончайшими нюансами ее мимики и выражения глаз.

– Тогда слушай. Содержание Книги одинаково важно и для них, и для нас. В ней – полный рабочий дневник экспедиции. Что это такое – сам понимаешь.

– Еще бы, – кивнул Воронцов. – Вроде вахтенного журнала. Понимаю и сочувствую, но не более того...

– Подожди. Кроме дневника, там же записаны практически все древнерусские летописи IX—XIII веков, вплоть до монгольского нашествия, духовная и светская литература... Ты же знаешь, что, кроме «Слова о полку Игореве», до нас не дошло ничего. А там могли быть шедевры, по сравнению с которыми «Слово»... – она замялась, подбирая сравнение.

– Как записки фронтового корреспондента рядом с «Войной и миром», – помог ей Воронцов.

Наташа посмотрела на него с сомнением.

– Неожиданное сравнение. Но в принципе... Отчего бы и нет?

– Вот именно. Только не по адресу вы обращаетесь. Вам бы филолога найти, библиомана настоящего. Тот бы так рванул – втроем не удержишь. А я что? Признаюсь, хоть и стыдно, я и «Слово» до конца не читал. «Лепо ли ны бяшешь, братие...» Так, что ли? Вот и все мои познания. Умом я все понимаю, но голову ради этого в петлю совать не стал бы.

И не так уж он кривил душой, говоря это. Как всякий актер, которым поневоле вынужден быть человек, поставленный руководить другими людьми, Воронцов мог убедительно имитировать только те чувства, которые находили отклик в глубине его натуры. Иначе фальшь была бы видна любому мало-мальски проницательному зрителю.

– Не буду спорить, – продолжал он, – если эти тексты ввести в обращение, определенная польза для отечественной культуры будет. Но какая? И для кого? Для десятка интеллектуалов, жаждущих тем для диссертаций? А еще для кого? Как будто ты не знаешь нашу публику. Спроси у любого. Девяносто процентов не назовут даже имен и порядковых номеров царей, правивших в прошлом веке, а ты им – летописи десятого...

– Если даже и пять человек будут владеть подлинным знанием, и то рано или поздно оно станет достоянием всего народа...

Воронцов рассмеялся. Снял со стены парадный офицерский палаш с филигранной медной гардой, попробовал, удобно ли он лежит в руке, повертел перед глазами, разбирая надпись на клинке.

– Эх, черт, вот жизнь была... Золотое времечко. А сейчас... Ну, кому оно все нужно, Натали? Что изменится? Принесу я их Книгу, не принесу... Прожили с тех пор семьсот лет – обошлись, как видишь. Может, без тех знаний даже лучше? Не думала? Впрочем, что это я спрашиваю, ты тут совсем ни при чем. А ты... Тебе самой как, кого больше жалко, меня или те летописи?

Наташа ничего не сказала, отошла от экрана, повернувшись к Воронцову спиной, оставилась у окна в глубине своей комнаты, минуту или больше молча смотрела в затуманенный сад.

Как будто он и вправду обидел ее своим вопросом.

Воронцов ждал – что еще они придумают для него. И внимательно рассматривал Наташину фигуру. Ему даже хотелось, чтобы она подольше не оборачивалась.

Самое смешное, что он совершенно не ощущал невозможности происходящего. Пришельцы, путешествия во времени, свидания с призраками... Но раз это все случилось, какой же смысл переживать по поводу теории вероятностей?

Возможность и вероятность попасть в данный момент времени в автомобильную катастрофу для каждого конкретного индивидуума на Земле равна около одной миллиардной. Но разве тот, кто уже вытянул этот редкостный шанс, остался в живых, но, предположим, лежит в кювете с переломанными ногами, думает о законе больших чисел? Пожалуй, его интересует в этот миг нечто другое.

То же самое можно сказать и о Воронцове.

Ему важнее всего было определить наконец, чего он сам в этой истории значит, чего хочет и какой выбор сделает.

Принять Наташино предложение, стать, попросту выражаясь, тайным агентом инопланетных пришельцев, неизвестно зачем проникших на Землю?

Или же избрать для себя благородный путь сопротивления агрессору? Без всякой гарантии, что его инстинктивный негативизм принесет пользу, а не вред человечеству, которое он, без всяких на это прав, вынужден сейчас представлять.

Сложность была в том, что Воронцов не видел третьего пути: каким-либо способом уклониться от решения вообще. Не только потому, что не знал, как вообще можно уклониться в такой ситуации, но и потому еще, что не в его характере было в трудные минуты уходить в кусты. Если проблема выбора существует, то выбор должен быть определенным.

– А там ведь не только тексты, – будто размышляя вслух, сказала Наташа, поворачиваясь к нему лицом. – Там ведь и видеозапись. Представляешь – подлинная кинохроника битвы на Калке, взятие монголами Рязани и Владимира, сражение на Сити... Даже историки не представляют, как все было на самом деле, а здесь – документальный фильм. Форзейли считают, что их наблюдатели как раз и погибли в том сражении, вместе со всеми русскими князьями. После 4 марта 1238 года на связь они больше не выходили...

– Безусловно, фильм может быть потрясающим, – согласился Дмитрий. Он представил – заснеженный лес, лагерь русских воинов, внезапное появление монголов, отчаянная и безнадёжная битва, крупным планом – лицо князя Юрия, подлинные голоса исчезнувших семь веков назад людей... – Тут можно прославиться. Фильм наверняка станет бестселлером века. Но...

– Ну что «но»?! Что ты все время находишь какие-то отговорки? – не выдержала Наташа. – Не думала я, что ты стал таким... осторожным... – На губах ее мелькнула неприятная, если не презрительная улыбка. – Я считала, что кто-то, а уж мой мичман с восторгом примет это предложение. Небывалое приключение, возможность стать национальным героем, даже всемирным, путь к исполнению любых желаний... А ты, выходит, превратился в обыкновенного обывателя? «С одной стороны, с другой стороны...» – передразнила она.

И Дмитрию захотелось махнуть на все рукой и согласиться, а там будь что будет. Действительно: выглядеть в глазах той, которая... расчетливым и трусоватым хлюпиком, хрестоматийным интеллигентиком в мятой шляпе и захватанном пальцами пенсне... Ему, всегда рисовавшемуся перед Наташей манерами старорежимного офицера...

Только реакция эта была тоже из того, давно прошедшего времени, и девушка за плоскостью экрана внешне напоминала свой прототип.

– Что ж тут поделаешь? – Воронцов слегка развел руками, недоуменно посмотрел на палаш, который все еще держал в руке, и бросил его на кресло. – Жизнь – она всех учит. Хватит, погеройствовали. И воздаяние было... Помнишь, как Роцин в «Хождении по мукам» сказал? «Благодарное отечество наградило штыком в брюхо».

– Обидели тебя сильно... – не то спрашивая, не то утверждая, сказала Наташа. – Только при чем тут весь народ? Кажется, ты сам говорил, что Воронцовы всегда служили не властям, а России...

– Говорил. А России моя служба сейчас нужна? Вот эта, что ты мне сейчас предлагаешь? Наоборот не получится?

Наташа подошла к самому краю экрана, оперлась рукой о его внутреннюю поверхность. Их лица почти соприкоснулись.

– Что ж, давай попробуем вместе разобраться. Заодно отвечу и на второй твой вопрос. Ты – Воронцов. Последний, кажется, представитель своей ветви, так?

– С твоей помощью, – не сдержался от упрека Дмитрий.

– Согласна. Пусть с моей. Молодая была, глупая... Не в этом сейчас главное. Скажи, что ты знаешь о второй линии своих предков со стороны матери?

Вопрос был неожиданным, и Воронцов растерялся. Действительно, эта сторона собственной генеалогии была для Дмитрия покрыта туманом какой-то сомнительной тайны.

Из коротких, отрывочных, случайных почти что разговоров с матерью он знал, что она происходила из кубанских казаков, что дед его имел чин есаула и был станичным атаманом, в Гражданской войне участия будто бы не принимал, но в конце двадцатых или начале тридцатых годов был раскулачен и сослан со всей семьей, только мать каким-то образом уцелела, оказалась в Ленинграде, где вышла замуж за молодого командира РККФ Воронцова.

Говорить обо всем этом вслух в семье считалось неприкрытым. Дмитрий даже не знал отчества своего деда. Да, признаться, не слишком и интересовался.

Правда, мать, не желая выглядеть среди Воронцовых безродной крестьянкой (а в анкетах ей приходилось писать: «из крестьян»), подчеркивала, что предки ее происходили из польской шляхты и один из прадедов, в XVII, кажется, веке, сменив веру и подданство, вступил в Запорожскую Сечь.

– Неужели тебе никогда не хотелось узнать подробностей? – спросила Наташа.

– Как тебе сказать? Возникало иногда такое желание... Мать и сама мало что успела в детстве узнать, да и вспоминать ей, судя по всему, было не особенно приятно. По-моему, и она, и отец просто вычеркнули ее прошлое. Времена тогда были, сама знаешь. Только какое отношение...

– Отношение самое прямое, – перебила его Наташа. – Именно из-за твоего происхождения на тебя и обратили внимание. Не просто ж так, вдруг, взяли одного из пяти миллиардов, ты правильно отметил. Но чтоб разговор у нас дальше стал действительно предметным, ты кое-что почитай... Там в шкафу, на второй полке справа, зеленая кожаная папка. Посмотри внимательно, а потом продолжим.

Она кивнула ему ободряюще, изобразила нечто вроде воздушного поцелуя, и экран медленно потемнел. Как будто там, у нее в комнате, опустились светомаскировочные шторы.

Глава 5

Первая часть папки вызвала у Воронцова только положительные эмоции: естественный интерес к малоизвестным фактам истории запорожского и кубанского казачества, приятное чувство гордости за свою кровную причастность к славным делам и подвигам людей, о которых до этого и не знал ничего, выходящего за пределы «Тараса Бульбы» и знаменитой картины Репина.

А оказывается, начиная с XV века запорожские казаки были грозой турок на Черном море, на своих «чайках» брали на бордаж до зубов вооруженные боевые корабли, высаживали десанты в окрестностях самого Стамбула...

Выходило так, что в нем, Дмитриии Воронцове, сомкнулись две линии российской морской истории – черноморской отчаянной казачьей вольницы и балтийского, созданного Петром, регулярного флота. И не так важно, что после переселения на Кавказское побережье казакам пришлось забыть свои морские подвиги, сменить палубы на седла и водные просторы на просторы ковыльных степей...

Воронцову подумалось, что на основании прочитанного им можно было бы снять десятки остросюжетных фильмов, не уступающих рыцарским, ковбойским, пиратским и прочим заграничным боевикам, столь популярным среди детей и взрослых, не имеющих понятия о собственной истории и уверенных, что все интересные и захватывающие события происходили только там, в прериях и пампасах, флибустьерских морях и средневековых Парижах и Лондонах, а у нас в прошлом, кроме бояр в нелепых шапках и собольих шубах, пьяных стрельцов, бунтующих против просвещенной власти, забитых крепостных и сонных обломовых, ничего и не было...

Воронцов вдруг с неприязненным удивлением осознал, что он сам, оказывается, даже о любимом своем русском флоте видел только два фильма, снятых лет тридцать назад: «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы». А больше смотреть-то было и нечего. Открытие оказалось неожиданным и печальным.

А материалы в папке подбирала рука очень квалифицированная. Имеющая доступ к любым хранилищам.

Знакомство с документами естественно подводило к мысли, сформулированной Львом Толстым: «Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы казаками. Народ казаками желает быть». В казачестве исторически как бы сконцентрировалась идея русского свободолюбия, неприятия всякого насилия над личностью, осознанный героизм, последняя опора древней памяти о вечевой новгородской демократии.

Подтверждалось это страницами из фундаментальной «Истории Кубанского казачьего войска» В. А. Щербины, неизвестной современному читателю, материалами из архивов, воспоминаниями современников.

Специально выделено было все, что касалось прямых предков Воронцова. С волнением и неясным чувством вины увидел он наконец выполненный рукой неизвестного художника графический портрет прадеда Акима Петровича, войскового старшины, и фотографию деда, Василия Акимовича. С датированной шестнадцатым годом овальной карточки смотрел на него суровый, немолодой есаул с подкрученными усами. На белой черкеске два офицерских ордена – Владимира и Станислава, оба с мечами, и солдатский Георгий, наверное, за японскую войну. «Неплохо, – подумал Дмитрий. – Не подвел дед...»

Но настоящее потрясение Воронцов испытал, перейдя к разделу послеоктябрьской истории.

Он не считал себя совсем уж неосведомленным, знал кое-что сверх обязательной программы о подробностях гражданской войны и о «перегибах» коллективизации, о репрессиях

тридцатых годов, слушал и сам рассказывал анекдоты про «Иосифа и Лаврентия», но все это было настолько поверхностно, настолько забивалось бесчисленными славословиями «героическому пути», «невиданным успехам», «неслыханному энтузиазму», что существовало как бы в ином измерении, за пределами подлинной, научной, классово выдержанной истории. Враги оставались злобными и трусливыми, кулаки подлыми и коварными, красные конники беззаветными и героическими. А линия, разумеется, единственно верной на непроторенном пути.

А сейчас перед ним открывалась совсем другая история. Поистине страшная. Не уступающая ужасам полпотовской Камбоджи.

Он читал копию (или подлинник?) подписанной Я. М. Свердловым директивы 1919 года:

«Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.

Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью.

К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти...»

Имелась также спецдиректива, которой предписывалось физическое истребление по крайней мере 100 тысяч казаков, способных носить оружие, физическое уничтожение так называемых «верхов» станиц (атаманов, учителей, судей, священников), хотя бы и не принимавших участие в контрреволюционных действиях...

Читал Воронцов справки о действиях карательных отрядов на Кубани и Дону, количестве уничтоженных и выселенных станиц, расстрелянных офицеров, фронтовиков, юнкеров, георгиевских кавалеров... Некоторые из этих справок и документов были подписаны именами людей, которых Дмитрий с детства считал героями.

Документы подтверждались соответствующими фотографиями.

Дойдя до материалов, повествующих о зловещей «экспедиции» Кагановича на Кубань в 1933 году, Воронцов захлопнул папку.

Картина национальной трагедии не просто потрясала, она переворачивала душу, перечеркивала все его сложившиеся за тридцать пять лет жизни представления.

До нынешнего года (а на дворе стоял, прошу заметить, 1984-й) политические взгляды Воронцова немногим отличались от позиций подавляющего большинства людей его возраста, образования и круга общения. Несмотря на то что за последние десять лет он побывал в доброй сотне иностранных портов, стереотипы оказывались сильнее.

Да, живут они там лучше, чем мы, да, имеют там место так называемые «буржуазные свободы», но зато наша страна – самая передовая, самая миролюбивая, опора и надежда всего прогрессивного человечества. А если что и не так, как хотелось бы, – на то есть объективные причины: войны, неизведанность пути, происки империалистов, родимые пятна капитализма и прочее из того же набора.

И вообще, крупнейшей национальной катастрофой он считал Цусиму и связанные с ней последствия для русского флота, который на полвека утратил возможность занимать подобающее ему место среди флотов прочих мировых держав.

Это в нем, конечно, говорил кастовый дух и оскорбленная профессиональная гордость.

Но вдруг Воронцов столкнулся совсем с другой историей. Которой просто не могло и не должно было быть!

Однако самое странное, что он ни на минуту не усомнился в подлинности открывшихся ему фактов, хотя, казалось бы, они настолько противоречили всему, что он знал о «самой великой и гуманной революции»... Или документы показались ему абсолютно убедительными, или подсознательно Воронцов был готов к принятию именно такой информации, потому что сотни

маленьких неправд, умолчаний и искажений исподволь складываются в одну большую грандиозную неправду, и тогда достаточно внешне незначительного удара, чтобы кривое зеркало разлетелось вдребезги.

Стоя у окна, он жадно курил, но здравый смысл и логическое мышление его не покинули. Вопрос, который тут же возник у Воронцова, был чисто практическим: а зачем форзей-лям потребовалось, чтобы он узнал все это? На какие действия должна подвигнуть его такая информация и нынешнее душевное состояние?

Завербовать его в стан белой эмиграции? Привлечь на сторону «правозащитников» и «диссидентов»? Подготовить к участию в военном перевороте?

Смысла в этом мало, да и речь все время шла о другом. Как соотнести сведения о репрессиях против казачества – и необходимость помочь пришельцам в поисках Книги?

Разумного ответа на находилось. Оставалось выслушать, что на сей счет скажет Наташа.

Но экран оставался темным, несмотря на то что Дмитрий подошел к нему вплотную, всем своим видом изображая готовность к продолжению переговоров.

Возможно, ему предоставлен перерыв для обеда и более глубокого усвоения пройденного материала.

Воронцов и не заметил, как погода за высокими окнами изменилась. Поднявшийся ветер унес дождевые тучи, яркие солнечные полосы легли на воощенный паркет, а вдали от горизонта раскинулось слегка пенящееся море, не серое, как вчера и сегодня утром, а веселое, сине-фиолетовое, вспыхивающее сотнями бликов.

Он повернул бронзовую задвижку балконной двери, и порыв ветра едва не выбил ее из рук, шторы взметнулись сорванным парусом.

Внизу шумели и раскачивались кроны могучих дубов и кленов, издали доносился гул прибоя, в воздухе ощущался запах морской соли и обсыхающих на полосе литорали бурых водорослей.

Чудесное место. Если секстан в адмиральском исправен, можно определить координаты. Только вряд ли стоит. Единственным местом, где возможно сочетание берегового рельефа, такого типа растительности и открытого океана (а перед ним именно океан, тут уж он не ошибается), может быть лишь побережье Новой Англии.

Но берег от Финляндии до Бостона – сплошной мегаполис, таких заповедных уголков, пригодных для размещения базы, там давно уже нет. Если... Если за бортом не декорация или не любой век раньше семнадцатого...

Наташа появилась на экране почти через час.

– Все прочитал? – спросила она.

– Достаточно. Какой реакции ты от меня ждешь?

– Дело не в реакции. Что ты умеешь владеть собой, я знаю и так.

– Тогда к чему все? Надеюсь, реставрация монархии не входит сегодня в наши планы?

Наташа улыбкой показала, что ценит его чувство юмора.

– Пока нет. Но связь между нашими разговорами и тем, что ты сейчас узнал, самая прямая. Ты присядь, спешить нам некуда... Значит, так. Книга уцелела после гибели наблюдателей, мы об этом говорили. Она находилась в специальном контейнере, непроницаемом для любых видов излучения. Поэтому ее невозможно запеленговать. Только когда контейнер вскрыт...

– Тут у них технический просчет, – вставил Воронцов. – Датчик следовало вынести наружу, тогда и проблем бы не было.

– Значит, они не рассчитали на такой случай. Но не это сейчас главное. За минувшие века контейнер вскрывался лишь трижды. Время и место установлено. Первый раз – на следующий день после битвы на реке Сить, очевидно – тем человеком, который спас Книгу после гибели

владельцев. Потом – через триста лет, на острове Томаковка, на Днепре, где размещалась ранняя Запорожская Сечь. И наконец – сорок первый год... Вот такая картина получается.

– Понимаю, – сказал Воронцов, раскуривая новую сигарету, помолчал, неторопливо затягиваясь и стараясь, чтобы не обломился длинный столбик пепла.

Он добился своего, пепел не упал, а Наташа не выдержала паузы и заговорила сама:

– Выходит, что человек, спасший контейнер, сберег его. Возможно, образовалось особое общество, братство хранителей, для которых Книга стала высшей ценностью, реликвией... Они сумели переправить ее на Украину, и там она хранилась до наших почти что дней. О причинах можно только гадать... Наверное, это было сверхтайное общество, могущественное и достаточно многочисленное, раз почти тридцать поколений традиция не прерывалась.

– А почему именно так? – спросил Воронцов, по привычке тут же изобретая альтернативы. – Может быть, все проще? Никаких хранителей, исключительно воля случая. Подобрали Книгу монголы, переходила из рук в руки: Золотая Орда, генуэзские купцы, крымские татары, в какой-то момент и запорожцы, потом ростовщики-евреи с Волыни, и так далее, пока немецкая бомба или снаряд не попали в подвал, где ваша штука валялась забытая и никому не нужная...

Наташа покачала головой, чуть приоткрыв губы в улыбке, словно ей нравилось, какой у них пошел интересный разговор, где можно посоревноваться в остроумии.

– Не получается. Я же сказала – открывали всего трижды. А пойдی Книга по рукам, контейнер или вообще бы выбросили, и Книга пеленговалась бы непрерывно, или ее саму разломали бы в поисках спрятанных внутри сокровищ, а то из чистого любопытства. И все. А здесь – три раза за семьсот лет, и каждый раз на очень короткое время... Согласен?

– Что тут возразишь? Четко мыслишь, молодец. Ну а теперь давай завершающий штрих. Чтоб уж добить меня наверняка...

– Дим, ты ведь уже все понял сам... Но если так хочешь – пожалуйста. Форзейли предполагают, что твои предки имели отношение к хранителям. Проанализировав массу информации, они установили, что их положение в иерархии Старой и Новой Сечи, целый ряд необъяснимых деталей биографии говорят о том, что реальный статус мужчин вашего рода был гораздо выше официального. Знаешь, как, например, у членов сицилийской мафии...

– Ну, спасибо, – рассмеялся Воронцов. – А может, они просто анекдоты лучше других умели рассказывать, отсюда и авторитет. И вообще не сходится. Ведь мои деды-прадеды на Кубань с войском переселились. Отчего бы? Раз они такие важные персоны, ну и сидели бы возле своей реликвии...

– Дим, – вдруг сказала Наташа неожиданно мягким голосом, – ну а с чего ты взял, что Книга обязательно осталась на Хортице? Вспомни – шестнадцатый век, потом сразу середина двадцатого. А что между? Тебя сбила с толку географическая близость Запорожья и Киева... А если наоборот? Против часовой стрелки? Сечь, Кубань, Сибирь – и только потом снова Украина...

Вот только после этих слов Дмитрий как-то окончательно поверил в реальность или, вернее, достоверную возможность предложенного ею варианта.

Ничего слишком уж убедительного Наташа не сказала, а Воронцов поверил. Может, оттого, что вдруг ощутил психологическую и кровную связь с возникшим из небытия дедом? Он сам поступил бы, наверное, подобным образом...

Боевой казачий офицер, кавалер нескольких орденов, да еще член древней и тайной организации, ничем не провинившийся перед новой властью, вдруг объявлен врагом, вместе с семьей, станичниками, старыми друзьями засунут в промерзший вагон, в насмешку названный теплушкой, и отправлен воистину куда Макар телят не гонял.

И в одном из наскоро собранных узлов с остатками имущества – та самая вещь. Смысла и названия которой он и сам не знает (а вдруг знает?), но которую берегла в веках теряющаяся из глаз вереница предков... А теперь должен сохранить он, в условиях, хуже которых, наверное, не было на Руси все предыдущие семь веков.

После Батыев уж точно не было...

И вот он живет бог знает где, может, в Игарке, а может, на Алтае, а сам ищет выхода. Чтоб цепь не прервалась, чтоб исполнился не им возложенный на себя обет...

Где-то перед войной такая возможность представляется. Старый хранитель с верными товарищами бежит из ссылки, или по закону его отпустили, мало ли... Возможно, зачем-то ему обязательно нужно на Хортицу, на землю предков, а может, и в Турцию, к казакам-некрасовцам, соблюдающим древнее благочестие.

А тут война, стремительный прорыв немцев...

Однако помочь ему узнать истинную правду не в силах даже форзейли, при всей неограниченной мощности их компьютеров и анализаторов. И хочешь не хочешь, принимать решение придется лишь по косвенным данным.

Воронцов не сразу заметил, что уже принял его, а теперь ищет только обоснования – почему?

Действительно ли повлиял на него внезапно осознанный голос крови? Или важнее чувство долга перед отечественной и мировой историей и культурой? А может, всего лишь желание красиво выглядеть перед Наташей?

Последнее предположение звучало наиболее иррационально, но тем не менее казалось ему существенным. Так, наверное, ощущает истинно верующий внутренний трепет перед ликами икон.

А еще вспомнились строки из стихотворения Гумилева:

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!
Значит, настала пора.
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!..

Неплохо бы, конечно, взять еще один тайм-аут, хотя бы на сутки, чтобы как следует спокойно все обдумать. Но лучше сразу. Решать – так решать!

– Хорошо, – сказал он. – Предположим, ты все же меня уговорила. Дальше как?

Наташа облегченно вздохнула, как человек, справившийся наконец с трудной задачей.

– Да дальше-то просто. Ты, если окончательно согласен, можешь до завтра отдыхать. Потом начнется подготовка. Серьезная подготовка, но там уже все предусмотрено, и теория, и практика, тебе заботиться не о чем. Все необходимое будет предоставлено, ты только выберешь наиболее подходящий для тебя вариант действий. Сходишь, принесешь контейнер. И на этом все. Вернешься домой. Все свои обязательства форзейли выполнят. В обиде не останешься...

– А ты? С тобой как будет?

– Я? – Она покачала головой. – Вот как раз про себя я пока ничего не знаю...

– Думаю, с тобой тоже будет полный порядок, – успокоил ее Дмитрий. – Ежели они, как ты говоришь, понимают толк в приличном обхождении. Даст бог, в Москве встретимся, обме-

няемся впечатлениями. Отпуск у меня еще три месяца. А в Писании сказано: «Мавр сделал свое дело, мавр может гулять смело».

Глава 6

...Подготовка заняла больше времени, чем Воронцов предполагал. Потому что программа, которую он сам себе определил, не довольствуясь планом пришельцев, непрерывно расширялась.

Ведь нормально его положение в прифронтовой зоне ничем не будет отличаться от положения немецкого шпиона. В чужой роли, с чужими документами, выполняющий задание иноземной разведки... А какой именно и с какими намерениями – кто в таких мелочах будет разбираться?

И неважно, какой длительности окажется его там пребывание. Чтобы угодить к стенке, может хватить и часа. В то суровое время и со своими не церемонились, невзирая на звания и заслуги, а уж со шпионами – безусловно.

Правда, он с самого начала поинтересовался было, не снабдят ли его чем-нибудь таким, из научно-фантастического реквизита: антигравитатором, защитным полем, невидимостью, на худой конец.

Ответ, увы, был неблагоприятный. Форзейли могли синтезировать для него что угодно, но в основном следуя образцам, уже существовавшим на Земле к текущему моменту. Инопланетную же технику вообще приспособить к человеческим параметрам и к использованию за пределами Замка якобы практически невозможно. Отговорка не показалась Дмитрию убедительной, но спорить у него не было оснований.

Несколько дней он добросовестно изучал исторические документы и материалы, относящиеся к начальному периоду войны, и наши, и немецкие. Читал газеты, журналы, дневники и письма, пересмотрел километры кинохроники и тысячи фотографий, чтобы вжиться в обстановку, усвоить манеры поведения, стиль и обороты речи, даже способ мышления людей, среди которых придется жить и которых предстоит имитировать.

Оказалось, что отличия тут были гораздо значительнее, чем ему казалось раньше.

Воронцов заучивал наизусть сотни фамилий более-менее известных работников наркомата обороны и главного политуправления, командующих фронтами и армиями, командиров корпусов и дивизий, комиссаров и членов военных советов, популярных тогда писателей, журналистов, актеров театра и кино, вспомнил или узнал впервые названия тогдашних московских улиц и площадей, уточнил маршруты и номера трамваев, троллейбусов, автобусов и метро.

Он не допускал мысли, что ему и вправду придется проходить проверку на столь глубоком уровне, но все же... В случайном разговоре при тогдашней всеобщей шпиономании, которая называлась бдительностью, можно допустить оговорку всего лишь раз – и погореть.

Только теперь, кстати, он с удивлением задумался – а как же мог работать под немецкого офицера Николай Кузнецов? Допустим, язык он знал в совершенстве, но и только. Пятиминутного разговора с любым настоящим немцем должно было хватить для полного провала. Что-то в его истории не так. Или немцев следует признать полными идиотами, или писатели и очевидцы темнят...

Разумеется, для Воронцова изготовили документы, неотличимые от подлинных даже на молекулярном уровне, одежду, предметы снаряжения, оружие, спички и папиросы, бритвенные лезвия, мыло и одеколон, все прочие мелочи, необходимые человеку в командировке на фронт. Несколько газет трехдневной давности, отпечатанные именно в Москве, пара бутылок коньяка со штампом ресторана гостиницы «Националь», блокнот со страницами, исписанными адресами и телефонами. И так далее и так далее...

Главным же для него самого были карты. Комплект крупномасштабных топографических карт с нанесенной на них обстановкой, отражавшей положение наших и немецких войск

на неделю вперед, начиная с момента перехода, для всех подразделений в полосе фронта от роты и выше.

Ценность таких бледно раскрашенных листов бумаги с красными и синими цифрами и условными знаками невозможно ни выразить словами, ни даже в полной мере вообразить штатскому человеку. Командир, получивший в руки такую карту, сразу же окажется в положении зрячего, играющего в жмурки со слепым. А цена ставок в этой игре известная – тысячи жизней ежечасно.

Никто никогда, за всю историю войн, не располагал достоверной информацией о положении на фронте в текущий момент. Любая информация, даже о своих войсках, всегда запаздывает. А о силах неприятеля, их дислокации, замыслах вражеского командования полководец обычно узнает слишком поздно. Часто – только после конца войны.

Воронцов со своими картами должен был стать первым, после господ бога, всеведущим лицом на театре военных действий. А если учесть, что существование бога нельзя считать доказанным, то и вообще первым.

Последние три дня он носил форму постоянно, даже спал в ней, не раздеваясь, чтобы не выглядеть как манекенщик из главного военного ателье.

Вечером перед переходом Воронцов, по древнему обычаю, организовал себе баню. В дальнем углу парка нашлась подходящая бревенчатая банька, стоящая как раз посреди старой березовой рощи, у родника. Она никак не подходила по стилю к архитектуре Замка, но подобные несообразности давно уже не удивляли Дмитрия. Хозяева Замка просто наилучшим образом учли и такую его склонность.

Низкие разорванные тучи быстро плыли над головой, почти цепляясь за вершины берез, из них то и дело срывался холодный мелкий дождь, как почти все время здесь, и только далеко на западе мрачный горизонт еще алел полоской неуютного, тревожного заката.

Воронцов медленно прошел по тропинке, заваленной палыми листьями, нагнув голову, вошел в темный предбанник, освещенный керосиновой лампой «Летучая мышь», не спеша снял гимнастерку, покурив, сидя на пороге и глядя в сизо-черное рыхлое небо, на гнущиеся под ветром, почти облетевшие деревья, на лужи, то поблескивающие тусклым оловянным блеском, то мгновенно вскипающие от дождевого залпа.

И, странно размягчаясь душой от этого невеселого пейзажа, подумал, что хорошо б Наталья сейчас подошла и села рядом на толстый, кое-где уже подгнивающий брус. Чтоб не было никаких прищельцев, никакой войны впереди, а просто встретились наконец два человека, понявшие, что все случившееся в прошлом было нелепой ошибкой, в которой никто на самом деле не виноват, поговорили бы по-хорошему и решили, что и как им теперь делать дальше.

Он усмехнулся этим мыслям, раздавил о порог окурки папиросы, которые курил теперь вместо сигарет, несозвучных той эпохе, куда он собирался, встал и закрыл за собой тяжелую дверь.

...Попарившись всласть, он снова сидел в предбаннике. Под закопченным стеклом лампы дрожал узкий клинок пламени, по стенам металась призрачные тени, пряный запах керосина и коптили напоминал о детстве.

Ему было хорошо сидеть, никуда не спеша, и слушать шорох дождя по крыше.

Если б только не возникала моментами между сердцем и желудком неприятная тошнотворная пустота.

Как-никак, а завтра будет война, причем совершенно незнакомая ему сухопутная, а не морская, к которой он имел некоторую привычку. И хотя он, в отличие от других людей, сможет быстро уйти с нее и почти наверняка останется жив, все-таки серьезнее этого момента у него еще в жизни не было.

Уж больно плохо сейчас там, в отмеченном на карте квадрате северо-западнее Киева...

Утром он встал в четыре по восточноевропейскому времени. Еще раз проверил свое снаряжение: автомат «ППД», несколько круглых дисков к нему, гранаты, бинокль, планшет с картами, кое-какое продовольствие на первый случай. Обычный командирский «тревожный чемодан». Все это он загрузил в маленький штабной броневилок «БА-20». Он тоже в полном порядке. Из башни торчит тонкий ствол пулемета «ДТ», баки заправлены, снаружи на броне укреплены канистры с водой и бензином, лом, лопата, топор, две запаски. Все по уставу. Протекторы в меру стерты, примерно как после тысячи километров пробега, окраска тоже не новая, номера наркомата обороны. От серийной машины броневилок отличали две подробности.

Накануне он попросил Наташу:

– Ты скажи им... Пусть, если можно, бронирование заменят. Титановую поставят или хромоникелевую, я не спец, чтобы хотя бы крупнокалиберную пулю выдержал, а то же его из винтовки прострелить можно. Для их же пользы, между прочим. За себя я не боюсь, не думаю, мог бы и на мотоцикле сбегать... – Он не удержался, чтобы не отвести от себя возможное подозрение в трусости. Тоже своего рода офицерский гонор. – И движок желательнее, помощнее, мерседесовский, например, сил на двести. С его родным полстасильным далеко не уедешь, приличный дождь пойдет – и привет...

– Разумеется, Дим, – заверила его Наташа, – все, что нужно, они сделают.

Словно оттягивая время, Воронцов снова вернулся в Замок и вызвал Наташу. Она появилась на экране сонная, в наброшенном на плечи пеньюаре.

«Вот сволочи», – подумал он про авторов этой мизансцены и спросил:

– Ну, как у меня вид, подходяще? – Расправил под ремнем гимнастерку, самую по тем временам модную, из тонкого коверкота с легким красноватым отливом, с двумя рубиновыми ромбами на петлицах и звездами на рукавах. На груди два ордена Красного Знамени, монгольская «Полярная звезда», медаль «XX лет РККА» и значок за Халхин-Гол. Дело не в честолюбии, если нужно, он мог бы надеть форму и рядового, просто в роли дивизионного комиссара из центра, облеченного неограниченными полномочиями, он обеспечивал себе полную свободу действий.

– Как в кино, – сказала Наташа, и ему показалось, что говорила она искренне и от себя, а не по поручению пришельцев.

– Так я пошел. Не скучай тут...

– Ты там поосторожней, Дим, – попросила она.

– Как-нибудь... Кое-чему меня тоже учили. Восемь лет подряд. А ты повторяй про себя стихи Симонова. Те самые. А я отбыл... – Щелкнул каблуками, поднес руку к козырьку и вышел.

Глава 7

...Пронизанный отвесными лучами солнца лес, густой запах сосновой смолы, хвои, цветущих трав, заброшенная грунтовая дорога, по которой, похоже, давно никто не проезжал, – все создавало ощущение ленивого, дремотного покоя, и Воронцов на какое-то время этому ощущению поддался.

Поэтому, когда из-за вершин мачтовых сосен вдруг беззвучно выметнулись и пошли на бреющем полете вдоль просеки два желтых, с черными консолями крыльев и коками винтов «мессершмитта», он на мгновение замешкался, и лишь строчка пылевых фонтанчиков, косо резанувшая дорогу в нескольких шагах, заставила его броситься на песок и откатиться к обочине, в колючие заросли кустарника.

Ударил по ушам сдвоенный грохот моторов, сквозь который едва слышен был пулеметный треск, и пара исчезла, словно ее и не было. Воронцов полежал еще секунд десять, вывернув голову и глядя в зияющее небо. Немцы не возвращались. Да и не нужен он им – одинокий, едва различимый с высоты человек в зеленой форме. Так, для забавы нажали на спуск, не пожалели десятка патронов и полетели дальше по своим фашистским делам. Чего-чего, а целей им сейчас хватает. Не в воздухе, где практически нет русской авиации, а именно на земле.

Он поднялся, отряхивая бриджи и гимнастерку, выругался сквозь зубы, зябко передернул плечами. Пройди он еще метра три – и лежал бы сейчас, изорванный пулями, на всеми забытой дороге, на быстро впитывающем кровь песке, и вся его эпопея на том и закончилась бы...

Впрочем, у него еще все впереди.

Воронцов отошел чуть в сторону, где под низко нависшими ветвями стоял его броневилок с открытой дверцей, сел на подножку, закурил длинную, еще довоенную папиросу «Северная пальмира».

– Ладно, не вибрируй, – сказал он сам себе вслух. – Всего и делов-то, сутки-другие продержаться. Так что покурим – и вперед. Но отпуск, конечно, получается своеобразный... А начинался совершенно банально...

Воронцов вдруг насторожился. С дороги послышались голоса. Он встал и потянул с сиденья автомат.

...Утром этого дня 14 немецких моторизованных дивизий нанесли внезапный удар по измотанным в предыдущих, не прекращающихся от самой границы боях войскам Юго-Западного фронта, прорвали оборону южнее Новоград-Волынского и устремились вперед по расходящимся направлениям, отрезая от основных войск фронта несколько наших корпусов.

Наступали немцы сравнительно узкими клиньями, и тот район, где высадился Воронцов, оказался своего рода ничейной зоной. Наши части, разрозненные и потерявшие управление, начали отход, пытаясь прорваться из окружения, кто к Коростеньскому укрепрайону, а кто – на Киев.

Немецкие пехотные дивизии, догоняя ударную группировку, в этот район еще не подошли, да и двигались они только по основным магистралям, пока не отвлекаясь на выполнение второстепенных для них задач.

Ориентируясь по карте, Воронцов определил, что очутился почти на семьдесят километров юго-восточнее того места, где должен был появиться контейнер. Сработал принцип неопределенности, не позволяющий с точностью обеспечить совпадение по месту и по времени. Но это как раз Воронцова не очень огорчило. Километры можно проехать за несколько часов, хуже, если бы он опоздал. И даже то, что придется двигаться в глубь захваченной врагом территории, его не смущало. Вот оказаться по другую сторону линии фронта он бы не хотел...

Стволom автомата Воронцов раздвинул кусты.

Прямо на него шли двое – лейтенант и старшина, оба с черными артиллерийскими петлицами. Старшина держал наперевес короткий кавалерийский карабин, а плечо лейтенанта оттягивал тяжелый вещмешок.

Его внезапное появление, а особенно звание смутили их, однако лейтенант взял себя в руки и довольно четко доложил, что является командиром огневого взвода из гаубичного дивизиона, три часа назад полностью уничтоженного на позициях неожиданно появившимися с тыла и флангов танками.

Лейтенант Долгополов, как значилось в его документах, окончил училище всего два месяца назад, к войне в таком ее варианте не был подготовлен ни тактически, ни политически и смотрел на Воронцова, вернее, на его знаки различия с надеждой, что товарищ дивкомиссар все же объяснит и скажет, как жить дальше. Старшина же Швец, кадровый сверхсрочник, служил в армии двенадцатый год и знал по опыту, что от большого начальства добра ждать не приходится. Было ясно, что больше всего он мечтает как-нибудь незаметно скрыться в лес и действовать по своему разумению.

Да и Воронцов тоже предпочел бы не встречаться ни с кем.

Ощущение, что он говорит сейчас с людьми, которые на самом деле давно, наверное, погибли, сорок с лишним лет лежат под бесследно сровнявшимися с землей холмиками и вновь существуют только потому, что он оказался здесь чужой волей, нельзя было назвать приятным.

Но положение обязывало, и он стал вести себя соответственно. Как и должен был поступать в сложившейся ситуации старший по званию и должности командир.

Раскрыв планшет, Воронцов предложил лейтенанту показать на карте позиции его дивизиона и батарей, направление танкового удара, задал несколько уточняющих вопросов.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Документы у вас в порядке, личное оружие оба сохранили, это говорит в вашу пользу. Я – дивизионный комиссар Воронцов, представитель Ставки Главнокомандующего. Вы поступаете в мое распоряжение. Машину водите, лейтенант? Да, а что это у вас в мешке? Личное имущество?

– Никак нет, товарищ дивкомиссар. Это прицелы от орудий моей батареи. Те, что уцелели. Согласно инструкции положено... «Господи, – подумал Воронцов, – прицелы... Хорошо еще, что гильзы, согласно той же инструкции, не собрал... Но парень, значит, надежный. Генералы дивизии бросают, а он – прицелы через фронт тащит».

– Молодец, лейтенант, – сказал он вслух. – Благодарю от лица службы. Положите мешок в машину, и поехали. Только так – аккуратно. Скорость тридцать, и не газуйте, здесь двигатель форсированный...

В течение ближайших часов они несколько раз встречали группы выходящих из окружения бойцов и командиров, и неожиданно для себя Воронцов на практике убедился в правильности философского положения, что не только содержание определяет форму, но и наоборот. Причем в данном случае форма подразумевается не в философском, а в военно-интендантском смысле...

Проще говоря, он оказался здесь не просто старшим по званию. Он ведь имел высшее военное образование, был взрослее всех не только реальным возрастом, но и опытом войны и послевоенных лет, знал и умел такое, что здесь и сейчас никому, вплоть до командующего фронтом, и в голову прийти не могло, и очень быстро почувствовал, что не в силах проезжать мимо этих людей, как богатый сноб мимо голосующих в дождь пешеходов.

И форма на нем была дивизионного комиссара, что немаловажно.

Бойцы, на время потерявшие возможность, но не желание сражаться с врагом, нуждались в руководителе, и Воронцову пришлось им стать.

В течение первой половины дня он собрал на лесных дорогах и тропах более полусотни окруженцев.

Построив людей на глухой поляне, он быстро распределил их по званиям, должностям и специальностям; из майора, двух капитанов и четырех старших политруков сформировал штаб опергруппы, бойцов свел во взводы – управления, комендантский и охраны штаба.

Теперь, имея штаб и штабные подразделения, Воронцов мог подчинять себе не только одиночек, но и целые воинские части.

У него по ходу дела возник некий стратегический замысел, который он и решил осуществить – не в ущерб своей основной задаче. Ход войны он, конечно, не изменит, но кое-что сделать можно. На этом как раз участке фронта.

...Он вел свою группу через лес, туда, где согласно его карте находилась разгромленная немцами колонна тыловых подразделений Шестой армии, попавшая сначала под удар пикирующих бомбардировщиков, а потом – передовых отрядов 48-го немецкого моторизованного корпуса.

Дорога с обеих сторон была плотно зажата лесом, и сворачивать с нее некуда. Поэтому, насколько хватало взгляда, она была забита сотнями машин – исковерканными бомбами и снарядами и совсем целыми, сползшими в кюветы, уткнувшимися радиаторами в стволы сосен, сцепившимися бортами и крыльями. Некоторые уже сгорели дотла, остались только рамы и диски колес, от других еще тянуло черным зловонным дымом.

Убитых осталось сравнительно мало, большинство водителей и сопровождающих успели укрыться в лесу и разбрелись кто куда.

Но все равно смотреть на картину внезапного беспощадного и безнаказанного разгрома крупной воинской части было тяжело. Если бы еще в настоящем бою, где противник оказался сильнее, но все же заплатил за победу достойную цену... Все это напоминало Воронцову картину заключительного периода четвертой арабо-израильской войны, так называемой «войны судного дня».

Но рефлексировать сейчас и размышлять, кто и почему виноват, не было времени.

– Майор! – резко подозвал он к себе начальника штаба. – Выслать по дороге охранение на километр в каждую сторону. При появлении противника – задержать. Одному взводу убрать погибших в лес. По возможности – захоронить. Главная задача – найти не меньше десятка исправных машин, собрать как можно больше стрелкового оружия, боеприпасов, продовольствия. Исходите из того, что еще сегодня вам придется сформировать из окруженцев примерную бригаду. На все – три часа. Колонну выстроить вот здесь, – он показал на карте место. – Быть готовыми к движению в восемнадцать ноль-ноль. Все. Выполняйте.

Он отъехал на полкилометра западнее головного дозора, свернул в сторону и остановился на невысоком песчаном откосе, откуда хорошо было видно вперед, где возможно появление немцев. Его самого надежно скрывали кусты орешника.

Сидя на подножке, Воронцов расстегнул планшет, вновь достал нужные листы карт. Только он один может сейчас принимать решения, исходя из точного, а главное – своевременного знания. И гораздо более современного стратегического мышления.

Дмитрий вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Достал из чемодана сверток с бутербродами, налил, согласно приказу наркома обороны, полстакана армянского коньяка. Выпил в два приема, закусил твердой, как фанера, колбасой с московским хлебом, закурил и опять обратился к карте.

Да, никто не знает сейчас, что происходит в этой полосе Юго-Западного фронта. Ни командующий Кирпонос, ни Генштаб, ни сам товарищ Сталин, которому положено знать все.

Рейхенау и Клейст думают, что уж они-то знают все на десять ходов вперед, но тоже ошибаются.

Судя по карте, в радиусе пятнадцати километров сейчас находится до двух десятков более или менее организованных групп наших войск, от рот до остатков полков. К вечеру их можно собрать. И тогда – ударить под основание немецкого клина, перерезать основную ком-

муникацию, а главное, под весь этот шум и гром можно попытаться окружить и уничтожить штаб 48-го корпуса. Вряд ли немцам тогда будет до продолжения операции. А такие отчаянные штуки довольно часто удаются именно в силу своей полной внезапности... Только нужен способный и решительный командир. Придется поискать. Вот, хотя бы здесь, где флажок с пометкой «33 ТД».

А под кронами вековых, двухобхватных сосен было совсем тихо и настолько спокойно, что даже странно представить, как в десятке километров отсюда сгорает в ожесточенных сражениях вера и надежда миллионов людей, будто война окажется короткой и победоносной, подойдут войска вторых эшелонов и на старой границе мы остановим немца и погоним его назад.

На самом деле враг уже глубоко вклинился в линию последних укрепрайонов и кое-где уже вышел к Днепру, и сдерживать его Юго-Западному фронту больше нечем.

...Впереди пылил по дороге броневик Воронцова, за ним «ЗИС-5» с четырьмя бойцами, доверху загруженный бочками с бензином. По расчету, оставалось не более шести часов, чтобы успеть организовать рейд, а сил пока не хватало. И с командиром неясно. Впрочем, майор Карпов получил все необходимые указания, заканчивает формирование ударной группы примерно в пятьсот штыков, и крови немцам он сегодня в любом случае пустит и попортит порядочно.

Машины свернули с большака. Просека была узкая, и, если б Воронцов не знал заранее, он вряд ли догадался бы, что тут недавно прошли танки.

Опираясь грудью на закраину люка, он внимательно всматривался в глухой и темный лес. Вот-вот можно ждать встречи с боевым охранением.

Интуиция не подвела. Метров через сто просека оказалась перегорожена толстым бревном, и, как только броневик остановился, на дорогу с двух сторон вышли люди с автоматами, в черных комбинезонах и серых танкистских гимнастерках.

А впереди шевельнулся куст боярышника, и Воронцов увидел за ним башню танка «БТ-7» с направленным прямо на него стволом пушки.

– В чем дело? – властно крикнул Воронцов. – Кто такие? Старший – ко мне!

Сцена была мучительно узнаваема, Воронцов наверняка видел что-то похожее в кино, только не мог вспомнить, в каком именно. Как будто сейчас это могло иметь какое-нибудь значение.

– Это я сейчас спрошу, кто вы такие! – С танка спрыгнул коротконогий, но удивительно широкоплечий человек и пошел навстречу, загребая носками сапог желтый песок. Лево́й рукой он придерживал болтающийся на длинном ремне немецкий автомат «МП-40». – Всем выйти из машины.

И тут увидел петлицы Воронцова.

Дмитрий не торопясь вылез наружу, за ним, с оружием на изготовку, лейтенант Долгополов и батальонный комиссар, которого Воронцов планировал назначить замполитом бригады.

– Что же вы замолчали, товарищ капитан? – медленно спросил Воронцов. – Станьте как положено, представьтесь, доложите.

Танкист нехотя подвинулся.

– Помначштаба 142-го танкового полка капитан Ковалев, товарищ... – Он не сразу разобрал, кто перед ним, комдив или комиссар, и только потом увидел звезды на рукавах. – Товарищ дивизионный комиссар.

– Кто у вас старший по команде?

– Командир дивизии.

– Ведите.

– Есть. Только, извините, машины придется здесь оставить, не положено.

– Хорошо. Ведите, – повторил Воронцов.

Капитан быстро шел впереди, предупредительно отстраняя с дороги низко нависающие ветки. Тропа сделала несколько поворотов, поднялась на взгорок, и вдруг сразу открылась длинная, полого уходящая вниз поляна, покрытая пестрым разнотравьем, с несколькими кустами терновника посредине.

Слева на опушке леса Воронцов увидел две большие штабные палатки под маскировочной сетью, а за ними несколько заброшенных зеленую «эмок» и два танка «Т-26». Людей видно не было, только перед палатками прохаживался человек с винтовкой «СВТ» на ремне.

– Доложите комдиву: прибыл представитель Ставки, – коротко приказал Воронцов.

Капитан скрылся в палатке, и через несколько секунд оттуда шагнул через брезентовый порог высокий, очень для своего звания молодой генерал-майор в тонкой хромовой куртке поверх гимнастерки.

Как раз из тех удачливых, безусловно, способных молодых командиров, которым волей судьбы и истории повезло (или, лучше сказать, пришлось) за три-четыре года перескочить через десяток лет службы, пять-шесть должностей и званий, чтобы занять посты, которые, кроме них, занять было просто некому. Которые в большинстве своем честно и отважно, хоть и не слишком умело, воевали в первые, самые трудные дни и месяцы и которые, как правило, не дожили до Победы.

...Интересно было наблюдать смену выражений его лица. Он шел, явно готовясь увидеть генерала высокого ранга со свитой, услышать разнос на повышенных тонах, а обнаружил совсем не то. Своего почти что ровесника, наверняка тоже окруженца, да к тому же и не генерала совсем, а комиссара.

Оттого мгновенное облегчение на его лице сменилось разочарованием. На помощь рассчитывать не приходится, а хлопот прибавится.

Однако привычка к субординации и авторитет должности гостя тем не менее сработали. Генерал отдал честь. Воронцов назвал себя.

– Извините, товарищ дивкомиссар, но я прошу предъявить ваши полномочия, – твердо сказал генерал.

– Пожалуйста, – Воронцов протянул документ, прочитав который генерал еще более подтянулся и, возвращая, снова поднес руку к козырьку.

В палатке, где собрались все уцелевшие в боях старшие командиры и политработники дивизии, Воронцов узнал, что фактически дивизия состоит из восьми легких танков, да и те с почти сухими баками, зенитной батареей, разведроты и сводного полка, штыков примерно в семьсот. И все.

– А тыловые подразделения? – спросил Воронцов.

Генерал вздохнул и отвел глаза.

– Тылов тоже нет. Есть две ремлетучки, несколько грузовиков с боеприпасами и кое-каким продовольствием, редакция дивизионной газеты и санитарный автобус. Это все. Да что вы хотите? – вдруг повысил он голос. – Дивизия идет с боями от самой границы. Без поддержки, без подкреплений... Пока танки еще были – вперед, в атаку, разгромить, уничтожить! Броня на броню! А что у немцев броня в три раза толще, да артиллерия, да авиация сверху долбает как хочет – кому это объяснишь? А когда пожгли танки – две сотни танков, как спички, пожгли, вот тогда стоять насмерть! И стояли! То стоим, то ползем задним ходом с рубежа на рубеж. А немцы уже на полста километров в тыл зашли! Я пехоты своей неделю в глаза не видел! Самолетов своих – ни одного! Только немцы летают... Сегодня утром два последних бензовоза сгорели. Связи – и той не было. Пять дней назад прорвался лейтенант с пакетом на мотоцикле из штаба фронта, а в пакете приказ: фланговым ударом опрокинуть и разгромить! Чем? Это вы мне скажите, товарищ дивизионный комиссар из Москвы, можно мне так воевать? У меня же одни легкие танки, для глубоких рейдов и преследования противника... Были. Можно их было использовать во встречных боях?

...Генерал Москалев три года назад был отличным командиром батальона. Возможно, из него получился бы неплохой командир полка. Однако его сделали комдивом, и, кое-как справляясь с командованием в мирное время, на войне он сумел доказать только одно: безукоризненной личной храбрости и беспрекословного выполнения приказов на таком посту, увы, недостаточно. Только вот цена этого открытия оказалась непомерно высокой.

– Если я вам скажу – нельзя, вам станет легче? – спросил Воронцов нарочито тихо. – Считайте – сказал. И давайте ближе к теме. В нынешних условиях какие ваши планы?

Он обратил внимание, что присутствующие в палатке командиры прячут глаза, будто не желая, чтобы представитель Ставки подумал, что они одобряют внезапную вспышку потерявшего над собой контроль комдива. Только один молодой, интеллигентного вида батальонный комиссар смотрел и слушал с жадным интересом. Как в театре.

– Какие тут планы... – Генерал потерянно махнул рукой. – Танки взорвем и будем пробиваться на Киев. Главное, что обидно – снарядов сколько угодно, а горючего совсем нет... Если из всех машин слить в санитарку и пару грузовиков, километров на сто хватит...

– Решение преждевременно. Там у меня в машине около двух тонн бензина есть. Пошлите людей, заправьте танки. Пока хватит, а к вечеру бензину будет выше головы. Прикажете приготовиться к маршу. И отпустите людей, пусть идут в подразделения.

Командиры покинули палатку, Воронцов сел на раздвижной парусиновый табурет:

– А мы с вами сейчас немного поработаем...

Он развернул на столе свою карту, с обстановкой на сегодняшнее утро во всей полосе фронта.

Москалев долго изучал ее, потом поднял голову:

– Да, теперь для меня кое-что проясняется...

– Вот и давайте думать, исходя из реальности. В моем распоряжении опергруппа в виде усиленного батальона, у вас – дивизия. Вы, я вижу, академию закончили, вот и принимайте решение с учетом всех обстоятельств. Насмерть стоять больше не надо и в лобовые атаки ходить – тоже. Надо грамотно воевать.

– Я все понимаю, – будто с усилием начал генерал. – Не понимаю только одного. Откуда у вас такая карта? Это невозможно в принципе...

– Федор Андреевич... – Воронцов посмотрел на генерала в упор, будто бы даже с сожалением. – Где вас учили ставить такие вопросы? Этак можно зайти далековато... Того и гляди, вы захотите узнать, почему мы с вами сейчас на пятьсот километров восточнее госграницы, а не настолько же западнее. И так далее... Давайте лучше займемся конкретным делом. В пределах нашей компетенции и реальных возможностей. Вот наше место. – Дмитрий показал карандашом. – В этом районе можно собрать еще пару тысяч человек, вполне боеспособных, даже с артиллерией. Они сейчас только и ждут, кто бы их объединил и поставил задачу. Мы это и сделаем. А с такой силой уже можно попытаться хоть немного, но изменить ход событий. Смотрите – вот штаб немецкого корпуса, здесь штаб дивизий. Понятно? – Воронцов тонкими штрихами изобразил несколько стрел, направленных остриями под основание ударной группировки. – Я думаю, после такой нашей диверсии они два дня точно наступать не будут. А мы утром отойдем в леса и к вечеру еще раз, теперь уже сюда... За три дня и штаб фронта сориентируется, может, сумеет закрыть прорыв...

Москалев смотрел на карту, не поднимая глаз.

– Не считите меня скептиком, но я вашего энтузиазма не разделяю. Что могут сделать случайно собранные люди там, где потерпели поражение регулярные воинские части?

– Могут, еще как могут... Следите за моей мыслью. Вы, не только вы лично, но и вся наша дивизия были заведомо обречены на поражение с первых дней боев...

– Отчего это? – вскинулся генерал. – Не могу с вами согласиться. Вы бы видели, как сражались и погибали мои люди...

– Вот поэтому, генерал. Поэтому – тоже. Один иностранный полководец сказал как-то своим войскам: «Ваша задача не в том, чтобы умереть за свою родину. Вы должны заставить мерзавцев с той стороны умереть за свою родину». Довольно тонкая мысль, не правда ли? А вы были не готовы к настоящей войне, оттого и погибли практически зря. Не возражайте, я поясню. Ваша дивизия, двести танков, могла нанести немцам огромный урон, если бы вы просто сообразовывали свои решения и действия с обстановкой. А вы? Вы дали себя уничтожить...

– Как вы можете так говорить? Мы выполняли приказ... – возмутился Москалев, словно и не он только что сетовал на свои огромные и напрасные потери. – И фашистам от нас досталось крепко...

– Бросьте, Федор Андреевич. Что такое для них сейчас два-три десятка танков, даже пусть сотня? Смотрите на карту. Вот: Житомир прикрывает один железнодорожный батальон. А была бы тут ваша дивизия? Если бы вы вовремя думали, вовремя маневрировали силами...

– Нарушая приказы?

– А что такое приказы в нынешней обстановке? Кто их отдавал? Те люди, которые намного хуже вас представляли обстановку, руководствовались или довоенными разработками, или тем, что видели на позавчерашних картах!

– Но все равно, приказ есть приказ...

– С тех, кто вам приказал, уже не спросишь... А вы свой долг примитивно понимаете. Наш с вами долг сейчас, я уверен, нанести врагу максимальный урон, задержать его насколько можно. Представьте: имея в руках дивизию, хоть половинного состава, вы сейчас могли бы, действуя из засад, маневренными группами перерезать все основные магистрали, фланговым ударом заставить немцев остановить движение, развернуть фронт на юг и хоть на сутки перейти к обороне. Потом вы могли бы и отойти. Но в порядке и готовым к выполнению следующей задачи... Впрочем, мои слова, я вижу, для вас пока неубедительны. Значит, перейдем к практике, которая единственный критерий истины. Сейчас у вас первый, а может, и единственный шанс сыграть с Клейстом на равных, – попробовал подзадорить генерала Воронцов. – Под Луцком вы тоже могли, но не сумели, так хоть здесь...

– Так точно, – дернул головой генерал. – На равных. У него пятьсот танков, а у меня восемь...

Воронцов встал, протянул Москалеву коробку папирос.

– Не мне вам объяснять. Пятьсот – это на сто километров по фронту и двадцать в глубину. Причем вы о них все знаете, они о вас – ничего. Да и вообще – восемь танков в нужном месте, ночью, внезапно, прямо по расположению штаба корпуса... Артиллерия у нас тоже есть. Очень неплохо может получиться... Да что это я вас уговариваю? – с изумлением спросил Воронцов. – Вот цель, вот задача... Мои указания для вас обязательны. Принимайте решение и готовьте приказ. Времени у нас очень мало.

Все, что от него зависело, он сделал. И, увлекшись, чуть не забыл, зачем сюда явился. Слишком его захватила возможность хоть немного помочь всем тем, с кем свела его судьба. Он понимал, что на фронте грандиозных и трагических событий этих дней все его поступки имеют исчезающе малое значение, но если при его участии немцев задержат хоть на сутки, уничтожат сколько-то солдат, еще пару десятков танков, общий счет войны изменится в лучшую сторону. Правда, он знает, как было на самом деле... Значит ли это, что его вмешательство бесполезно? «Нет, – сказал он себе. – Все равно – нет».

Просто без его вмешательства было бы еще хуже. Не задержанные здесь немцы, может, на сутки раньше возьмут Киев, на несколько километров ближе подойдут к Москве, погибнут новые тысячи людей, и среди них, возможно, те, без которых мир будущего будет еще беднее. Погибают-то всегда самые смелые и честные, кого так не будет хватать после войны, чье отсутствие будет сказываться еще многие десятилетия. Если не всегда.

И в то же время он чувствовал, что и то дело, за которым он пришел, тоже надо сделать. Не опоздать.

Здесь уже пошло заведенным порядком. Пишется боевой приказ, люди и техника готовятся к маршу и бою. Бойцы и командиры и без его присутствия исполняют все, на что способны. А сейчас он уедет. Пусть считают, что дивкомиссар исполняет свою миссию в другом месте.

Интересно бы, вернувшись, прочесть во вновь написанных исторических трудах: «В период оборонительных боев на киевском направлении важную роль сыграла опергруппа дивизионного комиссара Воронцова, действовавшая на коммуникациях группы армий „Юг“. И так далее... Да нет, не напишут. По крайней мере, в известном ему мире не напишут. И, значит, не суждено ему вести в бой этих людей, и никого из тех, кто мог бы доложить о его участии и роли в Киевском сражении, в живых не останется. Или если кто и остался, то за всем последующим просто забыл об этом кратком эпизоде. Не мог же знать Воронцов, что после его отъезда генерал, так и не избавившийся от своих сомнений, решил не ввязываться в авантюру, в успех которой не верил, и предпочел с остатками своей дивизии и группой майора Карпова прорываться по кратчайшему направлению на Житомир. И уж совсем непредставима для Воронцова была такая повлиявшая на Москалева причина, как обнаруженное генералом сходство между дивкомиссаром из Ставки и теми, ныне исчезнувшими комдивами и комкорами, которые читали в академии лекции о тактике глубоких операций и перспективах грядущей мировой войны, командовали округами и армиями, считались гордостью и надеждой РККА и вдруг... Ради своих бонапартистских замыслов предавшие дело Ленина – Сталина, пошедшие в услужение троцкистам, фашистам, японским милитаристам и понесшие справедливую кару, они ведь предали и лично его, генерала Москалева. Хотя бы тем, что оставили его один на один со страшной немецкой военной машиной. Он, генерал Москалев, готов был идти в бой под командой прославленных полководцев, а они его бросили... Возложили на него огромный тяжести груз, вынудили играть роль, к которой он совсем не был готов, а сами ушли... Они и виноваты в его сегодняшнем поражении. И вдруг появляется дивизионный комиссар, который говорит, думает, держится очень похоже на тех, бывших... Вновь требует от него самостоятельных ни с кем не согласованных решений, пытается подорвать веру в слова, сказанные товарищем Сталиным в речи от третьего июля... Нет, хорошо, что дивкомиссар уехал, избавил его от необходимости обращаться в особый отдел фронта.

Как только Воронцов покинул КП, генерал начал действовать по-своему. Отчаянным рывком он пробивался через слабое еще крыло окружения, вывел свою группу в распоряжение наших войск и тут же оказался в самом центре сражения, развернувшегося на южном фланге фронта. И судьбы его и его людей неразлично слились с судьбами тех, кто сражался и умирал в жестоких, трагических боях лета сорок первого года.

Кто знает, не вспомнил ли в свой последний час Москалев, погибая в новом окружении под Уманью, странного дивизионного комиссара с его непонятными речами, со слепым до безрассудства и все же реальным планом, не подумал ли, что все могло повернуться иначе и не он сейчас бы расстреливал последние патроны из самозарядной винтовки, готовясь к смерти, а немецкий генерал, застигнутый врасплох со всем своим штабом, поднимал бы перед ним руки, сдаваясь в плен...

Ничего этого не предвидя, Воронцов, убедившись, что все идет по плану, подозвал батальонного комиссара.

– Я сейчас отлучусь. Передайте генералу, что все остается в силе. Когда будете готовы – начинайте движение. Проводите на соединение с вашей группой. Пусть принимает командование у майора Карпова. Начало операции – как условлено. Я вас найду...

Он уже садился в броневик, когда к нему подбежал лейтенант Долгополов.

– Товарищ комиссар, а как же мне со старшиной? Мы с вами. Вам нельзя одному ехать...

Воронцов твердо было решил, что не будет брать с собой никого, чтобы потом, возвращаясь домой, не оставлять бойцов одних в глубоком тылу. Но, глядя на лейтенанта, он изменил свое решение. На войне быстро привыкаешь к людям, мало ли что может случиться? В одиночку и машину из колдобины не вытолкнешь. А как быть потом, он сообразит исходя из обстановки. В крайнем случае – кто или что помешает ему забрать лейтенанта и старшину с собой, если не будет иного выхода? Не форзейли же...

При этой неожиданной мысли он усмехнулся.

– Хорошо, Долгополов. Зовите старшину...

Глава 8

Вновь броневик неспешно пылил по дороге. Воронцов стоял, опираясь спиной о кромку правого люка, лейтенант сидел за рулем, а старшина Швец шевелился и погромыхивал какими-то железками в тесной коробке пулеметной башни.

Как известно, обстановка на войне – дело темное, даже и в сравнительно спокойные моменты, а уж тем более – в разгар ожесточенных маневренных боев. Броневик, взревев мотором, пробуксовал в песке, выскочил на крутой перегиб дороги, и Воронцов буквально в двух десятках шагов увидел перед собой целое стадо тяжелых мотоциклов «Цунап», именно стадо, потому что двигались они во всю ширину дороги без всякого видимого порядка, грохоча выхлопами, окутываясь струями и клубами синего дыма, на каждом – по три веселых немца образца сорок первого года, которым война еще в охотку и в удовольствие, напроць свободные от неарийских мыслей, настроенные только на скорую и неизбежную победу.

Каски свалены в коляски, рукава закатаны до локтей, воротники расстегнуты, наверное, и фляжки со шнапсом уже далеко не полные...

Воронцов еще только начал реагировать, а старшина, не успев даже упереть в плечо приклад пулемета, нажал на спуск.

Длинная, патронов на тридцать, очередь прошла поперек колонны, вышибая из седел и водителей, и стрелков.

Потом Швец поймал обтянутую черным дерматином подушку приклада и стал стрелять прицельно.

На дороге мгновенно возник завал, несколько мотоциклов вспыхнули высокими факелами светлого пламени, задние еще пытались развернуться под пулями, но ни времени, ни простора для маневра у них не оказалось.

Безусловно, немцам не повезло, просто невероятно не повезло. На их стороне были все шансы, только один какой-то – против. И он как раз и выпал.

Полсотни солдат – против троих, пятнадцать пулеметов – против одного. В любых других условиях тут бы и говорить не о чем было. Развернулись бы веером и прямо с колясок изрубили струями пуль жестяную броню, закидали гранатами, не дали бы никому выскочить.

Подвел сбой по фазе. Если бы немцы первыми оказались на гребне – тогда все! Впрочем, и это еще неизвестно. Скорость реакции тоже кое-что значит. Старшина Швец пять лет служил в кавалерии, воевал с басмачами, бывал в сабельных рубках, умел на полном аллюре поднимать зубами фуражку с земли, без промаха бил в цель с седла из карабина и нагана. Так что и при прочих равных молодые подвыпившие немцы могли не успеть. А дальше уже понятно. Кинжальный пулеметный огонь с предельно короткой дистанции, практически в упор, способен вырубить толпу и побольше этой. И растерянность, конечно, и паника – все, спрессованное в секунды. И принимать осмысленные решения уже некому.

Меньше чем за минуту старшина расстрелял два двойных диска, и вдруг стрелять стало не в кого. Много мятого железа и тела, лежащие по одному и грудami, как кого застигли пули.

Сдернутый с места грохотом пулеметов, Воронцов вывалился через правую дверцу наружу, дернул затвор автомата. На другую сторону выскочил лейтенант с револьвером.

– Вроде все, товарищ дивкомиссар... – крикнул из башни старшина, поводя стволом.

Воронцов тоже не видел никакого шевеления. Кто убит – убит, а живые если и есть, то затаились.

Для Дмитрия все произошло слишком внезапно. Вот тебе и неторопливая война! Мотоцикл исправный, пулемет, пару автоматов, патроны...

А сам сел за руль и начал разворачивать броневик. «На сей раз повезло, вывернулись, – думал он. – Спасибо старшине. Но теперь бы дал бог ноги унести, потому что, если это раз-

ведка, за ней следует серьезная часть. Но на карте-то моей ничего в этом районе не обозначено. Что получается? Мои здесь действия уже настолько меняют реальность? Тогда через сутки-двое карты вообще можно выбрасывать, потому что все пойдет совсем по-другому? Вот и парадокс: знание прошлого ничего не дает тому, кто в нем оказался, поскольку для него оно становится неопределенным будущим. Неужели форзейли этого не заметили? Или как?..»

Вдали бахнуло несколько выстрелов. Воронцов вышел из броневика. Швеc махнул ему рукой: все, мол, в порядке. Потом они с лейтенантом выкатили на дорогу мотоцикл, стали что-то грузить в коляску.

Минут через пять старшина подошел, и не просто так, а с двумя автоматами на плече, в левой руке он, как рыбу на кукане, нес десяток магазинов в узких кожаных пеналах, а в правой – гроздь обтянутых сукном продолговатых не по-нашему фляжек.

Свалил все добытое добро внутрь броневика, перевел дух.

– Живых нет, товарищ дивкомиссар. Там один лейтенант у них был, остальные рядовые и унтера.

– А в кого стрелял?

– То так, из жалости. Пользы с них не было... Я там мотоцикл подготовил, загрузил кой-чего. И еще пошукаю...

Воронцов понял, что если дать ему волю, то по своей старшинской натуре Швеc нагрузит броневик так, что рессоры не выдержат. И по-своему он прав. Но не в данном случае.

– Хватит. Ты что, лавку открывать собрался?

– Та товарищ комиссар, жалко же... Добра столько, а шо оно дальше будет?

– Сказал – хватит. Давай лучше с лейтенантом вперед проскочите... У немцев карта была?

– Была, да пустая...

Действительно, убедился Воронцов, типичная лейтенантская карта. Кое-как обозначена ближайшая задача и предположительно – линия боевого соприкосновения с советскими войсками.

– В общем, проскочите на пару километров, посмотрите. И сразу назад. Объезд искать будем. Не зря же они тут катались...

Воронцов едва успел перекусить, как из-за поворота, нарастая и отдаваясь гулом в органических стволах сосен, донесся гул терзаемого на неподходящей передаче мотора. «Цунаи» выскочил на закругление дороги, как глиссер, с веером песка из-под заднего колеса. Старшина почти лежал грудью на руле, выкручивая манжетку газа, а лейтенант, выставив ногу вперед, собирался выпрыгивать из коляски.

– Товарищ комиссар, немцы! Близко, метров пятьсот! Транспортеры и танки. Много...

– Давай вперед, не останавливайся! – махнул рукой Воронцов. Включил вторую скорость, резко взял с места. «Как у „жигуля“ приемистость, – отметил Воронцов, – и песок нипочем. А старшина чего так виляет, никак с рулем не справится?»

Разогнавшись, броневик резко полез на очередной пологий подъем. Через открытую дверцу Дмитрий то и дело поглядывал назад. Из-за поворота, где они только что были, появился низкий, скошенный и пятнистый лобовик полугусеничного «Бюссинга». «Это ерунда, – подумал Воронцов, – от этого уйдем, у него парадный ход тридцать километров...»

С угловатого железного корыта прогремела первая очередь.

Возможно, все дальнейшие события развернулись бы совсем иначе, если б местность имела здесь другой рельеф. Но дорога протянулась впереди совершенно прямой линией, сжатая с обеих сторон лесом, и, наверное, очень хорошо смотрелась через оптику прицелов. И сама дорога, и все, что на ней было.

Первый снаряд из танковой пушки ударил далеко впереди, но ведь то был первый. Наводчику не нужно даже менять установку. Достаточно неподвижного заградогня.

Так и получилось. Мотоцикл старшины буквально влетел в следующий взрыв. Его швырнуло в сторону, поволокло боком, однако осколки никого не задели. Швец сумел выровнять руль, еще прибавил газу и, высмотрев справа какой-то просвет, на полной скорости проломился через кусты и скрылся за деревьями.

Им с лейтенантом еще раз повезло, и Воронцов от души пожелал, чтоб везло и дальше. Наверное, они добрались потом до своих, но знать это Воронцов уже не мог.

А сам он по-прежнему оставался на бесконечной и отвратительной прямой дороге. Позади появился второй танк, теперь они били по броневiku из двух стволов и все-таки никак не могли попасть. Или Воронцова хранила всегда благосклонная к нему фортуна, или Наташа с форзейлями вовремя отклоняли траектории снарядов. Скорее всего – без мистики – и калибр танковых пушек был маловат, тридцать семь миллиметров, и требовалось обязательно прямое попадание, и наводчики у немцев не слишком умели стрелять по малоразмерной движущейся цели.

Однако разрывы ложились рядом, по броне гремели осколки и камни, и Воронцов, вдавив педаль акселератора до пола, бросал броневик от одной обочины к другой, каждую секунду ожидая последней, смертельной вспышки перед глазами или сокрушительного удара сзади, которого и почувствовать не успеет.

Ошибкой немцев было еще и то, что стреляли беглым огнем оба танка сразу, наводчики путали разрывы и не могли корректировать установки прицелов. Из одного ствола они бы попали быстрее.

Воронцов увидел слева заросшую бурьяном не то просеку, не то тропу и, не задумываясь, вывернул руль. Броневик подбросило так, что Дмитрий чуть не выпал в открытую дверцу, под днищем закрипело и заскрежетало. Воронцов с ужасом представил, что сейчас оторвется кардан или камнями пропорет передачу с третьей на первую. Трясаясь и подпрыгивая, ломая колесами валежник, возмущенно рыча мотором, броневик вынес его из-под огня.

Примерно через километр Воронцов проскочил по трухлявому мостику заболоченный ручей и оглянулся. Лес позади стоял стеной, и было даже непонятно, как он сумел через него проехать.

Дмитрий выключил зажигание и откинулся на сиденье. Он весь был мокрый, и сердце колотилось так, будто не ехал он, а толкал двухтонную машину перед собой.

Он вылез наружу, откинул броневую крышку капота и отвернул пробку радиатора. Столбом ударил перегретый пар. Теперь нужно ждать минут двадцать, пока двигатель чуть остынет, залить свежую воду и только потом ехать дальше.

А в лесу было тихо.

Нет, конечно, с дороги доносился гул моторов и лязг танковых гусениц, пулеметные трассы еще секли верхушки деревьев, но все это уже было далеко и Воронцова словно не касалось. Сюда немцы соваться не рискнут, да и не нужно им это. Не то время, чтобы за каждым русским солдатом поодиночке гоняться. На сегодня все закончилось. День почти угас, небо из голубого стало золотисто-зеленым, из глубины леса потянуло прохладой и сыростью, неожиданно громко вдруг заквакали лягушки в ручье.

Дмитрий сориентировался по карте. До цели оставалось не так далеко.

В шею впился с омерзительным визгом крупный комар.

– Вот сволочь, пятая колонна! – Воронцов прихлопнул вампира и вытер платком окровавленные пальцы. Захлопнул дверцу. Осторожно тронул машину. Судя по пунктирной линии на карте, тропа должна была вывести его почти точно на место.

Больше в этой глуши ему не встретилось ни своих, ни чужих.

Детектор ожил ранним утром. Едва успело встать солнце. Воронцов как раз умылся в ручье, сжевал пару бутербродов, запил остатками остывающего кофе из термоса и услышал зуммер оформленного под ручные часы прибора.

На циферблате светился индикатор, и стрелка показывала направление. Значит, вот как раз сейчас и открывался контейнер.

Направление стрелки в основном совпадало с отмеченным на карте грейдером. Километров через восемь дорога пересекала мелкую прозрачную речку. Тут все и произошло.

...Разведка немцев застигла их на месте ночевки. Чуть в стороне от брода.

Опрокинутая и раздавленная гусеницами крестьянская телега с обыкновенным для такого случая имуществом – узлами, одеялами, вспоротыми мешками с мукой и картошкой, вмятым в землю самоваром.

Брошенный на бок возле догорающего костра закопченный чугунный казан, на холщовой скатерке нарезанные куски хлеба, несколько луковиц, деревянные ложки, нож, небольшой шматок желтоватого сала.

Кони, очевидно, разбежались, а людей немцы расстреляли из пулеметов.

Шагах в пяти от телеги лицом вниз лежал маленький, совершенно седой старик в расстегнутом суконном бушлате.

Еще трое немолодых, но крепких мужчин в разных позах, как кого застала смерть, лежали по разные стороны костра.

Пятого, богатырского сложения человека, очередь достала на берегу, когда он уже успел скрыться в плотно окружавших поляну кустах. Левой вытянутой рукой он вцепился в траву, рядом с правой валялся вспоротый ножом или штыком потрескавшийся, очень старый кожаный саквояж с медными застежками. В нем, очевидно, и хранился контейнер.

Отвернувшись, Воронцов торопливо выкурил папиросу. Тут же зажег от окурка вторую. Он уже начал привыкать к виду внезапно убитых людей, но все равно было тяжело. Тем более что сейчас присоединился и личный фактор. Многовато всего выпало ему за последние сутки.

Он снял фуражку и, держа ее на сгибе левой руки, прошел к центру поляны.

Этот старик, наверное, и есть Хранитель. Остальные... Охрана – или как их еще назвать? Ассистенты, послушники, младшие жрецы?

«А если бы я не задержался, догнал их вчера? – думал Воронцов. – Могло бы получиться по-другому? Нет, вряд ли. Они меня просто не стали бы слушать. И от немцев я бы их не защитил. Ручной пулемет и картонный броневики против танков...» Он совершенно упустил из виду, что до тех пор, пока немцы не вскрыли контейнер, он просто не смог бы обнаружить этих людей, даже находясь рядом с ними.

С некоторым душевным трепетом Дмитрий наклонился над стариком. Нет, ничего общего с тем бравым есаулом, что он видел на фотографии. Дело не в разнице возрастов, это был совершенно другой человек, и, значит, деда своего он не увидел даже мертвым.

Но зато Воронцов увидел другое. Люди на поляне не были просто беспомощными жертвами. Они попытались оказать вооруженное сопротивление, несмотря на внезапность нападения. В подвернутой под грудь руке старик сжимал вытертый до белизны офицерский наган. Дмитрий осторожно разжал пальцы худой, еще теплой руки. В барабане остался всего один патрон, а из ствола ощутимо тянуло сгоревшим порохом.

А рядом с убитым на краю поляны Воронцов обнаружил в траве отлетевший при падении обрез трехлинейной винтовки. Из него был сделан один выстрел, оно и понятно – на бегу, с саквояжем в другой руке затвора не передернешь...

Дмитрий вздохнул, еще немного походил по поляне, разбирая следы. Судя по ним, немцев было много. Танкетка или легкий танк с узкими гусеницами, несколько мотоциклов. Обнаружили беженцев на привале, решили допросить и обыскать, а те вдруг открыли огонь... Хотя могло быть и по-другому. Но в любом случае саквояж привлек их внимание. Расстреляв людей, немцы выпотрошили его, надеясь обнаружить нечто важное. Или ценное. Контейнер показался им заслуживающим внимания. Они забрали его и отправились дальше. И сейчас находятся

совсем недалеко, вон как разгорелся индикатор, и стрелка даже не вздрагивает, показывая направление.

Воронцов выкопал могилу на краю поляны. Заворачивая в брезент тело старика, увидел под расстегнутым воротом рубахи золотой нательный крест. Не простой, значит, крестьянин, действительно скорее всего из казаков-офицеров.

Топором он вырубил две подходящие жердины, проволокой туго стянул накрест. На гладком белом затесе написал химическим карандашом: «5 неизвестных казаков». Подумал и прибавил еще черточку: «запорожцев». Помолчал и надел фуражку.

Вот и все, чем мог пришелец из будущих времен почтить память своих предполагаемых сородичей.

...Воронцов аккуратно съехал с дороги в лес. Дальше придется пешком. На здешних разъезженных колеях мотор гудит слишком громко. Он взял автомат, сумку с запасными дисками и другую, с гранатами. План действий он себе составил почти безупречный. Если только опять не случится непредвиденного. Слишком много его уже случалось. Или так всегда на войне?

Если бы ему пришлось ответить сейчас, ради чего он ставит на кон свою голову, Дмитрий не нашел бы что сказать. Такие вещи, очевидно, просто невозможно выразить однозначно. Все сказанное было бы правдой и одновременно так же далеко от нее, как и прямая ложь. Совсем как у Тютчева в известном стихотворении.

...Вначале он уловил запах дыма от сухих дров и жарящегося мяса, а потом услышал и голоса.

Это было очень красивое место, будто специально для пикников на лоне природы. Конечно, не таких, как сейчас...

Среди редкого лиственного леса, рядом с дорогой, стоял большой деревянный дом с резной верандой, несколько хозяйственных построек, амбар с просевшей, крытой камышом крышей.

Воронцов подстроил бинокль. Деревья раскачивались под ветром, и по зеленой лужайке перед домом скользили их фигурные тени.

Немцев явно не оставляло игривое настроение, поэтому они не стали открывать ворота усадьбы, а просто снесли их вместе с одним столбом и частью забора.

Дмитрий немного ошибся, разбирая следы. У немцев была не одна, а две танкетки «Т-1» со спаренными пулеметами в башнях и три мотоцикла.

Неизвестно, что они имели за приказ, но явно никуда не спешили и расположились на привал основательно. Десять человек, кадровые, еще довоенного призыва рослые парни лет по двадцать пять. Точно такие же, как те, что остались на дороге после встречи с пулеметом старшины Швеца.

Но эти пока живы, радуются внезапно выдавшейся свободе, разделись, кто по пояс, а кто и до трусов, разожгли посреди двора большой костер, двое жарят на вертеле целого поросенка, прихваченного где-то по пути, остальные обливаются водой у колодца, готовят стол к завтраку, загорают на ярком утреннем солнце. Громко разговаривают, часто хохочут. И война, и Россия им пока нравятся. Так же, как тем, вчерашним.

Правда, радуются не все. Для двоих встреча на поляне с хранителями реликвии оказалась последней. Их трупы, замотанные в брезент, из-под которого торчат кованые подошвы сапог, приторочены позади башни одной из танкеток. Но судьба убитых не омрачает радостного настроения живых.

Воронцов опустил бинокль, чтобы не выдать себя блеском стекол. Перевес у них серьезный. Подавляющий, как говорится. В любом случае и пробовать бы не стоило. Семь пулеметов. И броня. Они в полминуты разнесут его пулями в клочья и сядут доедать своего поросенка.

Да и с одними автоматами, без пулеметов и танков, справятся с Воронцовым шутя. Загонят, веселясь, как оленя в горах Гарца. Вояки ему не чета.

Но пока шансы на его стороне. Белые начинают и выигрывают. Если повезет.

Он слез с дерева, с которого наблюдал, обошел хутор, далеко углубившись в лес, и вновь вышел к нему с другой стороны. Сюда смотрели глухие стены амбара, а рядом с ним немцы поставили всю свою технику. Это они хорошо сделали, удачно.

Воронцов опустился в глухие заросли крапивы, окружавшие усадьбу с этого фланга и почти полностью скрывающие забор из жердей.

«Как-то интересно такая ограда называется по-украински», – неизвестно к чему вдруг попытался он вспомнить, подавляя пронзительную боль от ожогов.

Полз он медленно, чтобы не шуметь и не раскачивать жирные темно-зеленые стебли.

Перевалился через нижнюю жердину и очутился в лопухах. После крапивы – совсем другое дело.

Оставалось самое опасное – преодолеть открытое место между оградой и амбарами. Не дай бог вздумается кому-нибудь как раз сейчас по нужде прогуляться.

Но, судя по интонациям голосов, немцы все оставались на своих местах и ничего не замечали.

Жаль, что он не знает языка. Интересно бы послушать, о чем они так перед смертью расшумелись.

...Теперь – все. Он стоял, прижимаясь плечом к нагретой солнцем стене. Слева, всего в нескольких метрах, борт одной из танкеток. За ней вторая, с покойниками. Стволы башенных пулеметов повернуты к нему, и кажется, что из них еще тянет запахом кордита. Мотоциклы чуть в стороне, ближе к воротам. Как бы то ни было, к своей технике немцам уже не прорваться.

Будь Воронцов героем историко-развлекательного боевика, сейчас бы в самый раз выйти из-за укрытия, поднять автомат и громко сказать: «Хенде хох!» Или просто начать стрелять от бедра, пошире расставив полусогнутые в коленях ноги и сильно откидываясь туловищем назад.

Но съемочной камеры поблизости все равно не видно, а патроны у немцев отнюдь не холостые. Да и возраст у него уже не тот. Так что лучше действовать без эффектных трюков и поз, но наверняка.

Пока он ползал, немцы успели расставить на большой, расшитой петухами скатерти бутылки, стаканы, закуску и громкими криками поторапливали поваров.

Воронцов выложил на траву противотанковую «РПГ-40», рядом четыре «Ф-1». До основной группы метров пятнадцать, до костра еще десять. Нормально.

Он примерился и, шагнув вперед, изо всей силы бросил противотанковую, целясь в центр скатерти. Тут же упал, вжимаясь в землю, пряча голову за толстыми венцами сруба.

Не успев посмотреть, что там получилось, он одно за другим швырнул в тучу пыли и дыма три ребристых чугунных яйца.

Взрывы, верещание осколков, щепки, летящие от стен, сыплющаяся сверху соломенная труха.

И отчаянный, заходящийся крик, даже вой, возникший неизвестно откуда.

Воронцов вышел из-за укрытия.

Гранаты легли настолько точно, что по меткому, хотя и слегка циничному выражению мичмана с тральщика «Т-254», немцев можно было собирать ложками и хоронить в котелках.

Погибшие у брода казаки могли бы чувствовать себя отомщенными. Да воздастся каждому по делам его...

А кричал так нестерпимо единственный сравнительно уцелевший любитель поросятины на вертеле. Его только посеколо осколками и отбросило прямо в костер, и он сейчас, ворочаясь среди разбросанных пылающих головней, орал не переставая.

Подавив тошноту, Воронцов навскидку дал длинную очередь. Стало тихо.

...Контейнер Дмитрий нашел на сиденье стрелка во второй танкетке.

Выглядел он как не очень большой ларец из материала, фактурой и цветом напоминающего карельскую березу. Крышку и боковые стенки покрывала инкрустация, которая могла изображать вязь неизвестного алфавита.

Немцы основательно потрудились над ним, вскрывая подручными средствами. Торцы и крышка там, где вгоняли зубило, были в забоинах и вмятинах.

Изделие древних мастеров не устояло перед мощью тевтонского гения. Как правильно отметил Блок – «сумрачного».

Бриллиантов немцы, к своему разочарованию, не нашли, но выбрасывать ларец не стали. Решили, наверное, представить по начальству.

Воронцов поднял крышку. Внутри, в гнезде, выстеленном похожей на парчу металлизированной тканью, лежало то, что называлось Книгой.

И книгой это не было. Был массивный, размером в стандартный кирпич блок густо-синего стекла, обтянутый по периметру тремя узкими полосками желтого металла. На полосках – непонятные знаки, ни с чем знакомым не ассоциирующиеся. Может, иероглифы, а может – символы ритуального значения. Еще на полосках имелись несколько групп отверстий, штук десять коротких штырьков – и все.

Вникать в смысл этой арматуры не было времени. Пора возвращаться, раз уж повезло.

Правда, оставалось еще одно дело, совсем маленькое.

Нельзя уходить, бросая исправную боевую технику.

Пусть и цена ей на фоне всего происходящего никакая, и валяется сейчас по лесам и полям сражений десятки тысяч единиц какого угодно оружия, а вот все равно нельзя, он это с первых дней военной службы знал.

Он собрал автоматы и пулеметы с турелей мотоциклов, свалил их внутрь ближайшей танкетки, вылил на моторные жалюзи бензин из запасных канистр, открыл сливные краники на всех бензобаках и, отойдя подальше, бросил туда тлеющее полено из костра.

Пламя поднялось парусом, а он, зажав под мышкой контейнер, пошел к лесу, стараясь не спешить и не оглядываться на дело рук своих.

...Когда он сказал Наташе, встречавшей его в своем Зазеркалье, что все прошло более чем успешно, она только кивнула.

– Я все видела. Ты был великолепен. Не знаю, удалось бы кому-нибудь еще сделать это...

Ее оценка была Воронцову приятна. Во времена наивной юности ему часто хотелось, чтобы она могла увидеть его в те минуты, когда он сам себе нравился. Но сейчас он понимал, что наблюдала за ним совсем не та Наташа, чье мнение было ему дорого, а лишь перцептроны компьютера, и, значит, цена лестным словам соответственная.

Выглядела Наташа по-прежнему великолепно, красиво причесана и со вкусом подкрашена, костюм на ней был совершенно сногшибательный, будто ей предстояло посетить какой-нибудь великосветский раут, но Дмитрию показалось, что равнодушнее стал ее взгляд и холоднее голос.

«Ну-ну», – подумал он и сказал:

– Не преувеличивай, Натали. На моем месте так поступил бы каждый. Скажи лучше, что теперь будем делать.

– Как я и говорила. Оставь контейнер здесь, на столе, и можешь возвращаться домой. Хоть сейчас. Разумеется, условия остаются в силе. Вознаграждение ты получишь, какое захочешь.

Воронцов кивнул.

– Мавры делают свое дело, но какова текучесть кадров... Что бы такое попросить пооригинальней. Но для полноты картины расскажи, что же я все-таки принес. По правде... И как эта штука функционирует?

– Как что? Я же тебе уже говорила. Если тебе не нравится название «Книга», можешь считать ее своеобразной видеокассетой. К ней подключается источник питания. Информация воспроизводится на внешней поверхности. Можно подряд, можно выборочно. Ничего сложного.

– Могли бы и автономное питание встроить... Где его теперь искать? И какие должны быть у него характеристики? Сила тока, напряжение, емкость?

– Почему это тебя интересует? – спросила Наташа подозрительно.

– Ну как же, интересно. Головой рисковал, а за что? Думаю, здесь все же можно найти подходящий аккумулятор...

– Ничего у тебя не получится. Оставь, без тебя разберутся...

– А так хотелось картинку посмотреть, – протянул Воронцов. Перед возвращением он для снятия напряжения принял очередную наркомовскую норму, в Замке выпил кофе, и настроение у него было несколько веселое.

Но когда он перешел к главному, взгляд у него стал жестким, будто прицеливающимся. Таким Воронцов бывал нечасто, и этот его взгляд не любили подчиненные, да, пожалуй, и начальство...

– А если без шуток, то ничего я оставлять не буду. – Он выдержал паузу. – Знаешь, когда я так решил? У брода. До того колебался, а там четко понял. Чего вдруг? Мало ли что там записано? Сколько наших людей за нее кровью платили, и своей, и чужой. Пусть вначале форзейли все покажут, а там уже делиться станем: что нам, что им...

Похоже, такого поворота событий пришельцы представить не могли.

Сначала его уговаривала и убеждала Наташа. Она использовала все доступные ей эмоциональные, этические и логические доводы, припомнила даже древнеримское правило: «Договоры должны соблюдаться», сулила все мыслимые блага как земного, так и галактического ассортимента. Он же, изображая на лице упоение собственной значимостью, сидел в кресле, вытянув ноги в пыльных сапогах, пил пиво «Тюборг» из ледяной бутылки и изощрялся, изображая все новые формы вежливых, но категорических отказов.

При этом с усмешкой думал о себе, что человеку, умеющему часами бродить по торговым кварталам Бомбея, Манилы, Стамбула, при этом ничего не покупая, наводящему страх и уныние на самых прожженных стивидоров и агентов по снабжению в портах трех континентов, не страшны никакие пришельцы. Слабо им по-настоящему торговаться.

– Ладно, Натали, давай заканчивать. Я сказал, да и устал порядочно. Соглашайтесь. Ваша позиция отдает дешевым снобизмом – непременно вам подавай право первой ночи. Поразмысли там вместе с хозяевами спокойно, и поймете, что я прав. А мне пора домой, честное слово... – Наташа молчала, и он продолжил: – Не думаю, что они меня тут задержат навечно. Принципы не позволят. Уважение прав человека, свободы воли и так далее. А если я, упаси бог, ошибаюсь, то и это предусмотрено... Когда-то я был довольно неплохим минером и на всякий случай сообразил тут кое-что. – Он похлопал ладонью по крышке контейнера. – Пятьсот граммов гексогена, взрыватель тройного действия с секретом. Как говорится, в случае моей смерти прошу не обижаться...

– Да, Дим, – сказала Наташа. – Они тебя неправильно просчитали. И я тут виновата. Они ведь через мое восприятие и мои чувства тебя оценивали, поскольку датчик ты отключил. А я и вправду поверила, что ты все сделаешь как надо.

– А я и сделал как надо. Разве нет? Или ты, кроме как по-ихнему, думать сейчас не можешь?

– Я сейчас как раз по-своему думаю. И мне грустно, что я снова в тебе ошиблась. Сейчас мне придется уйти, свою роль я сыграла... Я уйду, мы опять расстанемся, теперь уже навсегда, а что и как будет со мной, я не знаю... – Лицо у нее стало потерянным и несчастным.

Воронцов ее искренне пожалел. Кем бы она там ни была на самом деле и какую бы цель в этой роли ни преследовала, в ней оставалось то, что делало ее так похожей на живую женщину, его Натали...

– Пожалуй, ты все же не во мне, а опять в себе ошиблась, – сочувственно сказал он. – Ну да бог с ним... Ты лучше попроси, чтобы они тебе там, в Москве, память сохранили. Заслужила... И я бы к такой просьбе присоединился, да боюсь, моя просьба для них теперь неубедительна. Вряд ли они меня спокойно видеть и слышать могут... А так бы, конечно, что им стоит? Не фашисты же они, у живого человека память стирать.

– Попрошу, – покорно согласилась она. – Только не знаю, лучше мне будет или хуже?

– Отчего же хуже? Новые впечатления всегда полезны. Жизненный опыт, опять же... А там, глядишь, и наяву встретимся. Будет настроение – позвонишь мне. Запомни телефон, в ближайший месяц я отвечу, пока снова в моря не соберусь. А то и сам позвоню. Если ты меня вспомнишь, конечно.

– В любом случае позвони. И все Расскажи... Ей, той, что в Москве. Она сейчас о многом жалеет...

Воронцов встал. Начиналась мелодрама. А мелодрамы он не любил. В любых видах.

– Хорошо. Судя по твоим словам, они меня все же собираются отпустить. Если так, то надо бы переодеться. Появись так в курортном городе, – он провел ладонью по петлицам и орденам, – не поймут...

Выходя из комнаты, Наташа на секунду приостановилась на пороге, опершись рукой о косяк, обернулась, словно собиралась еще что-то сказать на прощание, но только кивнула и исчезла.

Исчез и экран. Перед Воронцовым вновь была глухая стена, обтянутая коричневым, с золотым рисунком штофом.

– Красивая девушка... – услышал он за спиной знакомый голос. – И она ведь до сих пор тебя любит...

Дмитрий резко повернулся.

У окна, положив ногу на ногу и легонько постукивая пальцами по подлокотнику кресла, сидел и смотрел на него с сочувственной полуулыбкой Антон, точно так, как он сидел за столом своей дачи под Сухуми.

Воронцову пришлось сделать еще одно усилие, чтобы постараться и при этом повороте сюжета выглядеть спокойным.

– Вот уж что тебя совершенно не касается... Зачем явился? Спасать ситуацию? Девчонка не справилась, так теперь ты – резерв главного командования? – Он положил контейнер на край письменного стола и, по-прежнему придерживая его одной рукой, второй начал отстегивать ремешок портупеи. – Так я не шутил, – движением головы он указал на контейнер, – если что – рванет прилично...

Помолчали, глядя друг на друга.

– Считай, что ты выиграл, моряк, – первым прервал паузу Антон. – Я знал, что ты надежный парень, но не представляешь, сколько раз приходилось ошибаться в самых, казалось бы, безупречных.

– Отчего же? Как раз вполне представляю, – пожал Воронцов плечами. – И что дальше?

– Вот и пришлось тебя немного проверить... Извини. Понимаю, что ты сейчас очень зол на меня.

– Ну, чего уж... Моментами было довольно весело. – Воронцов бросил ремень с портупеи и тяжело громыхнувшей кобурой прямо на пол, сел напротив Антона, положил локти на контейнер. – Так что, все фокус, как я вначале и думал? Театр одного актера?

– Да нет, зачем же? Все правда. И Замок, и война, и Книга. А я, если угодно, как раз главный здесь форзейль, если оставить в силе такое название... Не совсем точно, ну да уж ладно.

Воронцову вдруг стало гораздо легче на душе.

Самым непереносимым, оказывается, была мысль, что он разыгрывал под гипнозом, или чем там еще, дурацкий спектакль.

– Тогда в чем смысл?

– А в том, что мы на самом деле не можем вступать в официальные контакты с таким человечеством, как ваше. Хотя вы, люди, интересуете нас больше, чем многие и многие другие. Есть в вас черты, цену которым вы поймете еще не скоро. И приходится долго, очень долго искать тех немногих из вас, с кем можно иметь дело уже сегодня.

Воронцов изобразил попытку привстать и щелкнуть каблуками. Антон не отреагировал и продолжал как ни в чем не бывало:

– Мы ничего не имитировали в прошлом. Обстановка подлинная. Был ли риск для тебя? В конечном счете нет, мы тебя спасли бы, однако умирать пришлось бы по-настоящему... – Он развел руками, мол, ничего не поделаешь. – Смысл – самый поверхностный – этой проверки ты можешь определить и сам. Заодно мы выяснили о тебе такое, чему в ваших языках нет и названий. Здесь тоже все в порядке. С Книгой как? Думаю, мы и тут найдем общий язык. Держи ее пока у себя, как гарантию, что ли. Только смотри, сам не подорвись, хоть ты и минер... Главное, что она вернулась в мир стабильной реальности. Ведь до нынешнего момента ее как бы не было в природе. Потому и детекторы ее наши не определяли. Оттуда, из-под Киева, ты ее забрал сорок лет назад, а здесь она появилась только что... В промежутке находилась. Нигде. Красиво звучит? Впрочем, это все ненужные тонкости. А себя ты теперь можешь считать прошедшим отбор, проверку и посвящение. Перспективы перед тобой... – Антон даже зажмурился, словно от восторга перед открывающимися Воронцову перспективами. – Ты сможешь узнать все, что знаем мы, побывать на нашей планете-метрополии, еще на многих других, увидеть такое, о чем пока не в силах и помыслить... Как равный, ты будешь принят на Конгрессе ста миров. Если захочешь – вместе с Наташей... – Антон говорил еще что-то, но смысл плохо доходил до Воронцова из-за внезапно навалившейся огромной усталости, безразличия, из-за мучительного звона в голове. Похожее ощущение он испытал, когда в трале взорвалась мина и его здорово приложило ударной волной о щит кормового орудия.

Только одна мысль сохранила отчетливость в его перенапряженном мозгу.

«Эх, ребята, – думал он, обращаясь к Антону и прочим его друзьям и коллегам. – Вы-то своего добились, а вот как же мне теперь поверить в ваш сверхразум, гуманизм, бескорыстие, порядочность? Рад бы, ей-богу, рад, но – как?..»

Антон догадался о его состоянии.

Он встал, будто король, объявляющий аудиенцию оконченной.

– Понимаю, осознать все сразу трудно и тебе... Отдыхай пока, а завтра начнем разговаривать всерьез.

...Свет утра проник сквозь сомкнутые веки, и Наталья Андреевна с усилием открыла глаза. Опять дождь на улице, толпы раздраженных спешащих людей в метро и автобусе, этот бесконечный рабочий день.

А сон – длинный, яркий, необыкновенно подробный – ускользал.

Кажется, вот-вот сейчас все вспомнится, надо только сделать совсем маленькое усилие.

Но чем старательнее она пыталась вспомнить хоть что-то, тем более неопределенным, смутным и расплывчатым становилось то, что там, внутри сна, казалось таким отчетливым и логичным.

Ну хоть бы какая-нибудь зацепка... Только бы вспомнить – это казалось ей отчего-то очень важным.

Но одна за другой рвались тонкие нити, еще связывавшие сон с реальностью, его яркая узорчатая ткань расплзалась, превращаясь в серый туман...

Только осталось ощущение, будто как-то все там было связано с Дмитрием, мичманом Димом. Древность какая, господи... А больше ничего.

Разве только непонятная фраза: «Мавр сделал свое дело. А ты?»

Да зачем стараться вспоминать? Будто других забот нет. Мало ли что приснится. Бывает такое, что потом весь день болит голова и кошки на сердце скребут...

Она встала, накинула на плечи халат, включила свет в ванной, автоматически, продолжая думать все о том же, принялась за привычные утренние дела.

Причесавшись и нанеся на лицо легкую дневную раскраску, Наташа пошла одеваться. И поймала себя на том, что делает это необыкновенно тщательно. Словно собирается на свидание. Выбирает из того, что есть, самое лучшее. Кстати, вспомнила услышанную на днях грустную шутку: «В наших условиях шикарная женщина – это та, кто надевает под джинсы новые колготки». Неужели сон вновь возродил в ней надежды на светлое будущее?

Наверняка девчонки в мастерской не преминут подколоть: «Ой, Наталья Андреевна, ты не иначе как влюбилась? Ну и кто же, если не секрет? А может, сам?..»

Да в конце-то концов, а почему бы и нет? Пока еще, слава богу, не самые худшие в институте мужчины оказывают ей недвусмысленные знаки внимания. И не скрывают готовности разделить с ней постель. Как минимум... И сказал бы кто, что ей мешает согласиться?

Непривычно долго всматривалась в отражение в зеркале, будто стараясь найти что-то необычное в своем облике. И ничего не нашла. В меру интересная, неплохо сохранившаяся женщина тридцати с чем-то лет. Разве только глаза слишком блестят? Пошла на кухню, развела в чашке кофе покрепче, чем всегда. И пока пила, все не оставляла ее неясная тревога. В памяти настойчиво крутились незнакомые цифры, похожие сочетанием на номер телефона. Только чей?

На всякий случай она записала их – 284-39-55 – прямо на обложке журнала с новым романом Пикуля.

Роман-то, по еще одной странной случайности, тоже о морях, крейсерах, сражениях, романтической любви и офицерской чести.

Она его читала до полуночи, так, может, потому и всплыл из глубин подсознания именно Дмитрий?

А по «Маяку», наверняка чтобы стимулировать трудящихся на очередные победы, передавали настолько разухабисто-патриотические песни, что она с раздражением выдернула шнур из розетки. Совсем это не соответствовало ее настрою. Уж лучше бы «Лунную сонату» послушать...

Закончив скудный завтрак, вышла в прихожую, взяла в руки плащ с вешалки. Постояла, словно не зная, что с ним делать, и вновь повесила на крючок.

Вернувшись в комнату, торопливо стала перебирать книги в шкафу, отыскивала наконец на самой верхней полке бог знает когда, еще в замужние времена, засунутую за второй ряд фотографию в узкой металлической рамке. С тонированного сепией листа картона на нее смотрел, улыбаясь иронически, слегка склонив голову, совсем молодой лейтенант, снятый на корабле, среди надстроек, шлюпок, орудийных башен. Наверное, в тот день был какой-то праздник, потому что на нем парадная форма при кортике и белые перчатки в левой руке.

И она вдруг заметила – впервые, – что вид-то у него здесь совсем не лихой, а скорее невыносимо печальный. Будто храбрится мальчик, изо всех сил старается показать, какой он мужественный и бравый, а глаза выдают. Прямо просят: «Ну посмотри на меня внимательно! Ну догадайся же, как мне без тебя плохо. Приезжай или хоть напиши что-нибудь ласковое, хорошее...» Как она сразу, еще тогда, этого не поняла и не услышала? Впрочем, тогда ей было ведь не столько лет, как сейчас, и совсем другой жизненный опыт... Наталья Андреевна перевернула снимок. На обороте четким, почти печатным шрифтом – строки из стихотворения:

Давай с тобой так и условимся,
Тогдашний я умер, бог с ним,
А с нынешним мной остановимся
И заново поговорим...

Ниже дата, название далекого портового города и корабля, где служил Воронцов, размашистая подпись.

Последняя его фотография. Дмитрий прислал ее вместе с письмом, в котором с отчаянной, но напрасной надеждой пытался изменить то, чего изменить было уже нельзя.

Глядя на эту фотографию, она и написала показавшиеся ей тогда очень остроумными слова о белых офицерских перчатках, при воспоминании о которых стыдом вспыхнуло сейчас лицо. Почему-то тогда именно его щеголеватый вид и эти самые белые перчатки особенно ее разозлили. На самом деле, как она поняла сейчас, в глубине души и тогда ей была ясна, скажем так, неэтичность ее поступка, и резкостью слов она пыталась заглушить, выражаясь старинным стилем, «голос совести», переложить вину на него, якобы не желающего войти в ее трудное положение...

Наталья Андреевна вздохнула и поставила фотографию на полку, лицом к двери.

Выходя, еще раз оглянулась. «Вот и стой так. Хоть какой мужик в доме».

Пожала плечами, удивляясь сама себе. И заспешила.

Торопясь, Наташа шла, почти бежала в сгущающейся перед входом в метро толпе, невыспавшейся, раздраженной, норовящей наступить на ногу, столкнуть в лужу, ударить под коленки узлом или чемоданом, обругать без повода...

А сверху все сыпал мелкий, серый, нудный дождь.

Совсем как там.

Во сне...

Часть II

НА ДАЛЕКОМ БЕРЕГУ

*И кажется, в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.*

Н. Гумилев

Глава 1

– Надеюсь, ты все же примешь правильное решение, – сказал Антон. – Но в любом случае ты абсолютно свободен в выборе. – Он сидел на полукруглом диванчике у окна и рассеянно перелистывал какую-то книгу в картонном, под мрамор, переплете.

– Сначала скажи, а что все же с Натальей? – спросил Воронцов. Он с удивлением отметил, что не испытывает больше вчерашнего раздражения и злости. Как будто ничего и не было и просто встретились они с Антоном в очередное свое сухумское утро.

– Абсолютно ничего, – пожал плечами Антон. – Проснется у себя дома, может быть, со временем кое-что вспомнит, если сама этого сильно захочет. А нет – так нет. Мы никому ничего не навязываем.

– Но она сказала, что хочет помнить...

– Это она тебе так сказала. А на самом деле она в этом совсем не была уверена. Женщина, что поделаешь... – И Антон развел руками с самой что ни на есть естественной улыбкой. Ничуть не выходя из своего человеческого образа. – Как спалось? – тут же, без связи с предыдущим, спросил он.

– Будто не знаешь...

– Для чего мне знать? Я не гувернантка. И в то, что меня не касается, не лезу... без крайней необходимости.

– Пусть не гувернантка. А кто? Надзиратель? Вербовщик? Дьявол, желающий приобрести очередную безгрешную душу?

– Безгрешную... – хмыкнул Антон. – Впрочем, по большому счету, пожалуй, и так... Если же всерьез говорить, мы с тобой на сей момент просто союзники.

– Интересное дело. Союзники... Против кого или в чем? Не сочти за труд пояснить.

– Тогда лучше начать с самого начала. Не возражаешь?

Воронцов кивнул. Все-таки Антон ему нравился. Даже и такой вот манерой разговаривать. Сейчас, увы, люди почти разучились вести беседу. Не болтать, не трепаться, не плести косноязычно невесть что, а вот именно – вести беседу. С таким человеком приятно общаться, даже если и расходишься с ним в позиции. Что, кстати, как раз и предстояло выяснить.

– Прежде всего, – заговорил Антон, откладывая книгу, – то, о чем вчера говорили, – чистая правда. Хотя и не вся. Да, тебя проверяли. Доступными нам способами. Этичны они или нет, с твоей точки зрения, выяснять сейчас не будем. Главное, что они эффективны. – Он сделал короткую паузу, будто собираясь с мыслями. – Поведение твое с момента нашей встречи безупречно. Прежде всего, по мотивам, которыми ты руководствовался. А кое-где ты ухитрился расширить рамки тестов. Они оказались многозначнее, чем мы предполагали. Но это не все. Проверка твоих моральных качеств, психологической устойчивости, адаптационных возможностей, гибкости мышления – первый этап операции. Спасение Книги, которая, кроме древних текстов, содержит жизненно важные для нас документы экспедиции, – второй

этап, который планировался как завершающий. Однако по ходу дела неожиданно сложились обстоятельства, повлекшие за собой совершенно непредвиденные последствия. Нам пришлось изменить свои планы и в отношении тебя. Хотя, повторяю, все, что я предложил раньше, остается в силе. Если захочешь, вернешься домой. Или сегодня же мы можем отправиться к нам, в метрополию...

– Что-то преамбулы у тебя длинные, – перебил его Воронцов.

– Иначе не получается, извини. Но уже все. До сути добрались. Дело в том, что мы, форзейли, и вся наша конфедерация находимся в состоянии... я бы не сказал – войны, но перманентного, не ограниченного во времени и пространстве конфликта...

– Ни хрена себе формулировочка, – вновь не сдержался Дмитрий. – А я всегда думал, что конфликт от войны только ограниченностью и отличается...

– Не будем спорить о формулировках. Я знаю, о чем говорю. Так вот – конфликта с некой суперцивилизацией, также галактического масштаба, но несовместимой с нами по всем параметрам. Мы, как и вы, люди, отрицаем войны, не считаем их способом решения проблем, но что прикажешь делать, если выбора нет? Противник не способен к компромиссам и считает, что в галактике не может быть двоевластия... Мы вынуждены защищаться адекватным способом.

– Все так говорят. Я еще не слышал иных трактовок. Даже Гитлер, по его словам, вел вынужденную превентивную оборонительную войну.

– Ты прав, конечно. Однако... Мы защищаем принципы, которые близки вашим. Мы вообще с вами очень близки. Я беседую с тобой в своем подлинном облике, у нас почти одинаковая психология, сходные взгляды на... – он усмехнулся, – на исторический материализм. В общем, мы способны понять друг друга, потому что мы в свое время прошли путь, подобный вашему. Наши же враги одинаково далеки и от землян, и от форзейлей. При прямом контакте ты, к примеру, просто не понял бы их абсолютно, как каких-нибудь осьминогов... Хотя они как раз умеют приспосабливаться и выходить на нужный уровень общения с гуманоидами.

– Ты хочешь сказать, что они не гуманоиды и превосходят нас с вами в развитии?

– Я такого не говорил. Кто кого превосходит и в чем – таракан, кальмар или соловей? Да нравственные оценки условны. Мы лишь констатируем, что в настоящее время их образ жизни, идеология, а главное – практическая политика несовместимы с исторически обусловленными и в правовом порядке оформленными общегалактическими нормами.

– Туманно ты выражаешься, брат по разуму. Или меня по-прежнему за дурака держишь, или в своей позиции не уверен. Давай лучше попросту.

– Я тебя понял. Но поверь, что очень трудно вот так сразу изложить общественно-политическую обстановку в галактике, о которой ты до сего момента и понятия не имел, да еще и за многие тысячелетия. Наверно, лучше отложить это до более подходящих времен. Достаточно сказать, что Земля довольно давно является объектом внимания наших противников. Удобное расположение ее в пространстве, позволяющее создать здесь операционную базу, богатые ресурсы Солнечной системы, а главное – люди, которые могли бы стать их, а не нашими союзниками... Есть у вас такие качества, которые делают союз с Землей очень заманчивым.

– И для вас, и для них? – спросил Воронцов.

– Для нас тоже, – согласился Антон. – Я и не скрываю. Вообще пора бы мне и представиться. В близком переводе моя должность звучит как «шеф-атташе департамента активной дипломатии на планете Земля». Довольно высокий пост, смею заметить.

– Польщен знакомством. Ну а чем все-таки мы всех вас так прельщаем?

– Скажу в свое время. А сейчас я слегка отвлекусь, – он вновь взял в руки книгу в картонном переплете. – Ты слышал такую фамилию – Андреев?

– И неоднократно. Леонид Андреев, писатель. Вадим Андреев, его сын, тоже писатель. Виктор Петрович Андреев, командир учебного отряда на Балтике...

– Даниил Андреев.

– Такого не знаю, – ответил Воронцов.

– Это второй сын Леонида Андреева, отсидел десять лет по пятьдесят восьмой статье, вскоре после освобождения умер. В тюрьме создал философское учение, которое изложил в книге, названной «Роза мира». Естественно, издана она не была. Однако специально для тебя я это сделал. Вот она...

– Любопытно. Что-то на самом деле интересное?

– Можно сказать, что этим трудом он поставил себя в ряд крупнейших мыслителей человечества. Впрочем, когда прочтешь, сможешь составить собственное мнение. Сейчас же для тебя интересна космологическая составляющая его теории. Кое в чем она точно совпадает с реальностью. Поразительна сама сила провидения, тем более что никаких фактов он не имел и иметь не мог, сидя в тюрьме.

– Когда это было? В тридцать седьмом? – Все представления Воронцова об эпохе «большого террора» связаны были только с этой датой.

– На десять лет позже. С сорок седьмого. Умер в начале пятьдесят девятого.

– Так вроде после смерти Сталина всех стали выпускать и реабилитировать...

– Значит, не всех... Не отвлекайся. Так вот, по Андрееву, Вселенная представляет собой многослойную систему. Слой, где живем в данный момент мы с тобой, – это средний слой системы. Выше его целый ряд Миров Просветления, ниже – Миры Возмездия. Те, что нас интересуют, Андреев называет Дуггур и Аггр. Один из высочайших Миров Просветления – Раорис. Его можно отождествить со Вселенной, в которой действуем мы – форзейли. Если угодно, нас можно считать силами Света. У Андреева силам Света противостоят силы Тьмы. Все люди в той или иной мере, даже независимо от своего желания, участвуют в борьбе Света и Тьмы... Важный, прошу заметить, момент... И еще: каждому человеку, сознательно вступающему в борьбу против сил Тьмы, способствует посланник Миров Просветления. Имя его Даймон... Всякие аналогии, сам понимаешь, поверхностны, однако совпадения поражают. Даже меня, привычного ко многому... Если бы ты сам прочитал весь труд и знал то, что знаю я, ты бы со мной согласился.

Воронцов слушал его и покусывал по дурной привычке мундштук трубки, сплевывая в открытое окно крошки эбонита.

Черт его знает, этого Антона. Снова плетет очередную заумь. Ну, даже если и написал от тюремной тоски человек книжку, что из того? Мало ли, кто что писал? Любую легенду можно приспособить к чему заблагорассудится. Тем более такую универсальную. Силы Света – силы Тьмы, их вечная борьба, да в любой религии можно найти что-то подобное. Гадание самой обычной цыганки тоже применимо к каждому, было бы немного воображения и желание найти в них рацию...

– Хорошо, полистаю твоего Андреева на досуге. Только давай все же поконкретнее, на уровне фактов, а не легенд. Можешь?

– Могу, естественно. – Антон словно был несколько разочарован тем, что на Воронцова сказанное им не произвело ожидаемого впечатления. Словно не убедился еще межзвездный дипломат, с какого типа землянином имеет дело. – Просто в свете моей информации тебе кое-что в дальнейшем станет легче оценить. Поскольку законы исторического материализма в нашей ситуации еще менее применимы, а я, как и положено Даймону, буду продолжать наставлять тебя и способствовать исполнению возложенной на тебя миссии. – Предупреждая готовое вырваться у Воронцова возражение, Антон поднял руку. – Не спорь, слушай. Разве ты не понял еще, что ни от твоей, ни от моей воли объективный ход событий практически не зависит? Ты же ведь за много лет до знакомства со мной мечтал встретить свою Наташу. И верил, что это случится. И с мужем она разошлась не по моей прихоти, и друзей себе ты выбирал сам...

– При чем тут еще мои друзья?

– Все в свое время узнаешь и поймешь. Один из земных философов еще в прошлом веке сказал: «Не воображайте, что неучастие в политике уберезет вас от ее последствий». Я хочу сейчас просто несколько спрятать тебе твой путь и, насколько это возможно, помочь тебе.

...Когда Антон перешел в своем рассказе к моменту, когда так и не названные по имени представители сил Тьмы нарушили конвенцию и перешли к активным, в их понимании, действиям, чтобы вытеснить форзейлей с Земли и, естественно, включить ее в сферу своего влияния, Дмитрию стало смешно. Слишком все это не соответствовало его представлениям о Высших Разумах, о целях и нормах взаимоотношений инопланетных цивилизаций, далеко обогнавших человечество в своем развитии. И если бы не реальность всего уже происшедшего, проще и удобнее было бы прекратить затянувшуюся мистификацию.

– Ничто не ново под луной, – сказал он, когда Антон сделал короткую паузу. – Если хочешь, все это здорово напоминает ситуацию вокруг Турции в августе четырнадцатого года. Когда и Антанта, и Германия из кожи вон лезли, чтобы перетянуть ее на свою сторону... Плохо кончилось для большинства участников. А у вас во что это выльется? Опять «звездные войны»?

– Уникальная способность у вас, людей, немедленно сводить все к знакомым примерам. Абсолютно ведь ничего общего между нашими делами и началом Первой мировой... Хотя... Примитивно, конечно, до крайности, но какая-то аналогия есть.

– Мало ли что примитивно, – ответил Дмитрий несколько даже с вызовом. – Главное, такой подход себя оправдывает. Воображение просто надо иметь. Пацану палка автомат заменяет, зрителю в театре намек на декорацию – весь реальный мир, и так далее... Зато экономия средств и мозгов.

– Ну, пусть так, при случае мы это тоже обсудим, а сейчас я бы все же хотел с нашим вопросом покончить. Поверь, свои проблемы мы предпочитаем решать сами, но в игру окказались, против всех правил, активно вовлечены земляне, твои соотечественники. У нас существует твердая, многократно подтвержденная и гарантированная договоренность – разумное население планет, не входящих в галактические сообщества, не может и не должно быть объектом или субъектом прямых контактов. И вдруг они нарушили конвенцию...

– Как Паниковский, – пошутил Воронцов, но вскоре у него настроение шутить, ерничать, подначивать и провоцировать собеседника прошло. И надолго. Потому что дальше Антон начал говорить вещи слишком серьезные и теперь даже для Воронцова убедительные.

Несколько десятилетий назад те, чужие пришельцы, до сих пор лишь пассивно наблюдавшие за Землей, перешли к активным действиям. Причем настолько осторожно, что форзейли долго ничего не замечали. Но по ряду косвенных признаков, малозаметным, но постепенно нарастающим отклонениям происходящих на Земле событий от предсказанных теорией и статистически наиболее вероятных стало очевидно, в чем причина этих флуктуаций. Антон без ложной скромности поставил такое открытие себе в заслугу.

Метод вмешательства был прост, эффективен, хотя и требовал для своей реализации достаточно продолжительного времени. Не более десятка специально подготовленных для работы в земных условиях агентов путем тщательно просчитанных микровоздействий на узловые точки ноосферы, причем разнесенные во времени и пространстве, должны были в итоге настолько сместить мировые линии исторического процесса, что к некоему моменту Земля автоматически оказалась бы естественным союзником тех, враждебных Антону пришельцев.

– Да, а почему ты никак их не называешь? – спросил Воронцов. – Странно звучит: «те», «они», «противник», «неприятель»... Имя-то у них должно быть?

Антон странным образом замялся.

– Понимаешь, я не могу назвать их по имени... Это, как бы тебе сказать, не принято.

– Что, суеверие такое? «Про серого речь, а серый навстречь»? Или наоборот – «Не помните имени божьего все»?

– Мне сложно тебе ответить. Ни то ни другое, и все же... Если хочешь, давай назовем их агтрами. Тебе удобно будет?

– Да ради бога. Хоть агтрами, хоть дугтурами...

– Нет, дугтурами нельзя, это совсем другое...

«Ну и ну, – подумал Воронцов. – Суперцивилизованные пришельцы – и такой ерунде придают значение...»

– Ну пусть агтры, о чем тут спорить. Продолжай, я слушаю со вниманием.

И Антон продолжил.

Сам по себе коварный и вызывающе неэтичный образ действий агтров усугубился еще и тем, что они сначала косвенно, а потом и напрямую начали привлекать к своим операциям людей. Иначе случиться и не могло, поскольку никакие, даже самые деликатные, исторические корректировки без сознательного участия людей просто невозможны. Как бы ни были мужественны агтры, на практике их разработки должны были осуществлять земляне. И некоторые из них посвящались, пусть и не полностью, в суть происходящего. Трудно сказать, как долго могло сие безобразие продолжаться, если бы...

– Если бы им все не испортила женщина, – сказал Антон со странным удовлетворением в голосе. – Одна их весьма способная сотрудница, отвечающая за европейскую часть Союза, отобранная, очевидно, не слишком тщательно, а скорее просто чересчур вжившаяся в роль, самым банальным образом влюбилась. Как это ни смешно звучит. Влюбилась в твоего ровесника и соотечественника, забыв, естественно, свой служебный долг. Все рассказала своему избраннику, морально и технически разоружилась, захотела, как у вас принято говорить, простого человеческого счастья. Естественно, ни одна спецслужба, хоть земная, хоть галактическая, таких измен своим сотрудникам не прощает. Предатель и дезертир отзывается или изымается, а затем с ним поступают в соответствии со сложившейся практикой и местными обычаями. Та же судьба ждала и означенную отступницу. Но ее друг оказался на высоте... – В голосе Антона прозвучало неприкрытое одобрение. – Совершенно неожиданно для всех он вдруг вмешался в predetermined ход событий, с помощью нескольких своих товарищей разработал и осуществил удивительно простую и эффективную операцию, не только переиграл прибывших для устранения девушки профессионалов, но и вообще удалил их за пределы Земли... Боюсь, ты в это не поверишь, но так и было. По-моему, он сам не подозревал, с какой могущественной и беспощадной силой вступает в борьбу.

– Кто его знает... Раз ты сам признаешь, что он победил, значит, план боя в конечном итоге был правильным. Молодец парень. Таких я люблю. А что случилось дальше?

– Вот это сказать затруднительно. Потому что дальше пока ничего не случилось. Все произошло буквально только что. Накануне нашей встречи в Новом Афоне. Собственно, и встретились мы с тобой в связи с этой историей.

– Не совсем понял... – Воронцов, выигрывая время, поднялся и взял оставленную на столе банку с трубочным табаком, неторопливо стал набивать трубку и раскуривать, затем вернулся и снова сел, но не на стул, а на подоконник, спиной к свету. – Какая связь, прямая или косвенная, существует между тобой, мной, нашей встречей в Бомбее, в Сухуми и здесь, между Книгой, Наташей и той космической оперой, что разыграли мои земляки?

– Есть связь, есть... – Антон прямо светился от радости, которая расpirала его, как рассказчика, приготовившего слушателю мастерски закрученную историю с эффектной развязкой. – Еще немного, и все узнаешь. Чуть-чуть терпения...

И стал говорить о том, как инопланетянка перед окончательным прекращением своей деятельности сумела завербовать еще одного человека, довольно известного в соответствующих кругах художника, а в прошлом воздушнодесантника, переправила его в прошлое, где он осуществил серьезное вмешательство в историю, не ведая, правда, что творит. Но акция получилась весьма опасная – прежде всего тем, что последствия ее до конца непредставимы.

Воронцов слушал, начиная догадываться, что судьба вновь подкидывает ему задачку с нетривиальными условиями. Решать которую так или иначе придется. Зная Антона, можно предположить, что он наверняка приготовил некий гвоздь, за который предстоит зацепиться штанами и повиснуть, как на чужом заборе. Иначе он и не стал бы затевать свою интригу. Просчитал небось сто двадцать вариантов и веселится, глядя, как жертва трепыхается... Ну-ну, ваше благородие, давай, а мы еще тоже поглядим. Бой покажет...

– Одним из последствий прогулки в прошлое – в 1966 год, если точно, – названного художника, Берестин его фамилия, как раз и оказалась встреча агтрианки с ее милым другом, сражение с пришельцами, ну и наше с тобой предприятие тоже.

Тут Воронцов его перебил:

– Подожди. Вначале речь шла о психологическом эксперименте, потом о спасении Книги, затем – гожусь ли я на роль земного представителя при вашей федерации. Теперь еще вариант, из которого следует, что и ты и я – оба вообще статисты в чужом спектакле. Не так? Тогда поясни. И второе. Какая-то фантазия у вас бедноватая. Стоит приличному человеку с вами познакомиться, так вы его обязательно сразу в прошлое засылаете... Не знаю, как там в деталях, а по форме выглядит однообразно. Его в шестьдесят шестой, меня в сорок первый. Женщины опять же... Там агтрианка, у меня Наталья... ей-богу, с сюжетами у вас туго.

– Верно подметил, – одобрительно кивнул Антон. – Все так и есть. Если рассматривать с позиций читателя детектива. Но ты же высшее военное образование имеешь. Стратегию, тактику, историю войн изучал. А на войне противники используют практически одни и те же методы и приемы. Окружение, обход, фланговый удар, высадка десанта в тыл врага... И даже в шахматах дебюты одни, что у Фишера, что у Карпова. А у нас ведь тоже война, я говорил... Своеобразная пусть, на ваши непохожая. Битвы космических эскадр, бомбардировки планет, минирование волновых туннелей – это далекая история. Сейчас уровень другой. Воздействие на закон причинности, блокада исторических последовательностей, создание ложных развилок времени, деформация мировых линий, информационный террор... Сам понимаешь, разница такая же, как между второй Пунической войной и четвертой арабо-израильской. Но суть не в том, каким оружием стороны пользуются, а в том, что всегда пользуются они одинаковым оружием и одинаковой тактикой. Разница – в стратегии и таланте... А по первому вопросу отвечу так – все мои объяснения и доводы в каждый конкретный момент были правдивыми. То есть я тебя ни разу не обманул. Не говорил сразу все – да, но не обманывал. Сейчас тоже говорю правду.

– И опять не всю...

– В пределах допустимого на данный момент.

Воронцов открыл балконную дверь. После теплого, насыщенного уютными запахами воздуха кабинета сырой ветер с моря подействовал на него как нашатырный спирт.

– Чего ты добиваешься? Сказал же я – не хочу в твои игры играть. Точка. Надоело. Пусть те ребята сами разбираются...

– Монтеня читал? – Антон тоже подошел к двери. – Так вот, у него написано: «Мелочное и настороженное благоразумие – смертельный враг великих деяний».

– На великие деяния не претендую. Вот, правда, Киевское сражение чуть не выиграл, да и то по твоей милости пришлось на самом интересном месте бросить.

– Еще не все потеряно, перспективы у тебя безграничные.

Дмитрий поднял руки:

– Нет уж, хватит. Предпочитаю мирную жизнь в тылу.

Антон помолчал, глядя на Воронцова не то с сожалением, не то с иронией.

– Твоя воля. Но неужели тебя не волнует, что всякие там пришельцы на Земле делают что хотят, то и дело вмешиваются в вашу жизнь, в вашу историю, а ты отходишь в сторону?

– Волнует, конечно. Я даже возмущен. Но воевать против одних и тем самым помогать другим, которые столь же непрощено явились к нам, – для чего? «Великолепную семерку» смотрел? «Ковбои всегда проигрывают», – говорил Крис. Нет. Лучше подождать. Осмотреться. Глядишь, что-нибудь прояснится. А то завтра прилетит некто третий и столь же доходчиво объяснит, что вы тоже гнусные захватчики и агрессоры и давить нужно прежде всего тебя. А в Сухуми пальмы, кофе, чача... Женюсь, если Наташка согласится. Загорать будем, в пещеры афонские сходим, куда ты мне попасть помешал... Отчетливо я тебе объяснил? Ну и с богом...

– Как угодно. Только смотри – не было бы поздно. Потому что есть люди, которым некогда ждать. Ты знаешь такого Левашова Олега Михайловича, инженера по электронному оборудованию с танкера «Кавказ»?

Воронцов вскинул голову и напрягся. Это уже что-то новое. Тот самый гвоздь?

– Олега? Конечно, знаю. Только должность у него по-другому называется.

– Несущественно. Главное, что инженер он на редкость талантливый. Именно с помощью его установки те парни смогли выиграть первый поединок с агграми. К сожалению – только первый. Второй раз у них не выйдет. Знали бы они, на кого замахнулись.

– Ты это точно говоришь? Олег, значит... Можно поверить... Пойдем, а как же все-таки ты на меня вышел? Он тебе сказал?

– Зачем же? Ты меня совсем не ценишь. Даже с вашим сегодняшним уровнем за пять минут можно получить любые сведения почти о любом человеке. Биография, связи, увлечения, друзья, враги, знакомые. Книжки нужно читать. Я, как уважающий себя резидент, узнав о происшедшем инциденте, подобрал досье на всех участников, установил, что ближайшим другом одного из них является мой старый приятель, человек весьма неординарный и готовый, по его же словам, к любым неожиданностям. Вот и все. Остальное – дело техники.

«Хитер, мерзавец, – думал Воронцов. – Специалист по тонким душевным струнам. Вот он меня и поймал. Сообразил, что тут уж без вариантов. А я все пытался догадаться, какие он ходы подберет. А Олег и в самом деле для таких дел не подходит. С железками возиться – да, но не с пришельцами воевать. Только если этот гад опять подставку сделал, как бы ему самому не пожалеть».

– Не надейся, никаких договоров я с тобой не заключал и не заключаю. Что мне делать и как – сам соображу. Ты меня проинформируй подробно, переправь куда надо – и на этом все.

– Тебе виднее. Левашов твой и его товарищи, от пришельцев избавившись, собрались на квартире главного героя сей авантюры – Новиков его фамилия, звать Андреем – и празднуют победу. Сегодня они в безопасности. Что случится завтра – не знаю. Враг силен, коварен, жесток, и своего Штирлица я у них в штабе не имею. А рискуешь ты крепко. Если попадете к ним в руки – это будет действительно страшно. Не хочу пугать, но смерть или любые ужасы инквизиции – мелочь по сравнению с тем, что будет. Они займутся вашей психикой и сделают это профессионально.

– Постараюсь не попасться. Особенно если подскажешь – как.

Антон кивнул.

– Кое-что подскажу. Но в общем-то ты будешь в безопасности до тех пор, пока ничем себя не проявишь. Как только войдешь в контакт с Левашовым и его друзьями – окажешься под ударом.

– Снова крутишь, атташе. Сначала всеми силами старался меня завербовать, теперь пугаешь и отговариваешь...

Главный форзейль развел руками.

– Если бы ты согласился работать под моим руководством и прикрытием! Но ты желаешь оставаться вольным стрелком. Пожалуйста. Без помощи я тебя, конечно, не оставлю. Возьми... – Он протянул Воронцову знакомый синий футляр. – Если что – по старой схеме.

Приложи за ухо, и вернешься сюда. Тогда и побеседуем, с учетом вновь открывшихся обстоятельств.

– Думаешь, сговорчивее буду? – криво усмехнулся Дмитрий. – Впрочем, спасибо. Я разберусь, и посмотрим...

– Где тебя в Москве высадить? – спросил Антон, давая понять, что бесконечная беседа все же заканчивается. – В Сухуми тебе возвращаться незачем. Что там у тебя из вещей ценного было? Сейчас сдублируем...

А как же в пансионате? Искать же будут, подумают – утонул...

– Я все оформлю. Какие еще пожелания?

– Какие там пожелания... Пусть будет площадь Курского вокзала. Поздний вечер. А багаж у меня самый примитивный, и говорить не о чем. Ты лучше пистолет мне какой-никакой организуй. Этот же я не потащу с собой, – он указал на лежащий на столе «смит-вессон». – «Вальтер» можно, модель «РР». Раз твои коллеги такие страшные, так хоть застрелиться чтоб было из чего, – мрачно пошутил Воронцов.

– Ради бога, ничего не стоит. Однако вкусы у тебя – времен раннего детства, не иначе. Зачем такая древность? Могу предложить и посовременнее. К примеру – «беретту» последнего образца. Калибр девять, магазин на шестнадцать патронов. В случае чего беглый огонь важнее меткости... И вообще вещичка элегантная, в руки взять приятно.

– Знаток ты, я вижу, – с ироническим уважением сказал Воронцов. – Экспертом можешь работать. Или коммивояжером «Интерармко».

– В вашем мире оружие занимает слишком важное место, чтобы позволить себе быть дилетантом.

В последний момент Антон предложил Дмитрию машину.

– Удобнее будет. Свобода маневра, независимость, престиж и все такое...

– Хорошо, давай и машину. Для пользы дела. Будем считать – по ленд-лизу. Подбери что-нибудь неброское, но помощнее. «БМВ», допустим, в специсполнении, дизелек чтоб сил на двести. Цвет не слишком вызывающий, и с номерами, какие под любой знак пропускают, и по резервной полосе... терпеть не могу с гаишниками объясняться.

Глава 2

Воронцов медленно вел машину по ночным, почти пустым в этот злополучный час улицам, привыкая к новой для себя технике, и одновременно жадно смотрел по сторонам. Он всматривался в облик улиц и пытался найти следы и признаки нового – не те, что могли появиться естественным путем, а совсем другие. Ему казалось, что после того необыкновенного, пришедшего в мир с инопланетными агентами, орудующими в Москве, с временем, которое утратило свое постоянство и необратимость, с его собственными приключениями, после которых тоже ведь должно было поменяться что-то на Земле, – после всего этого мир не мог остаться прежним.

Умом он понимал, что вряд ли сможет заметить нечто существенное из окна скользящей по засыпающему городу машины, и все же искал, то в афишах кино и театров, то в лозунгах и призывах, начертанных белой нитрокраской по кумачу и алым неоном по черному небу.

Еще – Дмитрию было страшно. Всю жизнь он проводил на глазах десятков и сотен людей: в училище, на палубе тральщика, на мостике балкера – и всегда был обязан не только не давать волю естественным эмоциям, а напротив – демонстрировать спокойствие, выдержку, небрежное мужество. И много иронии. Зачастую – довольно злой. А ему ведь тоже бывало не по себе. И тошно, и тоскливо. Например – в ночь перед выходом на первое боевое траление. И вот сейчас. Когда он один, вокруг – огромный город, впервые не родной и желанный, а настороженный, скрывающий в себе неведомую и жуткую опасность, как мина неизвестной системы с включенным таймером.

Если Антон не врет и пришельцы-аггры действительно беспредельно хитры и жестоки, то перспективы перед ним далеко не вдохновляющие.

Но в то же время – и это еще одна странность – Воронцов испытывал состояние удивительной, полной внутренней свободы.

Пожалуй, впервые в жизни он не считал себя обязанным никому и ничему, кроме своего нравственного чувства. После всего уже пережитого и предощущения того, что должно произойти, абсолютно незначительным казалось все, что раньше представлялось естественным и необходимым. Его не волновало ни мнение начальства, ни служебные заботы, от которых раньше не удавалось отвлечься и в отпуске, ни даже чисто материальные и бытовые проблемы. Что может волновать человека, побывавшего у Антона в Замке и знающего, что в любой момент он может туда вернуться? А о финансовой независимости здесь, в мире людей, Антон тоже побеспокоился – в перчаточном ящике (бардачок в просторечии) Воронцов уже в Москве обнаружил прощальный подарок, толстую, сантиметров в пятнадцать, пачку умеренно потрепанных двадцатипятирублевых. Слегка возмутился поначалу, а потом подумал: может, это просто командировочные? И успокоился. Что ждет здесь, кто знает? Деньги же, как известно, тоже оружие, особенно в мирные времена.

Перед лобовым стеклом распахнулась Колхозная площадь. Значит, нервничать, вибрировать, тешить себя иллюзией выбора можно еще минут пять, не больше. Ехать ли прямо к Олегу на Преображенку или сворачивать влево, туда, где живет Наталья?

У нее можно было бы дать себе хоть сутки передышки, заняться личными проблемами, еще раз, возможно – последний, почувствовать себя частным лицом, а не суперменом галактического ранга, призванным воевать неизвестно с кем и неизвестно за что.

При условии, правда, что Натали захочет его узнать и впустит в квартиру в два часа ночи. Как-то даже глуповато – переминаться с ноги на ногу на площадке и пытаться объяснить заспанной женщине в пеньюаре, кто ты и чего тебе надо. Через цепочку в лучшем случае, а то и сквозь запертую дверь.

Тем более что там будет совсем другая женщина, живая, наверное, ничуть не похожая на электронный фантом в Замке.

Воронцов повернул руль, скатился под гору к площади трех вокзалов. Увидел слева, у въезда на Каланчевскую улицу, патрульную милицейскую машину и сержанта возле нее, как-то очень внимательно всматривающегося в неожиданно медленно для этого места и времени движущийся «БМВ», сказал себе негромко вслух:

– Вот и знак судьбы. И на том спасибо.

Прибавил газу и, больше не терзая себя расслабляющими сомнениями, поехал прямо. К Левашову.

...Левашов сам не знал, отчего его так потянуло домой, но он отчетливо чувствовал, что ему не хочется оставаться у Новикова, а хочется оказаться одному в своей квартире, где не нужно будет больше ни с кем разговаривать, снова и снова переживая перипетии победоносного сражения и натужно праздную викторию.

Да и, к слову сказать, ночевать в чужом, даже и дружеском, доме он никогда не любил.

Олег поднялся на свою площадку и увидел человека, сидящего на большом белом чемодане перед дверью квартиры. Хотя лицо его прикрывала надвинутая на глаза шикарно измятая капитанская фуражка, а точнее – именно поэтому он его сразу узнал. И обрадовался. Они давно уже не виделись с Воронцовым, с которым отплавали несколько лет и сдружились на почве... Впрочем, почву эту определить каким-либо конкретным термином было бы очень трудно. Наиболее точно будет – на почве одинакового восприятия жизни. Именно – способа, потому что взгляды на жизнь у них различались порой очень сильно. Приходилось им по несколько месяцев жить в одной каюте, а это – серьезное испытание на психологическую совместимость, попадали они и в ситуации, которые могли им стоять навсегда закрытой визы. Правда, с тех пор, как Левашов перешел на Черное море, а Воронцов остался на Балтике, они еще не встречались.

Поэтому и обрадовался так Олег, увидев друга, что Дмитрий появился удивительно ко времени. В нынешней ситуации именно Воронцов был более чем кстати. И еще Левашов порадовался своему внезапному предчувствию, заставившему его безо всякого видимого повода ехать домой через пол-Москвы, когда «метро закрыто, в такси не содют».

По мнению Левашова, и не только его, Воронцов принадлежал к тому редкому у нас типу людей, с которыми случаются только неординарные происшествия. Доказательств тому имела масса. И выкручивался он из них тоже какими-то неожиданными, не до конца ясными способами. Вот этот самый человек сидел и дремал сейчас на лестничной площадке многоквартирного дома, нимало не заботясь, прилично ли выглядит со стороны.

Левашов легонько постучал ногтем по козырьку роскошной, не иначе как в Лондоне шитой фуражки.

– Вам кого? – отозвался Воронцов, поднял голову и с интересом снизу вверх посмотрел на Олега. Потом перевел взгляд на часы. – Все ясно, – печально сказал он. – Парень отвязался. Пора женить... – И только после этого пружинисто выпрямился, приобнял Олега, похлопал по спине. – Как, все в порядке?

– Пока так. А ты откуда?

– Непосредственно из Сухуми. Наотдыхался – во! – Воронцов черкнул большим пальцем по горлу и как-то непонятно для Левашова усмехнулся.

– Ну ладно, чего это мы тут, давай зайдем... – Олег повернул ключ и вдруг с легким замиранием сердца подумал: «Что, если за дверью – снова – пришельцы?» Но тут же устыдился своего испуга, словно бы проявил слабость на глазах товарища. В присутствии Воронцова мысль об инопланетянах, возможно, притаившихся в темной прихожей, показалась не такой уж страшной. Что значит авторитет...

Дмитрий разделся по пояс, наскоро сполоснулся под струей холодной воды, причесал мокрые волосы и явился перед Левашовым свежим, бодрым, покрытым океанским загаром, к которому курортное море вряд ли что-нибудь прибавило. Раскрыл чемодан и выставил на стол дары юга в виде свежего лаваша, сыра сулугуни, умопомрачительно пахнущей аджики домашнего приготовления, бастурмы и бутылки сине-фиолетового вина.

– Садись, рассказывай, – приказал Левашову несгибаемый старпом, которому кто-то когда-то привесил эпитет «вечный», по аналогии с Агасфером.

– О чем я могу рассказывать? – покривил душой Олег. – На флотах спокойно, в море штиль, а отпуск как отпуск... Кино, театры, карты, девочки...

Он просто не готов был так сразу делиться с Воронцовым своей историей. Чего-чего, а беспочвенного фантазирования Дмитрий не любил. В принципе. Доказывать же свою правоту у Олега сегодня не было сил.

– Олежек, ты же давно и отчетливо знаешь, что я умнее и настырнее тебя, все вижу насквозь, так и так заставлю расколоться. Зачем же мы будем играть в доктора Ватсона, задавать наивные вопросы и восхищаться ходом моей проницательной мысли? Ну, если хочешь, изволь! Ты являешься домой в третьем часу ночи, ты взволнован и нервничаешь, хоть и пытаешься изобразить безмятежную радость от встречи со мной, от тебя совсем слегка припахивает коньяком, но ты практически трезв, что неестественно для нормального человека в данной ситуации, а главное – когда я пришел, дверь была приоткрыта, внутри никого не просматривалось, но вешалка была сорвана, и вообще отмечался некоторый беспорядок, свойственный предшествующему мордобою. Я позвонил в ваше отделение милиции и очень вежливо поинтересовался: не попадал ли к ним в том или ином качестве гражданин имярек? Мне не слишком любезно ответили, что одного гражданина пока не имеют чести знать, а в чем дело и кто есть я сам? Попрошавшись с сотрудником, я позвонил еще в «Скорую» и морг. Так, из любопытства, чтоб не оставлять неиспользованных возможностей. Там о тебе тоже еще не слышали. Я успокоился и стал ждать. Конечно, внутри, а не снаружи. Услышал лязг дверей вашего древнего лифта, предположил, что явился именно ты, и вышел на площадку разыграть тебе мизансцену и захватить врасплох. Что и достигнуто. Как, четкая работа?

– Да уж, кто может сравниться с Матильдой моей! Лихая работа... – искренне восхитился Левашов и снова подумал, что именно Воронцова им и не хватало. Теперь все будет проще. – Тебе бы в цирке выступать...

– Ага, – кивнул Воронцов. – Впервые на арене. Укротитель с группой плохо дрессированных нарушителей трудовой дисциплины. Смертельный номер: развод на работы в день прихода в родной порт. Не приходилось видеть?

– Приходилось. Незабываемое зрелище. Дамы падают в обморок...

– Вот то-то. В общем, давай рассказывай.

И Левашов сел и за полчаса рассказал все. Про своего школьного друга Андрея Новикова и его давнюю подружку Иру, которая внезапно оказалась шпионкой из другой Вселенной (!). О том, как еще один их знакомый, Алексей Берестин, художник, ходил по Иркиному поручению в шестьдесят шестой год и что с ним там случилось. О том, как Олег с Андреем его спасали, а еще потом появились два жлоба типа межзвездных гестаповцев, чтобы забрать Ирину с собой, и пришлось спасать и ее тоже. («Ну какая из нее инопланетянка, ты б посмотрел, нормальная девчонка, десять лет ее знаю, а вот те мордовороты – это да!») Про хитрый, придуманный Новиковым план и про установку совмещения пространства – времени, которую он сам, Левашов, изобрел и собрал и с помощью которой чужаков выбросили на неведомую планету, найденную наобум, будто радиостанцию при вращении вариометра приемника. «Вся эта кутерьма началась прошлой осенью, а закончилась сегодня вечером. Сделали дело, хотели

отпраздновать победу, да и не получилось. Устали все насмерть. Так, посидели часик, как на поминках, и разошлись...»¹

Во время рассказа у Левашова вдруг прорезался аппетит, и он даже с некоторой жадностью навалился на гостинцы, отчего не все его слова звучали внятно.

Воронцов выслушал его спокойно, с непроницаемым выражением, только время от времени уголки его рта подергивались, то ли от сдерживаемой улыбки, то ли, напротив, от нервности. В основном слова Олега совпадали с тем, что говорил Антон, но было и кое-что новенькое.

Замолчав, Олег с нетерпением ждал, что же на все это скажет его трезвомыслящий друг.

А тот словно и не усмотрел во всем рассказанном ничего удивительного.

– Ну, пожалуй, действовали вы довольно грамотно. Молодцы, можно сказать. Однако и дураки в то же время. Твой Новиков, видать, остроумный парень. Интересно будет с ним познакомиться, время у меня есть, так что – к вашим услугам...

Левашов рад был это слышать, но одновременно испытал нечто похожее на разочарование: слишком нейтрально отнесся к их приключению Воронцов. Будто ему рассказали о вполне рядовой, пусть и рискованной, проделке скучающих лоботрясов по типу курсантского прошлого.

Зато ему показалась забавной ситуация, которая неизбежно возникнет, когда в их компании окажутся сразу два лидера, Новиков и Воронцов. Левашов об этом и сказал.

– Есть рыцари без страха, но с упреком, – многозначительно изрек Воронцов. – А вообще все это ерунда. Я в вашей компании человек новый, почти посторонний, куда мне в лидеры? На службе надоело. Заведомо готов подчиняться. Разве если советом помочь или там грубой силой... – И улыбнулся простодушно, закинув руки за голову, вытянув длинные ноги на середину кухни, пуская дым в потолок, и кто угодно, кроме Олега, свободно поверил бы в его простодушие и искренность. Да нет, не кто угодно, а лишь тот, кто не сходил с Воронцовым Дмитрием Сергеевичем хотя бы в один рейс за пределы Маркизовой лужи. – Оставим, Олег, эту тему. Чего загадывать? Сначала хоть до утра дожить надо. А тебе, кстати, и спать пора. Ты в зеркало давно смотрел?

– А что? – удивился Левашов.

– Нет, просто к слову. Не смотри, не надо. Потому как вид у тебя сейчас... Вторую ночь не спишь? Ну и хватит. Еще бокал данного нектара – и в койку. Черт знает что, то бабы мужику спать не дают, то пришельцы...

– Какие бабы? – не понял Олег, чувствуя, что глаза у него и вправду закрываются сами собой.

– Откуда я знаю? Обыкновенные... А что, нет баб? – вдруг встревожился Воронцов. – Тогда плохо. Для организма вредно. Будем лечить... – И вид у него действительно стал озабоченный, как у судового доктора, обнаружившего на горизонте кандидата в пациенты. Только глаза оставались хитро-веселыми.

– Все-таки здорово, Димка, что ты приехал, – сказал Левашов и пошел готовить постели.

– Ты ложись, Олег, – крикнул ему вслед Воронцов. – А я тут посижу, чайку изготовлю, обмыслю кой-чего. Я-то на месяц вперед отоспался. И ехал не спеша...

«Странно, – подумал Левашов, стремительно засыпая. – Ехал не спеша, а лаваш совсем свежий».

¹ Левашовым коротко пересказано содержание первой книги романа.

Глава 3

Утром Воронцов сказал Левашову, что у него есть некоторые неотложные дела в Москве, что появится он скорее всего ближе к вечеру, а если нет, то позвонит, и если Олег не передумал и готов ввести его в игру, то может пригласить своих друзей сюда или в любое другое место по их усмотрению.

– А главное, советую тебе соблюдать сугубую осторожность. Судя по всему, от ваших клиентов можно ожидать любой гадости. Обидели вы их крепко...

Олег долго дозванивался до Новикова. Наконец, трубку взял Шульгин. Сонным голосом он сообщил, что Андрей, по всем признакам, должен быть у Ирины, поскольку больше ему податься некуда, но тревожить его не стоит, когда нужно – сам объявится. Он же, Шульгин, собирается соснуть еще часика три. После чего будет готов на любое применение.

В конце концов все устроилось, нашелся и Новиков, и остальные, встретиться договорились у Берестина в мастерской – близко от центра, просторно, и точка совершенно не засвеченная, как выразился Андрей, имея в виду, что там их пришельцы вряд ли обнаружат, поскольку Берестин у них по данному делу не проходит.

Левашов повесил трубку телефона и подумал, что все опять мыслят одинаково, предполагая, что вчерашней историей ничего не кончилось, а, наоборот, только начинается. Не зря вчера Шульгин первый тост поднял «за нашу пиррову победу».

Примерно через полчаса Левашову неожиданно пришла в голову мысль, что дело может обстоять еще хуже, чем они надеются, потому что упущен один весьма существенный момент, и снова набрал номер Андрея, но там уже никого не было. Он послушал длинные гудки, и ему стало тревожно и муторно на душе, как у разведчика перед визитом на ненадежную явку.

Потом опять позвонил Воронцов, спросил, как дела и какой намечен расклад.

– Черт знает что! – не выдержал Олег. – Сделали из меня диспетчера. Весь день сижу на телефоне. Если со стороны послушать, так меня уже можно брать. Не то содержатель притона, не то резидент...

– А может, это для тебя и был бы самый лучший выход? – засмеялся на другом конце провода Воронцов. – В общем, как говаривал Черчилль, не теряйте мужества, худшее впереди. Я подъеду к восемнадцати. Плюс-минус чуть-чуть...

Олег начал говорить, что встреча намечена у... но Воронцов его перебил:

– Стоп токинг. Вот этого не нужно. Тебе говорить, а мне знать. Читай книги из серии библиотечки военных приключений. Адиос, мучачо.

...Воронцов повесил трубку на рычаг телефона-автомата и вышел из будки. Вечерняя встреча интересовала его сейчас очень мало. У него была другая, главная цель – встретиться с Натальей. После долгих бесед с ее фантомом в Замке он острее, чем когда-либо за все прошедшие годы, хотел поговорить с ней наяву. Посмотреть ей в глаза и понять – кем она стала? Раз у него ничего не ушло и не забылось, так, может, и у нее тоже?

Слова девушки с экрана давали некоторые основания думать так, но насколько она, придуманная Антоном, соответствовала оригиналу, вот вопрос.

Увидеться, поговорить и тогда уже решать все остальное. Была тут для Воронцова одна тонкость. Если живая Натали совпадет со своей проекцией, тогда можно допустить, что и в остальном Антон заслуживает доверия, если же нет, его слова и поступки – способ оказать на Воронцова психологическое давление и использовать в своих целях. То есть – если средства неэтичны, то и цели недостойны.

Не выходя из машины, он наблюдал за подъездом дома, где она жила, наблюдал так долго, что начал уже сомневаться в правильности своих расчетов и полученной от Антона инфор-

мации, но вот наконец дверь открылась очередной раз и в ее проеме появилась несомненно Натали – высокая, красивая, такая знакомая и столь непохожая на свое компьютерное воплощение. Спустилась по ступенькам и быстрой, летящей походкой пошла по аллейке между корпусами. Выжав сцепление, Дмитрий ждал, куда она свернет – направо, к станции метро, или налево, к троллейбусу. Наташа свернула налево. Он облегченно вздохнул и плавно тронулся с места.

Езда по московским улицам за троллейбусом – занятие утомительное, требующее выдержки и внимания. И все время нужно смотреть, не выйдет ли твой объект на очередной остановке, и быть готовым мгновенно принять решение – как поступить в этом случае. Если она вдруг нырнет в двери ближайшего универсама или свернет в непроезжую улицу?

Но Наташа доехала до конечной остановки, пересела на автобус, и все началось сначала. Наконец, на достаточно безлюдной остановке она грациозно перепрыгнула с подножки на бордюр через обширную лужу, отчего-то осмотрелась по сторонам и пошла к ближайшему перекрестку. Попетляла немного по пустынным переулкам и скрылась за косо висящей на одной петле дверью дома, по всем признакам забытого не только богом и людьми, но и всеми коммунальными службами тоже.

Воронцов притер машину к тротуару метрах в тридцати, заглушил мотор и закурил, опустив боковое стекло.

Куда она пришла и зачем? Неужели к любовнику на свидание? Верить в такой вариант Дмитрию не хотелось. А может, она тут присматривает за парализованной старушкой из бывших, в расчете на богатое наследство? Или посещает притон наркоманов? В любом случае – Эжен Сю и парижские тайны. Не многовато ли их вокруг? Тут усомнишься, осталось ли вообще в сей жизни что-нибудь нормальное, бесхитростное, незамысловатое...

Воронцов включил приемник. Последние известия по «Маяку» его слегка успокоили. Жизнь идет как ни в чем не бывало. Такая, как и должно быть в разумно устроенном мире. На Северном Кавказе завершается уборка зерновых, урожай выдался на славу. Металлурги Череповца разлили столько-то тонн стали сверх плана. БАМ вот-вот пропустит первый рабочий поезд. Народ Сальвадора продолжает свою справедливую борьбу. В полете «Космос» тысяча с чем-то. Температура воздуха в Москве плюс 16 градусов, туман, возможны осадки. Дмитрий тоже так думал. Сумрачно как-то вдруг стало, небо заволокла мутная пелена, и туман несло полосами.

Погода в самый раз к пейзажу, подумал Воронцов. Перед ним тянулась унылая улица, настолько унылая, что трудно было поверить, будто она существует в современной Москве, а не в дореволюционном Бердичеве. Узкие тротуары, не обрамленные зеленью, выщербленные кирпичные цоколи двух-трехэтажных домов с ободранной штукатуркой, глубокими провалами подворотен и, наверное, с сотворения мира не мытыми серыми стеклами окон. Непостижимо, как человек с неповрежденной психикой может постоянно жить на такой вот улице. Но живут ведь, и даже, возможно, довольны жизнью: отсюда всего минут двадцать пешего хода до улицы Горького, а не полтора часа на электричке и метро, как из иных шикарных районов.

Темно-бронзовый «БМВ» Воронцова выглядел в этом ландшафте довольно дико. Как франт в лаковых ботинках и фраке в окопах позиционной войны под Верденом или на Сомме. Он сам удивился пришедшему на ум сравнению, но не успел его как следует обдумать.

Из недр зловещего дома появилась знакомая фигура.

Почти не касаясь ногой акселератора, он медленно догонял стройную женщину в светло-сером кожаном плаще и серых же высоких сапожках с медными декоративными шпорами. Ее легкой походки не портила даже туго набитая, судя по всему, тяжелая сумка, оттягивающая правое плечо.

Он бесшумно накатывался на нее сзади, и руки на кольце руля у него слегка подрагивали. Не так, как при первой встрече в Замке, но все же ощутимо.

Воронцов обогнал Наташу, чуть не коснувшись бортом полы ее плаща, в боковом зеркале уловил любопытствующий взгляд на красивую заграничную машину, прокатился вперед метров сто, затормозил и вышел на замусоренный асфальт. Облокотился на полуоткрытую дверцу, вновь закурил и стал ждать.

Несмотря на свои тридцать пять и на не совсем удавшуюся жизнь, в глубине души Воронцов все же оставался романтиком. Не мог он отказать себе в некотором налете театральщины, организовав столь долгожданную встречу.

Он стоял к Наташе спиной и все равно почувствовал обостренной интуицией ее нарастающее беспокойство: эта внезапная машина на пустой улице, ее водитель, кого-то неуловимо напоминающий...

Воронцов обернулся не раньше и не позже, чем нужно, как раз когда до Наташи оставалось меньше десятка шагов. Увидел, что она узнала его – сразу – и сбилась с ноги, и он сделал движение ей навстречу, широко, почти простодушно улыбаясь.

– О боже! Ты? Откуда? – Прошедшие годы не изменили тембра ее голоса, интонаций и любимых выражений. И тоже как когда-то: «Ну, здравствуй», – сказал Воронцов.

Она сидела с ним рядом, в зеркале заднего вида Дмитрий рассматривал ее лицо и убеждался, что, воспроизводя Наташу, Антон не погрешил против реализма. Постарше она, конечно, чем в зазеркалье, но в целом один к одному. Кое в чем даже лучше. Может, потому, что рядом, касается его локтем, слышен запах ее духов, к которому примешивается запах натуральной кожи нового, не обношенного еще плаща.

Но о том, что было между ними всего лишь позавчера, Наташа не помнила ничего. Здесь Антон тоже оказался прав. Но как раз это неважно. Главное, что она не просто рада встрече, она ею потрясена не меньше, чем сам Воронцов в Замке. И, значит, все было не зря.

– Нет, ты представляешь, я же тебя видела во сне недавно. Вот пусть и говорят, что вещей снов не бывает. За все время ни разу не снился, и вот на тебе...

«Постой, постой, что она говорит? Как это недавно?» От удивления Воронцов чуть не спросил это вслух. Но сумел не показать своих чувств, сказал шутливо и как бы между прочим:

– Есть многое на свете, друг Горацио... В каком хоть виде я перед тобой предстал? Сны, они тоже разные бывают, не всегда к добру.

– Старалась-старалась вспомнить, и никак, – погрустнела Наташа. – Знаю, что был именно ты, разговаривали мы много, а вот о чем и какой ты был – хоть убей...

– Ну и выбрось из головы. А когда хоть снился-то? Я, когда сюда ехал, тоже тебя вспоминал.

– Недели две назад, кажется, или дней десять... Тогда утром особенно сильный дождь лил.

«Совсем ерунда началась. Две недели назад я только-только в Сухуми обосновался, никого Антона и в помине не было». Впрочем, на фоне прочих событий двухнедельный сбой во времени можно счесть пустяком. Как ошибку в пару миль при определении координат по звездам.

– А я еду – смотрю, изумительная девушка впереди движется. И кого-то мне ужасно напоминает. Неужели, думаю! Обгоняю – точно! Вот тебе и теория вероятностей. Ты что, живешь здесь?

– Да ну, вот еще... – Наташа замялась, будто не зная, стоит ли говорить правду. – К спекулянтке приезжала. Девчонки на работе адрес и пароль дали. Туфли купила, платье австрийское, кофе фээргэшный, на десять банок разорилась. По-другому не достанешь ничего.

Воронцов прикинул, что при средних заработках одинокой женщины деньги на сегодняшний визит Наташе пришлось копить чуть не полгода.

– Знать бы, я тебе такого добра сколько хочешь привез... Куда поедем?

– Не знаю. Если хочешь, можно сначала ко мне. Брошу барахло, а там видно будет. Твоим планам это не мешает?

– Без вопросов. А муж твой что скажет? Впрочем, логика мне подсказывает: раз приглашаешь, значит, можно. В командировке?

Наташа пожала плечами.

– Три года, как разбежались...

– Ясенько... Случай ненадежен, но щедр. А помнишь, как мы расстались? Выходит, я прав был?

– Помню все, да что теперь об этом говорить? Не переделаешь. Скажи лучше, как ты? Не адмирал еще?

Воронцову снова стало не по себе. Она дословно повторила тот же самый вопрос, что и в Замке. А подумать, так чему удивляться? Один и тот же человек, одинаковые обстоятельства, и вопрос самый естественный, имея в виду их общее прошлое. Он тоже ответил почти по-прежнему:

– В основном нормально. А адмиральство мое там же, где и многое другое-прочее. Я теперь исключительно в мирных целях используюсь. Из порта А в порт Б. Туда руду, оттуда зерно.

– Жаль... – с искренним сочувствием в голосе сказала Наташа. – Ты же всегда хотел быть только военным. Кому же, как не тебе?

– Значит, нашлось кому. Да и вообще это не тема. Давай о чем другом. Тем более, служи я на ВМФ, уж точно тебя не встретил бы сегодня.

– Давай расскажи, как у тебя. Женился, дети есть? – При этих словах Воронцову показалось, что голос ее чуть заметно дрогнул.

– Не пришлось как-то. Кому я такой нужен? По году в море, ни кола ни двора...

В этот момент машина вывернулась из переулка на Кутузовский проспект, Воронцов резко прибавил скорость – так, что Наташу вдавило в кресло. Вцепившись в подлокотники, она с замиранием сердца ждала, что вот сейчас, в следующую секунду, Дмитрий врежется в любую из тех машин, которые он обгонял, или его остановит первый же милиционер. Все ее друзья-автовладельцы боялись сотрудников ГАИ почти панически, она не раз видела, как лошечные, знающие себе цену мужики становились заискивающе-жалкими, как только их тормозил и подзывал к себе повелительным жестом лейтенант, а то и сержант с полосатым жезлом. И ей бы очень не хотелось увидеть в подобной роли Воронцова.

Но их не останавливали, вопреки всякой логике, а на одном из перекрестков, который Дмитрий проскочил под перемигнувший с желтого на красный светофор, стоявший у патрульной «Волги» офицер отдал им честь.

Это было загадочно, но приятно, и Наташа спросила, что такая вежливость означает.

– Наверное, на флотах со мной служил. И до сих пор забыть не может...

Накренившись, как торпедный катер на циркуляции, «БМВ», едва не столкнувшись с троллейбусом, прошел поворот на Садовое кольцо.

Наташа тихо вскрикнула.

– Все, все, больше не буду. Раз взялся, значит, живой доведу. Ты где, собственно, обитаешь, я так и не спросил?

– Пока правильно едем. Я думала, ты знаешь...

– Откуда? – простодушно удивился Воронцов.

...В прихожей он помог Наташе снять плащ, повесил его на крючок и, повернувшись, увидел через открытую дверь свой портрет на книжной полке. «Вот это действительно сюрприз...» Он непроизвольно оглянулся.

Наташа, опустив голову, расстегивала «молнию» на голенище. Почувствовав его взгляд, выпрямилась, тоже увидела фотографию, досадливо прикусила губу и, кажется, даже покраснела, но в полумраке прихожей Воронцов мог и ошибиться.

Он сделал несколько шагов, остановился перед глянцевой картонкой, навек зафиксировавшей давно исчезнувшее мгновение жизни. Ни корабля, здесь снятого, давно нет на свете, ни бравого лейтенанта в нахимовской фуражечке. Однако самым поразительным для Дмитрия оказался сам факт, что, вычеркнув из жизни оригинал, Наталья сохранила фотографию, да еще держит в красном углу.

Наташа подошла к Воронцову, неслышно ступая по паласу. Услышав ее неровное дыхание, Дмитрий повернулся и, еще секунду назад имея совсем другие планы и намерения, вдруг привлек ее к себе, сомкнул руки у Наташи на спине, начал жадно, пожалуй, даже слишком, целовать. Она успела только коротко ахнуть от его внезапного порыва, потом сама прижалась к нему грудью, ответила на поцелуй.

Как будто не было ничего между их последней встречей и этим моментом. Под пальцами Воронцова оказался язычок застёжки платья, с тихим шелестом он пошел вниз.

Наташа не сопротивлялась, скорее напротив, но, оторвавшись от ее губ, чтобы перевести дыхание, Дмитрий вдруг увидел широко открытые глаза. Они словно кричали: «Да, да, милый, все правильно, я твоя, только твоя, но если можно – не сейчас...»

Он вздохнул глубоко и отстранился, убрал руки. Воронцов понял, что с ней происходит. Она просто не готова к безоговорочной капитуляции. Ему показалось даже приятным сделать такой жест. Как полководцу, который давно потерял надежду осадой или штурмом взять крепость, от взятия которой зависели его судьба и карьера, и вдруг узнавшему, что неприятельский комендант только и думает, как бы сдаться, но только сдаться прилично, сохранив оркестр и знамена.

Наташа благодарно опустила ресницы, сама потянулась к нему и коснулась губами его щеки. Доверчиво повернулась спиной, и Дмитрий, усмехаясь над собой, подчеркнуто медленно застегнул ей платье.

На улице как-то сразу пошел дождь, капли забарабанили по оцинкованному козырьку подоконника, под ветром зашумели, раскачиваясь, ветви вытянувшейся до третьего этажа березы. В комнате стало почти темно.

Совсем как в Замке, подумал Воронцов, только между нами нет стекла.

Наташа за руку подвела его к дивану, села в уголке, положила голову на плечо Дмитрия. Он осторожно обнял ее за талию.

– А ты правда из-за меня не женился? – шепотом спросила Наташа.

«Везде вам нужно найти повод для тщеславия», – чуть не ответил он то, что вдруг пришло ему в голову, но сдержал готовую сорваться фразу. Сказал иначе:

– Обязательно тебе нужно знать – почему, отчего... Угадай лучше, в чем смысл. За столько лет ни разу не встретились, а именно сейчас это вдруг случилось. В мой прошлый приезд ничего бы у нас не вышло. Нет?

Наташа не ответила. Она думала о своем.

– Все-таки почему ты тогда так бесповоротно отказался от меня? – неожиданно спросила она. – Сейчас я вспоминаю... Я ведь ничего по-настоящему не решила. Если бы ты приехал, пусть на день, на два, все могло бы получиться совсем по-другому.

– Брось. Не обманывай себя. – Воронцов посмотрел в потолок, по которому скользили зеленоватые тени. – Ничего бы не было. В твоем тогдашнем возрасте отвергнутых поклонников обратно не принимали. Их тем больше презирали, чем они настойчивее добивались. Это с годами вы начинаете ценить каждого влюбленного в вас мужчину. А в двадцать лет жизнь

кажется бесконечной и за каждым углом чудится новый капитан Грей... Только, правда, разговоры эти сейчас ни к чему, теория...

Они снова начали целоваться.

Потом Наташа, совсем, кажется, потерявшая голову и свою обычную сдержанность, вдруг резко отстранилась, высвободилась из объятий Воронцова, встала, одернула платье, провела обеими руками по лицу, убирая с глаз волосы, и, ничего не сказав, вышла из комнаты.

Дмитрий подумал, что она сейчас вернется, но ее все не было, а с кухни стали доноситься характерные звуки.

– Иди, я тебя обедом буду кормить, – позвала Наташа. – Если хочешь в комнате, выдвинь стол на середину.

– Придумала – в комнате. Тарелки-то мне придется носить, а я отвык. Давай на кухне.

За столом они вели легкий, совершенно нейтральный разговор, молчаливо согласившись, что еще не время обсуждать перспективы дальнейших отношений. Воронцов заодно решил не делать пока и попыток пробудить ее память о встрече в Замке, хотя средство для этого имел безотказное. Он просто не видел необходимости в таком шаге. Достаточно и тех проблем, которые возникли сами собой и которые предстоит решать. С Левашовым, его друзьями и пришельцами, буде они себя проявят. Если и Натали окажется сюда замешанной, у него просто не хватит душевных сил. Пока он может отвечать и решать только за себя. А Наташа – пусть она останется его запасной позицией, тем рубежом, куда можно отступить.

Мыслю только фронтовыми категориями, с иронией подумал он, но ирония, признаться, получилась вымученная.

– Давай куда-нибудь сходим сегодня, – предложила Наташа. – Сто лет никуда не выбиралась. В театр, например, или даже в ресторан...

Ему очень не хотелось ей отказывать.

– Давай, – согласился он. – Только вот встреча у меня одна назначена. Исключительно деловая, с товарищем и коллегой... – Он посмотрел на часы. – Можно бы ее, конечно, отменить, но там еще и другие люди завязаны, я же не знал, что тебя встречу... Давай так. Я туда быстренько сбегая, постараюсь в час или два уложиться. И – в полном твоём распоряжении. Идет? А ты пока думай, что и как. Полный тебе карт-бланш. Но ежели хочешь знать мое мнение, так я за ресторан. На искусство не очень тянет. А вот «Прага», к примеру, зимний сад... Помнишь?

– Помню, конечно, – вздохнула она. – Только мы туда не попадем. Отстал ты от жизни, сейчас не семьдесят первый год.

– Как раз здесь вопросов нет, – успокоил он ее. – Не бывает ресторана, куда не пустили бы капитана Воронцова, тем более – с дамой.

Он вздернул подбородок жестом не то Цезаря, не то Остапа Бендера.

– Ох, Дим, какой ты был, такой остался...

– Чем и хорош. Жаль, что, кроме тебя, это никто не ценит.

Наташа наморщила лоб.

– Слушай, опять то же ощущение. Мучительно стараюсь вспомнить. Кажется, в том сне ты очень похоже говорил... Вообще, как будто все уже второй раз повторяется.

– Конфабуляция, она же – ложное воспоминание. Есть у психиатров такой термин. У всех бывает. У меня довольно часто.

– Дим, давай, ты сегодня никуда не поедешь, – жалобным тоном попросила Наташа. – Не по себе мне как-то. Словно боюсь, что не увижу тебя больше. Исчезнешь – и все. Я ведь и адреса твоего не знаю, вообще ничего о тебе...

Был бы он верующим, наверняка бы перекрестился. Можно бы также трижды сплунуть через плечо или произвести иные ритуальные действия. К его настроению только Наташины

слов и не хватало. «Исчезнешь – и все». Знала бы она, насколько близка к истине в своих интуитивных опасениях.

– Брось ты... – как можно небрежнее сказал Воронцов. – Я на два часа, не больше. Слово русского офицера. А адреса у меня в Москве нет. В Питере – да, имеется. Телефон разве Олегов дать... – и тут же прикусил язык, вспомнив свои и Антона опасения. – Хотя я к нему заходить не буду. Так, переговорим накоротке... Вот багаж свой я у тебя брошу. В залог. Я же с моря еду, так все в машине и лежит. Не против?

– Оставляй, конечно. А я пока буду ждать и собираться. Как там у вас говорят – форма одежды парадная?

– Примерно. – Воронцов посмотрел на часы. – Сейчас семнадцать. Ждут меня к восемнадцати. Значит, в двадцать нуль-нуль буду как штык. Плюс-минус десять минут на превратности судьбы и уличного движения.

Глава 4

«Самое смешное, – думал Воронцов, – заключается в том, что я всегда был уверен в особенностях своего предназначения».

Тут он не отличался особой оригинальностью. Неизвестно, найдется ли человек, считающий себя хуже других, заведомо ориентированный на беспросветную банальность и никчемность отпущенной ему жизни.

Разница состояла лишь в том, что и в прошлом, и тем более теперь уверенность Воронцова имела конкретные подтверждения.

Наверняка не он один рисовал в воображении картины необыкновенных приключений, дальних странствий, геройских подвигов. И, уж конечно, большинство потерпевших неудачу в любви (особенно первой) мечтали о реванше, в чем бы он ни выражался. Однако мечты эти обычно мечтами и оставались. У него же получилось совсем иначе.

Откинувшись на спинку сиденья, свободно положив руки на обтянутое кожей кольцо руля, Дмитрий перебирал в памяти подробности только что происшедшей встречи, сравнивая их со своими грезами, которые время от времени посещали его на протяжении всех минувших лет.

И не мог не признать, что все получилось даже лучше, чем ему представлялось. Было все – и внезапность встречи, и ее ко времени подоспевшая свобода от семейных уз, готовность Наташи ответить на его постоянство и верность юношеской любви – и ее признание в том, что она ошиблась и сожалеет о своей ошибке...

Воронцов даже не замечал, насколько сама встреча и его теперешние мысли о ней отдают классической индийской мелодрамой. Несмотря на то, что сам мелодрам не любил – ни в книгах, ни в кино, ни в реальной жизни. А если бы заметил, то скорее всего засомневался бы: все ли в происшедшем вызвано естественным ходом вещей и нет ли чего, так сказать, привнесенного извне?

Но ведь может человек на какое-то время расслабиться, забыть хоть на немного о своем трезвомыслии и скептицизме, обыкновенным образом порадоваться жизни?

Вот он и размышлял, как хорошо бы забыть обо всем, в том числе и об Олеге с его компанией, провести оставшиеся два месяца отпуска с Натали, целыми днями бродить по улицам и музеям, вечерами – по театрам и ресторанам или рвануть в Сухуми, на вроде бы теперь принадлежащую ему дачу... Сполна насладиться абсолютным исполнением всех желаний, что приходили к нему бесконечными вахтами. Желаний заведомо тщетных, оттого и по-особенному волнующих...

И ведь не заставляет никто поступать по-другому. Разве перед инопланетянином Антоном стыдно? А чего стыдиться? Он ведь, в принципе, поймал его на «слабо» – изящно оформленное, но все же... А ведь с детства известно: «На слабо фраеров ловят». А вот поди ж ты! Остается утешиться другой мудростью, неизвестно когда и где подхваченной: «Мечтать о чем-либо – значит обладать многим, получить что-либо – значит тотчас все потерять». Прямо будто про него...

Одна надежда, что «тотчас» – понятие достаточно растяжимое.

Время у него еще было, и он сначала заехал в «Прагу», заказал двухместный столик – именно там, где хотел. Трудности, естественно, возникли, но разрешились сразу же, как только в руке мэтра исчезла зеленовато-серая десятидолларовая бумажка. Сам Воронцов не до конца понимал механизм особой власти данной продукции Федерального резервного банка США над работниками отечественной сферы обслуживания, но пользоваться им умел. Были и другие способы, тоже вполне эффективные, однако они требовали гораздо больше времени и сил, да и уважение, достигаемое с их помощью, имело оттенок несколько вымученный.

А так всего через десять минут, сделав предварительный заказ, он уже легко сбегал вниз по беломраморной, украшенной зеркалами лестнице, уверенный, что все будет сделано по высшей категории.

Развернувшись на заставленной машинами площадке, Воронцов выбрал подходящий момент и стремительно бросил взревевший мотором «БМВ» в проносющийся сквозь Калининский проспект автомобильный поток.

Ему еще хватило времени заскочить в ближайшую «Березку» и оставить там все свои инвалютные ресурсы, загрузив взамен багажник коробками, пакетами и свертками, содержимое которых не могло оставить равнодушной и гораздо более привычную к красивой жизни женщину, чем Наташа в ее нынешних обстоятельствах.

Настроение постепенно пришло в норму, он уже с обычной иронией думал о посетившей его на миг душевной слабости, отнеся ее на счет общей усталости и слишком эмоционально пережитой встречи. Дмитрию даже стало казаться, что и опасения Антона преувеличены, история с пришельцами всех родов и видов благополучно завершена, сегодняшняя беседа с Левашовым, Новиковым и прочими это подтвердит, и он со спокойной душой вернется в дом напротив Рижского вокзала.

Воронцов успел представить с приятно замирающим сердцем, как Наташа сейчас уже начала собираться, сидит перед зеркалом, нанося на и без того красивое лицо вечернюю боевую раскраску, и то, как все будет вечером и после. Начал впрок набрасывать краткие тезисы застольной беседы, шутки и тосты, в меру остроумные и с подходящим подтекстом, одним словом – разрабатывать диспозицию...

А через минуту все пришлось забыть.

Он затормозил, потому что улицу перед ним перекрывало ограждение из красных металлических решеток, охраняемое милицией. Воронцов собрался заглушить мотор, но, вовремя вспомнив о магической силе номеров своей машины, коротко и требовательно просигналил.

Прием сработал безотказно. Командовавший нарядом лейтенант махнул рукой, сержанты дружно сдвинули решетки и вдобавок козырнули.

Предчувствие, кольнувшее в сердце, не обмануло Дмитрия. Он понял это, увидев перед знакомым домом скопление пожарных, санитарных, милицейских и просто начальственных машин. Припарковался рядом с ними, но чуть в стороне, чтобы не слишком бросаться в глаза и в случае необходимости без затруднения исчезнуть.

Угол дома. Как раз тот, где помещалась квартира Левашова, выглядел необычно. Необычно для мирного времени и в зоне, безопасной в сейсмическом отношении. Два нижних этажа остались на месте, а выше громоздилась груда камней, из которой торчали погнутые двутавры, обломки балок и половиц. Обрушился как раз стык фасадной и торцевой стен, метров по десять в каждую сторону, раскрыв угловые квартиры, как театральную декорацию. Часть мебели в них раздробило и сплющило рухнувшими стенами и деталями покрытий, часть разлетелась по тротуару и газонам перед домом, остальное так или иначе удержалось на своих местах.

Оттесненная милицией и пожарными во внутренний двор толпа жильцов пострадавших квартир, соседей и случайных прохожих шумела и волновалась. Слышались оттуда истерические крики и женские рыдания. В воздухе носилась известковая пыль и ощущался запах газа.

Покусывая губу, Воронцов подошел к группе офицеров с ключами и молотками на петлицах, где давал указания молодой и резкий подполковник.

Подождав, Дмитрий вклинился в разговор.

– Жертвы есть? – отрывисто спросил он.

– Покойников нет, а покалеченные имеются. Разной степени тяжести, – с разгону ответил подполковник.

– Причину выяснили? – продолжал Воронцов сбор информации.

Подполковник взглянул на него будто бы с сомнением, но Дмитрий успокаивающе коснулся левого нагрудного кармана, словно намереваясь вытащить лежащее там удостоверение.

Этого жеста оказалось достаточно.

– Непосредственная причина – разрушение стен третьего этажа. Но чем оно вызвано... Что-то тут странное произошло.

Воронцов кивнул и отошел. Он уже и сам сообразил, что имеет в виду пожарный начальник.

Здесь напрашивалась отчетливая военно-морская ассоциация. Такие именно повреждения мог бы вызвать, к примеру, бронебойный снаряд главного линкоровского калибра (типа «Нью-Джерси», допустим), если бы он попал как раз в стену квартиры Левашова, прошел, не разорвавшись, навывлет и, разумеется, разнес в пыль и обе стены, и все, что находилось между ними. А уж после этого, лишённые опоры, рухнули верхние этажи.

Но поскольку на самом деле из шестнадцатидюймовых пушек здесь никто не стрелял, оставалось предположить, что сбылись (и так быстро!) слова Антона и не кто иной, как означенные пришельцы-агтры, начал действовать.

Неизвестным, но вполне очевидным способом они изъяли из дома всю квартиру Олега целиком...

Воронцов специально подошел вплотную, потрогал стену рукой. Все верно. Срез прошел точно, будто сделанный лазерным лучом, и только обвал двух верхних этажей и вторичная деформация конструкций слегка маскировали сверхъестественность случившегося.

Но специалисты, конечно, быстро все сообразят. И станут в тупик. Для собственного успокоения скоренько разберут развалины, наверное, уже сегодня ночью, и обсуждать будет нечего. До ученых просто дело не дойдет. Да и что они скажут?

А технику-смотрителю жэка объявят выговор. На том все и кончится.

Воронцов повернулся и не спеша пошел к машине. Ему снова стало не то чтобы страшно, а не по-хорошему жутко. Как там, в сорок первом, на лесной дороге. А может, и хуже. Все-таки война есть война, и вещи, хотя и трагические, но для войны обычные, совсем иначе воспринимаются в мирное время.

С тем, что Олега больше нет, придется смириться. Он скорее всего жив. Для того чтобы просто убить человека, нет необходимости извлекать из дома кусочек объемом кубов этак в двести.

Если только им не понадобилась именно квартира. Из-за ее содержимого. А содержимое как раз им понадобится могло. Левашов показывал ночью комнату, забитую полученной от инопланетянки Ирины аппаратурой...

Чтобы попытаться выяснить судьбу Левашова, придется обращаться к Антону. Ничего не поделаешь. То есть – никуда он от этого дела не ушел, как Антон и предвидел.

Воронцов, не сдержавшись, выругался вслух. Стоявший поблизости милицейский сержант заинтересованно вскинул голову, ожидая продолжения. Дмитрий сделал грозное лицо. Открыл дверцу, сел, положил руки на руль. Полез в карман, нащупал пустую пачку от сигарет и еще раз не сдержался. Но уже шепотом.

В конце концов, можно и по-другому. Показать Антону и всем прочим, что не такие уж они психологи и пророки. Послать их всех к черту. Наплевать и забыть. Олега нет. Его не вернешь. Смешно думать, что человек – существо жалкое, слабое, полудикое – может всерьез рассчитывать играть на равных с субъектами, свободно устраивающими такие вот штуки. Свободно манипулирующими пространством и временем.

А мы? Словно папуасы какие-нибудь развивающиеся, заманили белого колонизатора в яму, замаскированную сучьями и травой, стукнули по голове бамбуковой оглоблей и в полном восторге от своей лихости начали веселиться, пить пальмовое вино и закусывать малосольными ананасами.

В то время как другие колонизаторы, которые в яму не попали, похватали автоматы, погрузились в вертолет – и вот они! Прилетели наводить порядок.

Очень убедительная аналогия. И в его, воронцовском, положении самое разумное – возблагодарить бога, что (и если) пришельцы лично до него не добрались. Ехать надо сей же час к Наталье и – вести ее в ресторан. Помянуть Олега как положено – и точка. Прицелы зачехлить, стволы вернуть в диаметрально плоскость, команду свистать к вину и на обед...

Воронцову показалось, что на него начали обращать внимание. Ожидать, пока кто-нибудь решит познакомиться с ним поближе или проверить документы, Дмитрий счел глупым. Да и делать ему здесь больше нечего было. Цепочка оборвана. Ни адресов, ни телефонов друзей Левашова он не знает. А если бы и знал? Логично предположить, что операция изъятия коснулась не только Левашова. Любая грамотная спецслужба брала бы всех причастных одновременно. Закон жанра...

Мотор тихо зашелестел, машина покатила мимо изувеченного дома. Воронцов в последний раз посмотрел туда, где всего полсуток назад они сидели с Олегом за столом и Левашов излагал ему свою эпопею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.